

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Санкт-Петербург
2022

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

кандидат технических наук Ф.М. Лурье,
доктор исторических наук С.Н. Искюль

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.),
М.П. Лепехин, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 5 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2022. — 206 с.: 74 цв. ил. —
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00312-3 (вып. 5)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Пятый выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой. Статьи, представленные в рубриках «Библиотечно-информационная деятельность», «Эволюция книги», «Люди и книги», по своему наполнению относятся к тематическим разделам: библиотековедение, библиографоведение, книговедение, литературоведение, исследования по литературным источникам и др.

Отличительной особенностью данного выпуска является размещение цветной вклейки, демонстрирующей элементы книжных переплетов из частных собраний, музеев, библиотек с применением декоративных бумаг, технологии их создания. В сборнике представлены материалы по изучению, выявлению ассортимента, национальной технике рисования и основным особенностям таких бумаг.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Кнорозова Е.Ю. Вьетнамская проза первой половины XX века в работах российских исследователей	5
Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и «Житие» протопопа Аввакума (Третий путь — языческая магия и христианское чудо)	18
Федотова П.И. Гидронимы Нево и Нева: конфликт интерпретаций	37
Митрофанов В.В. Магистерские программы в архиве С.Ф. Платонова. Часть 2	47
Жабрева А.Э. Исторический и традиционный костюм Франции в книжных иллюстрациях, почтовых открытках и сувенирных куклах (по следам выставки Музея истории БАН)	60
Бахарева Г.В. Из истории коллекции отечественных журналов в библиотеке Пушкинского Дома (краткий обзор)	71
Реброва Н.А. Особенности определения подлинности изданий XVII века на примере издания “Recueil des memoires et conferences sur les arts et les sciences presentées à Monseigneur Le Dauphin” 1673 года из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств	82
Тилева Е.А., Цевелёва И.В., Романова Ю.А. Разработка информационных карт по сохранности в консервации редких и ценных документов из фондов БАН	88

ЭВОЛЮЦИЯ КНИГИ

Виноградова Т.И. Ранние китайские источники о мраморной бумаге	98
Фирсова В.С. Японская книжная декоративная бумага (VIII–XIII вв.)	104
Курова О.Н. Турецкое искусство эбру в европейских источниках	110
Ванюшкина Н.Н. Эбру: традиции и новаторство в поколениях турецких мастеров	117
Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплете эпохи модерна (по страницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам Академического собрания БАН)	122

Неклюдов В.В. Бумага в реконструкции и реставрации переплета книги	131
---	-----

БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бекжанова Н.В. К истории организации отдела систематизации литературы Библиотеки Академии наук в 1950-е гг. (1944–1952 гг.)	136
Андреева Н.С. Книгообмен Библиотеки Академии наук с Прибалтийскими губерниями: к истории вопроса (вторая половина XIX в.)	143
Дымская Д.Д. История систематизации литературы по языкознанию в БАН	148
Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.)	155
Жумаев Р.А. Отражение литературы по экономике образования и экономике культуры в Центральном систематическом каталоге Библиотеки Российской академии наук	160
Сидоренко П.И. Статистический анализ публикаций по математическим наукам (на основе электронного каталога БАН)	165
Иванов И.А. Правила оценки книжных фондов	171
Кульматова Т.В., Курова О.Н. 2-й Научно-практический семинар «Декоративные бумаги: история, современность, проблемы изучения и описания»	178

ЛЮДИ И КНИГИ

Маркова Т.Б., Самара Л.О., Пономарева Н.В. Служение Библиотеке: к 100-летию со дня рождения Ариадны Александровны Моисеевой (1922–1975)	182
Сидоренко Н.А. Коллекция биографических материалов А.И. Лященко и топографическая картотека к ней	190
Елкина Н.Н. Юбилей К.М. Бэра	196
Список иллюстраций (цветная вклейка)	200

Е.Ю. Кнорозова

ВЬЕТНАМСКАЯ ПРОЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел литературы стран Азии, и Африки
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: knorozova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Т.Н. Филимонова является ведущим российским специалистом по вьетнамской литературе, она автор монографии «Очерк вьетнамской литературы XX века: учебное пособие». В данной статье на примере ее работ и работ других российских исследователей раскрывается тема российско-вьетнамоведения, к значительным достижениям которого можно отнести серию «Библиотека вьетнамской литературы», вышедшую в конце 70-х — 80-х годах XX в.

Ключевые слова: литературоведение, Вьетнам, российские ученые, проза, сборник, рассказ.

Половина монографии известного российского вьетнамиста Н.И. Никулина «Вьетнамская литература. Краткий очерк» (М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. 344 с.) касается вьетнамской литературы XX в. (с. 163–320). Этой теме исследователь посвятил также более 10 статей, ряд вступительных статей к переводам вьетнамских авторов на русский язык, например, к произведениям Нго Тат То (1894–1954) и Нгуен Конг Хоана (1903–1977) [1].

Т.Н. Филимонова является ведущим российским специалистом по вьетнамской литературе. Большое внимание она уделяет литературе XX в. Помимо монографии «Очерк вьетнамской литературы XX века: учебное пособие» [2] и разделов в «Полной академической истории Вьетнама» [3], Т.Н. Филимонова — автор более 20 статей, посвященных литературе XX в. И.В. Бритов опубликовал рецензию на монографию «Очерк вьетнамской литературы XX века: учебное пособие» [4].

М.Н. Ткачев много переводил вьетнамских писателей XX в., часто сами переводы предваряет обширное предисловие, в котором рассматривается биография писателя, дается литературоведческий анализ представленных произведений. Три предисловия, посвященные Нгуен Туану (1910–1987), То Хоаю (1920–2014) и Нгуен Динь Тхи (1924–2003), объединены в одной книге: Мариан Ткачев. Сочинитель, жантийом и фронт. Что он делал. Кем хотел быть. Каким он был среди друзей [5, с. 42–101].

О вьетнамской литературе XX — начала XXI в. писали И.В. Бритов, И.С. Быстров, Н.Е. Геронина, И. Ермаков, И.П. Зимонина, Н.М. Краевская, Е.Р. Курило, Н.И. Никулин, Д.А. Перевалов, В.И. Семанов, А.А. Соколов, М.А. Сюнненберг, М.Н. Ткачев, С.Н. Топорищев, Т.Н. Филимонова. Актуальную тему поднимает А.А. Соколов в статье «Взаимное изучение литератур — канал духовного сближения» [6].

В последнее десятилетие XIX в. и до тридцатых годов XX в. происходил переход от традиционной вьетнамской литературы к современной литературе европейского типа. И.С. Быстров — автор статьи «Европей-

ское культурное влияние как одна из предпосылок становления современной вьетнамской литературы» [7].

Самому раннему на сегодняшний день прозаическому произведению европейского типа, написанному латинизированной письменностью *куок нгы*, — рассказу «Отец Лазаро Фиен» Нгуен Чонг Куана (1865–1911), опубликованному в 1887 г. [2, с. 15], посвящена статья Т.Н. Филимоновой «Новое из истории современной вьетнамской прозы — «Отец Лазаро Фиен» [8].

Представляет интерес статья Т.Н. Филимоновой «“Новое учение о цивилизации” как памятник вьетнамской общественной мысли начала XX в.» [9].

Вьетнамской литературе первой половины XX в. и кризису традиционных вероучений посвящена статья Н.И. Никулина [10].

Во Вьетнаме появился новый жанр — современная, разговорная драма. Рождение современного драматического театра соотносят с именем Ву Динь Лонга и его пьесой «Чаша яда» (опубликованной в сентябре 1921 г., в сентябре также состоялась ее премьера) [11, с. 12]. Пьеса «Чаша яда» переведена на русский язык [12].

Как отмечает А.А. Соколов, особенности рождения и развития современного драматического театра во Вьетнаме в период 1920-х годов в целом могут быть охарактеризованы следующим образом: 1. Разговорная драма и драматургия формировались в результате непосредственного восприятия французского театра. 2. На первом этапе своего развития разговорная драма еще не отделилась полностью от национального музыкального театра. 3. В основном движение разговорной драмы развернулось в двух главных городах Северного Вьетнама — в Ханое и Хайфоне [13, с. 303–304]. Сборник вьетнамских пьес переведен на русский язык [14].

В статье «Роман Хоанг Нгок Фатя “То Там” в контексте вьетнамской романистики начала XX в.» Т.Н. Филимонова представляет в общих чертах вьетнамскую романистику начала XX в. и рассматривает на этом фоне одно из самых известных произведений вьетнамской прозы 20-х годов — роман Хоанг Нгок Фатя (1896–1973) «То Там» [15, с. 321]. Т.Н. Филимонова отмечает, что в двухтомном «Словаре произведений вьетнамской прозы» (Ханой, 2000) представлено в кратком изложении содержание произведений вьетнамской прозы всего XX в., причем первый том двухтомника полностью посвящен периоду до 1945 г. и содержит около 50 наименований доступных на сегодняшний день романов 20-х годов. Именно этот словарь послужил для данной статьи источником материалов о романах 10-х годов, которые по понятным причинам являются библиографической редкостью [15, с. 337]. Хоанг Нгок Фатя написал роман «То Там» в 1922 г. Это история несчастной любви двух молодых людей, Дам Тхюи и девушки Лан (То Там — это прозвище Лан, придуманное по ее просьбе Дам Тхюи, означает сорт орхидей белого цвета внутри), которые стали жертвами, правда, добровольными, традиционной вьетнамской, т.е. конфуцианской, морали, когда судьба детей, вопросы брака решались родителями, а дети должны были почтительно исполнять их волю [15, с. 328–330]. По словам Т.Н. Филимоновой, если крайне немногочисленные ранние романы 10-х годов еще только

начинают отражать новую колониальную реальность, которая входит в противоречие с традиционным укладом вьетнамской жизни, то в романистике 20-х годов это противоречие так или иначе формулируется и осмысливается уже на уровне идей. Причем, в борьбе между «старым» и «новым», «своим» и «чужим», по крайней мере в области этики, которая во Вьетнаме как в конфуцианской стране исстари играла важнейшую, организующую жизнь всего общества роль, пока преобладают консервативные, охранительные тенденции, что со всей очевидностью и демонстрирует роман Хоанг Нгок Фата «То Там» [15, с. 336–337].

В статье «Город и городские жители в прозе Данг Чан Фата» Т.Н. Филимонова отмечает, что «проза Данг Чан Фата (1902–1929) — одно из ярких открытий вьетнамской литературы в последнем десятилетии XX в. Переизданные в 1994 г. два романа писателя “Цветок под снегом” и “Злая доля” представляют собой ранние образцы вьетнамской прозы на латинизированной письменности *куокнги*, так как впервые они были опубликованы соответственно в 1921 и 1923 гг. <...> Романы Данг Чан Фата дают чрезвычайно большой материал для изучения с самых разных сторон таких проблем, как кризис конфуцианства и трансформация традиционной вьетнамской семьи, женский вопрос и общее психологическое состояние вьетнамского общества, вьетнамский литературный язык и влияние классической китайской, вьетнамской и французских литератур... Особенности этого периода, как известно, определялись колониальным статусом Вьетнама, когда все стороны традиционного многовекового феодального уклада вьетнамской жизни начали расшатываться и претерпевать качественные изменения, в результате чего к 30-м годам сложился новый, колониальный уклад» [16, с. 221–222]. «Выражая отрицательное отношение к городу и царящим в нем нравам в литературе начала XX в., Данг Чан Фат, возможно, является одним из первых вьетнамских писателей-антиурбанистов подобно Нгуен Хюи Тхиену (1950–2021), которого можно считать наиболее ярким представителем антиурбанистической литературы во Вьетнаме наших дней» [16, с. 230].

В статье «Просветительские и патриотические идеи во вьетнамской литературе начала XX в.» А.А. Соколов отмечает, что борьба с отжившей системой образования и средневековой схоластикой, питаемая патриотическими чувствами, дала жизнь движению «Тонкинской общественно-просветительской школы» (март–ноябрь 1907 г.), которое сделалось центром притяжения всех прогрессивных сил страны [17, с. 419]. Одна из наиболее своеобразных черт просветительства во Вьетнаме как колониальной страны состояла в том, что на первый план выдвигались политические цели, борьба за национальное освобождение. Виднейшим выразителем патриотических традиций вьетнамской литературы являлся крупный политический деятель и литератор Фан Бой Тяу (1867–1940), идеолог революционно-демократического направления в национально-освободительном движении Вьетнама [17, с. 420]. А.А. Соколов анализирует роман Фан Бой Тяу «Искренняя история Чунг Куанга» как одно из наиболее интересных и значительных произведений вьетнамской революционной литературы. В основу романа положены некоторые реальные исторические события, в частности восстание крестьян под предводительством Чан Кюи Кхоанга против минских захватчиков в начале XV

века, но этот роман вряд ли можно назвать историческим: подлинные исторические факты в нем сильно изменены, причем автор делает это умышленно [17, с. 422]. В своем романе Фан Бой Тяу рисует картину, с его точки зрения, идеальной национальной революции, в которую вовлечены все слои населения, а руководящая роль принадлежит выходцам из простого народа [17, с. 425].

По словам А.А. Соколова, создателями произведений социальной утопии во Вьетнаме в 1-й половине XX в. стали как профессиональные литераторы (Тан Да, Нят Линь), так и политические деятели (Фан Бой Тяу, Фан Тю Чинь, Хо Ши Мин), для которых литературное творчество было средством ведения политической пропаганды и идейной борьбы [18, с. 276].

В статье «Мотивы социальной утопии в произведениях вьетнамской литературы первой половины XX века» А.А. Соколов рассматривает роман Фан Бой Тяу «Волнующая история Чунг Куанга», поэму Фан Тю Чиня «Удивительные встречи красавицы», роман Тан Да «Маленький сон», рассказ Нят Линя «Сон о Тыламе», рассказы Хо Ши Мина «Окуранный», «Десятилетний сон», цикл очерков «Дневник потерпевшего кораблекрушение» Хо Ши Мина. Все произведения А.А. Соколов делит на две группы. Первая группа — это утопии, в основе которых лежит просветительский национализм (Фан Бой Тяу, Фан Тю Чинь, Тан Да, Нят Линь); соотношение между его «удельным весом» и литературно-художественно воплощением зависит от приоритета поставленных перечисленными авторами задач; здесь можно говорить и об определенном созерцательном типе утопий авторов, которые проецировали свой общественный идеал как в прошлое, так и в будущее; в целом, они носили реформаторский характер и содержали критику (полную и частичную) существующего общества. Вторая группа — это утопии, основанные на революционном национализме (Хо Ши Мин); их реализация преследовала конкретные политические задачи (коренное преобразование общества в результате революционного изменения), в том числе и при помощи пролетарской литературы, условия для которой были созданы за пределами Вьетнама — в среде политической эмиграции [18, с. 277].

Жизни и творчеству Фан Бой Тяу посвящена статья В.И. Семанова «Вьетнамский писатель-революционер Фан Бой Тяу и его дальневосточные современники» [19].

В 1990 г. вышла «Вьетнамская философия нового и новейшего времени. Материалы и исследования» [20]. В книге помещены переводы работ известных вьетнамских мыслителей — философов и социологов 20–30-х годов XX в.: Фан Бой Тяу: «О Господи! О Боже!», «Новый Вьетнам»; Фан Тю Чинь (1872–1926): «О морали и этике Востока и Запада»; Хо Ши Мин (1890–1969): «Путь революции»; Хюинь Тхук Кханг (1876–1947): «О некоторых недостатках конфуцианства», «Конкурсные экзамены и наук сунского конфуцианства», «Чему мы учимся?»; Нгуен Ан Нинь (1890–1943): «Идеал аннамитской молодежи», «К формированию индокитайской нации», «Возможна ли революция?», «Франция в Индокитае», «Критика буддизма», «Я бы согласился молчать», «Ответ товарищу Та Тху Тхау»; Нгуен Ван Кы (1912–1941): «Самокритика».

Говоря о развитии просветительского движения во Вьетнаме, И.П. Зимонина в статье «О просветительских тенденциях во вьетнамской новелле начала XX в.» упоминает Ле Куи Дона (1726–1784), Чьонг Винь Ки (1837–1898), Фан Тю Чиня, Фан Бой Тяу, «Тонкинскую общественную школу», центры литературной жизни той эпохи — журналы «Индокитай» (Донг зьонг, 1913–1917), «Южный вечер» (Нам фонг, 1917–1934). Автор отмечает, что новеллистический жанр имел давнюю традицию во вьетнамской литературе. Новелла начала XX в. резко отличается от традиционной новеллы. Сочинительство уступило место трезвому взгляду на повседневность, чудеса и превращения — реальной конкретике. Основоположником новой новеллы стал Фам Зюи Тон (1883–1924), высокообразованный человек, тонкий знаток французской культуры, блестящий переводчик, талантливый журналист [21, с. 172–173]. И.П. Зимонина отмечает, что издавна в восточных литературах считалось правомерным при создании оригинальных произведений использовать заимствованный сюжет, но обычно источником служила не национальная, а чужая литература. Фам Зюи Тон, действуя в духе этой традиции, обращается к рассказу А. Додэ «Партия на биллиарде» и создает рассказ «Живы будут или умрут — все равно» [21, с. 172–173]. На основе сюжета рассказа Мопассана «Приданое» Фам Зюи Тон создал рассказ «Шо Кхань» [21, с. 179]. Для Фам Зюи Тона, хорошо знакомого с западноевропейской общественной мыслью и литературой, было очевидно, что просветительские идеалы, выработанные еще в XVIII в. и связанные с теми надеждами, которые просветители возлагали на приходившую тогда к власти буржуазию, в условиях XX века оказались устаревшими; ему были ближе позиции и идеалы художников, творчество которых основано на принципах критического реализма [21, с. 184].

Н.И. Никулин — автор статьи «О преемственности двух этапов в развитии просветительской мысли во Вьетнаме» [22].

Вопросы, связанные с периодической печатью, рассматриваются в следующих статьях: Геронина Н.Е. Периодическая печать и зарождение новой вьетнамской прозы [23]; Сюнненберг М.А. Публицист Фан Кхой (1887–1959) и женский вопрос во Вьетнаме первой половины XX века [24].

Зарождению и развитию вьетнамской революционной литературы в 1919–1931 гг. посвящена диссертация А.А. Соколова на соискание ученой степени кандидата филологических наук [25].

Литературное наследие Хо Ши Мина (1890–1969) изучалось в Советском Союзе, в качестве примера можно привести следующие статьи: Соколов А.А. Начало революционно-публицистической деятельности Хо Ши Мина (1919–1931) [26]; Никулин Н.И. Хо Ши Мин — писатель, поэт, критик [27]. Появились переводы произведений вьетнамского лидера на русский язык: Хо Ши Мин. Тюремный дневник / пер. и предисл. П. Антокольского. М., 1960; Хо Ши Мин. Сочинения (1920–1969). Ханой, 1971; Хо Ши Мин. Избранные стихи и проза / пер. с вьет., фр. и ханваня, сост., комм. М. Ткачева, предисл. К. Симонова. М.: Художественная литература, 1985; Хо Ши Мин. Избранное / сост. Е. Кобелев, вст. ст. К. Симонов. М.: Прогресс, 1979. В сборник избранных произведений Хо Ши Мина (Хо Ши Мин. Избранное / сост. Е. Кобелев, вст. ст. К. Симо-

нов. М.: Прогресс, 1979) вошли стихи Хо Ши Мина, его публицистика, выступления по вопросам литературы, искусства и культуры.

Как отмечает Т.Н. Филимонова, литературная группа «Своими силами» (Ты лык ван доан) существовала в Ханое с 1933 г. до начала 1940-х гг., она известна вкладом, который ее представители внесли в становление современной вьетнамской литературы европейского типа на вьетнамском языке. Вдохновителем и организатором группы был известный писатель, политический и общественный деятель Нят Линь (1906–1963), в группу входили прозаики Кхай Хынг (1896–1947), Хоанг Дао (1907–1948), Тхат Лам (1910–1942), поэты и прозаики Тхе Лы (1907–1989), Суан Зиеу (1917–1985), поэт-сатирик Ту Мо (1900–1976) [28, с. 462–463]. Группа выпускала две газеты: вначале «Нравы» (1932–1936), затем «Сегодня» (1935–1940). Члены группы занимались самой разнообразной просветительской и благотворительной деятельностью, популяризировали новые буржуазно-демократические идеи, передовые знания в различных областях науки и техники, поощряли распространение в стране физкультурного и спортивного движения, новых, европеизированных мод и причесок. Члены группы не ограничивались лишь пожеланиями и декларациями, создали в 1936 г. Общество по искоренению лачуг или коротко Общество света. Девизом Общества стали слова: «Общество — гуманизм — реформы» [28, с. 465]. Инициатива группы «Своими силами» по улучшению жилищных условий бедных людей в городе и деревне довольно быстро превратилась в широкое движение, объединившее до нескольких тысяч человек [28, с. 468]. Общество света просуществовало до 1949 г. [28, с. 478] Т.Н. Филимонова — автор статьи «Идеи “Общества Света” в творчестве писателей литературной группы “Своими силами”» [29].

Творчеству писателей общества «Своими силами» посвящена кандидатская диссертация С.Н. Топорищева [30]. Исследователь — также автор статьи «Экзистенциалистский роман в Южном Вьетнаме и традиции литературного общества “Ты лык”» [31].

По словам Е.Я. Мучковой, «из трех братьев-писателей, входивших в литературную группу “Своими силами” — Нят Линя, Хоанг Дао и Тхат Лама — Тхат Лам прожил самую короткую жизнь, его книги раскупались хуже других, но именно он был самым талантливым... <...> Грустью отмечено все творчество Тхат Лама, однако оно не имеет ничего общего с пессимизмом. <...> ...Тхат Лам прежде всего обращает внимание на превратности судьбы человека, причем использует метод проникновения вглубь деталей, благодаря чему у читателя возникает чувство сострадания по отношению к героям его произведений...» [32, с. 198]. Автор останавливается на рассказе «Вспышка гнева» из сборника «Зимний муссон» (1937) и нескольких рассказах из сборника «Волосок» (1942): «Торговка мелочью», «Вечер тридцатого числа». «...Писатель уделяет особое внимание внутреннему миру своих персонажей, в деталях изображает изменения человеческой души...» [32, с. 203].

Как отмечает Т.Н. Филимонова, «имя Нят Линя как писателя связывается, прежде всего, с 30-ми годами XX в., когда появились такие известные романы, как “Решительный разрыв”, “Холод”, “Два друга”, “Белые бабочки” и другие произведения, написанные им как отдельно, так и в соавторстве с Кхай Хынггом. Именно эти произведения во многом

определили лицо вьетнамской прозы первой половины XX в., которая в 30-е годы, по существу, только и стала оформляться под сильным влиянием европейской, а именно французской литературы. Сам Нят Линь смог испытать это влияние и непосредственно во Франции, где учился с 1927 по 1930 г. Однако Нят Линь начал писать раньше. Из написанного им в этот дофранцузский период увидели свет два произведения: роман «Конфуцианские нравы» и сборник рассказов «Пряха». Роман Нят Линь писал в 1924–1925 гг., а опубликовал в 1926 г. Сборник же рассказов вышел годом позже — в 1927 г. Оба произведения не только практически не известны читателям, но и выпадают из поля зрения исследователей вьетнамской литературы» [33, с. 210]. «...В творчестве Нят Линя сборник рассказов «Пряха» носит «переходный» в буквальном смысле этого слова характер, так как демонстрирует переход от так называемой «традиционной прозы» к прозе нового типа, преемственность и разницу между двумя этапами в его творчестве. Переходным сборник можно считать и с точки зрения общего состояния художественной прозы в стране» [33, с. 219].

По словам Т.Н. Филимоновой, «проблема семьи и личности — одна из важнейших для такого по преимуществу конфуцианского общества, как вьетнамское» [34, с. 314]. «Естественно, что тема семьи и личности, свободы личности в обществе, в том числе и женщины, не могла не занимать вьетнамских писателей. <...> К 1930-м годам, когда сформировался новый слой вьетнамцев, получивших колониальное, а именно по французскому образцу, образование, определились как минимум два подхода к этой теме. С одной стороны, прославление и отстаивание традиционных конфуцианских ценностей, в том числе и семьи, как, например, у таких писателей, как Хоанг Нгок Фать (1896–1973), Хо Биеу Тянь (1885–1958) или Ву Чонг Фунг (1912–1939), с другой стороны — резкий протест против феодальной конфуцианской морали, превращающей человека, особенно женщину, в раба семьи, полностью лишённого свободы выбора. Наиболее яркое и определенное выражение этого протеста мы находим в ряде произведений Нят Линя, одного из ведущих представителей литературной группы «Своими силами», в частности в его широко известном и шумевшем романе «Решительный разрыв» и романе «Холод» [34, с. 316–317]. «...Если в романе «Решительный разрыв» конфликт разворачивается между главной героиней и семьей, то в романе «Холод» основная борьба происходит в душе главной героини. В более общем плане, в первом случае проблема семьи и личности сводится к открытому противостоянию «старого» общества и «нового» человека. Во втором случае она возникает в недрах самого традиционного общества из противостояния между господствующими условностями и естественным стремлением и правом человека на личное счастье. ...Нят Линь демонстрирует два разных аспекта проблемы власти традиционной семьи и свободы личности, неизбежно возникающей в стране, которая переходит от феодального общества к буржуазному: с одной стороны, вне личности, с другой стороны — внутри нее» [34, с. 327].

Т.Н. Филимонова — автор статьи «Встреча Востока с Западом в романе Нят Линя «Путешествие на Запад»» [35], М.А. Сюнненберг — автор статьи «Нят Линь (1906–1963) литератор versus политик» [36].

И.П. Зимонина перевела в 2012 г. роман Кхай Хынга «Душа бабочки-феи» [37].

В 2016 г. появился на русском языке роман Нят Линя «Холод» [38], переводчики М.А. Сюнненберг и Е.А. Марченко. По словам М.А. Сюнненберга, «...предлагаемый текст (самого произведения, которое для авторов выступает не самоцелью, а инструментом достижения цели, и комментариев к нему) — это не столько художественный перевод, сколько научное исследование “женской проблематики” Вьетнама, а также труд в целом по истории, культурологии и этнографии Вьетнама того времени» [38, с. 12–13], «комментарии составляют важнейшую часть данного издания» [38, с. 11]. М.А. Сюнненберг отмечает, что «данный проект имеет своей первоочередной целью помочь исследователю провести именно историческую реконструкцию по выбранной тематике, а не осуществить презентацию вьетнамского художественного произведения российскому ценителю литературы. Как таковой задачи подарить читателю эстетическое наслаждение от предложенной книги не ставилось. Это обусловило и список книг, предлагаемых к публикации в рамках данной серии, а также и то, что акцент переводчиков делается не на красоту перевода (и, соответственно, художественности русского языка в нем), а на передачу смысла. Для научного коллектива было более важным отразить и прокомментировать максимально возможное количество реалий, отражаемых в данном произведении. Известно, что любой переводчик художественного произведения сталкивается с дилеммой: максимально точно передать смысл и содержание произведения или красиво и доступно изложить его своему читателю на родном языке. Второе подразумевает адаптацию незнакомых для читателя реалий к своим собственным, зачастую за счет введения в текст близких именно русскому человеку объектов и образов» [38, с. 10].

По мнению С.Н. Топорищева, в истории современного вьетнамского романа важное место занимает период 30-х — начала 40-х годов, когда состоялось утверждение этого жанра в качестве ведущего в дореволюционной литературе. Вьетнамские ученые обычно выделяют две основные тенденции в развитии романа тех лет: романтическую и реалистическую. Первую представляет так называемый роман литературного общества «Своими силами», вторую — романы критических реалистов Нгуен Конг Хоана (1903–1977), Нго Тат То (1894–1953), Ву Чаунг Фунга (1912–1039), Нгуен Хонга (1918–1982) и др. [39, с. 224]. В статье «Романтический и реалистический роман во вьетнамской литературе» С.Н. Топорищев рассматривает следующие романы: «Прерванная весна» Кхай Хынга, «Цветочница» Кхай Хынга и Нят Линя, «Лампа гаснет» Нго Тат То, «Воровка» Нгуен Хонга, «Буря» Ву Чаунг Фунга, «В тупике» Нгуен Конг Хоана.

Очерк жизни и творчества Нго Тат То представлен в статье И. Ермакова «Жизненный и творческий путь вьетнамского писателя Нго Тат То (1894–1953)» [40].

Как отмечает И. Ермаков, в 1941 г. Нго Тат То написал книгу очерков «Дела деревенские», создав новый литературный жанр — очерковый цикл о деревне. Работа в таком жанре для писателя — результат внут-

ренней потребности большого художника ответить в боевой, острой и доступной форме на животрепещущие вопросы своего времени, показать несостоятельность взглядов на деревню апологетов колониального полуфеодалного общества, выступавших за сохранение феодальных обычаев в деревне. В очерках Нго Тат То продолжает крестьянскую тему, начатую повестью «Лампа гаснет» (1939) [41, с. 484]. Антиколониальная сущность очерков сразу же обратила на себя внимание цензуры, многие очерки были подвергнуты правке, часть эпизодов изъята [41, с. 492]. В статье «Очерки о деревенской жизни» И. Ермаков рассматривает очерки «Процесс над стариком», «Искусство готовить курицу», «Искупительное пиршество» и др.

По словам О.А. Труновой, роман Нго Тан То «Палатка и топчан» впервые появился на страницах газеты «Время» в 1939 г. Палатка и топчан — это те атрибуты, которые в традиционном Вьетнаме неизменно сопровождали школяров, отправлявшихся сдавать конкурсные экзамены. Обращение в 1939 г. к теме конкурсных экзаменов, последние из которых прошли в 1919 г., было несколько неожиданным, о чем говорится и в предисловии к роману самого автора. Писатель высказывает мысль, что именно конкурсные экзамены поставили страну на край пропасти и привели к потере независимости [42, с. 480–481]. Нго Тат То критикует систему конкурсных экзаменов, но не отвергает ценностей конфуцианства. Создавая образы идеальных ученых-конфуцианцев, воспитанных той же системой конкурсных экзаменов, которую он критикует, Нго Тат То как бы говорит, что нам есть чему поучиться у прошлого [42, с. 495].

Произведения Нго Тат То переводились на русский язык, например, Нго Тат То. Лампа гаснет / пер. с вьетн.: И. Глебовой, Н. Никулина, И. Иванова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958; Нго Тат То. Состязание в императорском дворце. Нгуен Конг Хоан. Избранные рассказы / пер., вст. ст. Н. Никулин. М.: Художественная литература, 1982.

Как отмечает Н.И. Никулин, «Ян Мучка (1941–1994) — словацкий ученый, литературовед, первым в Словакии приступивший к изучению вьетнамской литературы и в короткие сроки достигший впечатляющих результатов» [43, с. 301].

По словам словацкого исследователя, «имя Нгуен Конг Хоана (1903–1977) значит среди немногочисленной когорты основоположников современной вьетнамской прозы, резко порывавшей с традициями старой литературы. Этот разрыв с традицией проявился, в частности, в заметной склонности Нгуен Конг Хоана к юмору, комизму, сатире. Известно, сколь негативно относилась традиционная конфуцианская эстетика в старом Вьетнаме к комическому вообще. Осуждающие утверждения типа “талант комика — недобрый талант” раздавались еще в первые десятилетия XX в. Нгуен Конг Хоан активно выступал в качестве романиста, но все же писательскую славу ему принесли его многочисленные рассказы. Он написал их более двух сотен, из них наибольшей популярностью пользуются восемьдесят: они издаются и переиздаются. Большая часть этих рассказов носит сатирический характер» [43, с. 302–303]. «...Взгляд автора на изображаемое как бы с ироническим отстранением, сатирический подтекст произведения определяют-

ся тщательно изученными им жизненными реалиями, однако важную роль тут играет также гротескная ирония. Акцентирование смешного в подтексте не означает для Нгуен Конг Хоана притупление социальной критики» [43, с. 313].

Как отмечает Д.А. Перевалов, Нгуен Конг Хоан создал свыше двухсот рассказов и около тридцати повестей и романов, типичным для его творчества следует считать сатирические рассказы [44, с. 447]. В статье автор рассматривает следующие рассказы: «Плата за собачьи зубы» (1929), «Шесть человеческих жизней» (1938), «Война» (1937), «В поезде» (1938), «Воронье» (1938), «Лицом к народу» (1938), «Как добыть средства к существованию» (1931), «Встреча» (1931), «Женщина — слабое создание» (1934), «Грязь» (1939), «Сумасшедший» (1935).

Произведения Нгуен Конг Хоана неоднократно переводились на русский язык, например: Нгуен Конг Хоан. Заколдованная монета. Рассказы / пер., предисл. Н. Никулина. М.: Художественная литература, 1973. В сборник вошли следующие произведения: «Плата за собачьи зубы», «Истинный благодетель», «Подделом ему», «Ничтожество», «Встреча», «Ворюга», «Женитьба в долг», «Как у начальника тонга пропали туфли», «Куда исчез бумажник», «Женщина — слабое создание», «Светлый пример», «Счастливчик», «Я — редактор газеты», «Жена, покорись мужу», «Смех с того света», «Сумасшедший», «Печальная новость», «В своем доме госпожа», «Заколдованная монета», «Автомобильная катастрофа», «Воронье», «Девушка с шахты», «В поезде», «Переполох», «Ассигнация в сто донгов», «Хлебное дерево», «Верноподданный».

Нгуен Конг Хоан. Женщина — слабое создание. Рассказы / пер. И. Глебовой, Н. Никулина, вст. ст. Н. Никулин. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. В сборник включены такие рассказы: «Подруги», «Я — редактор газеты», «Как у начальника тонга пропали туфли», «Лояльность», «Заколдованная монета», «Куда исчез бумажник», «Цена зубов собаки», «Автомобильная катастрофа», «Сумасшедший», «Оба жалкие», «Спортивный дух», «Женщина — слабое создание», «Шесть человеческих жизней», «Хлебное дерево», «В поезде», «Бродячий певец», «Ассигнация в сто донгов», «Актер Ты Бен».

Список источников

1. *Нго Тат То*. Состязание в императорском дворце. *Нгуен Конг Хоан*. Избранные рассказы / пер., вст. ст. Н. Никулин. Москва : Художественная литература, 1982. С. 7–12.
2. *Филимонова Т.Н.* Очерк вьетнамской литературы XX века : учебное пособие. Москва : Языки народов мира, ТЕЗАУРУС, 2017. 272 с.
3. Полная академическая история Вьетнама. Москва : Президиум Российской Академии Наук, 2014. В 6 т. Т. IV. Часть IV. С. 567–620 ; Т. V. С. 393–442.
4. *Бритов И.В.* XX век, кардинально изменивший лицо вьетнамской литературы // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2018. № 2. С. 88–94.
5. *Мариан Ткачев*. Сочинитель, жантийом и фронт. Что он делал. Кем хотел быть. Каким он был среди друзей. Москва : МАСКА, 2014. 172 с.
6. *Соколов А.А.* Взаимное изучение литератур — канал духовного сближения // Российско-вьетнамские отношения: история и современность. Взгляд со стороны. Москва : ИДВ, 2013. С. 299–310.

7. *Быстров И.С.* Европейское культурное влияние как одна из предпосылок становления современной вьетнамской литературы // Международные связи Востока и Запада (на материале литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии в эпоху средневековья, нового и новейшего времени). Материалы междунауч. конф. Санкт-Петербург, 1995.

8. *Филимонова Т.Н.* Новое из истории современной вьетнамской прозы — «Отец Лазаро Фиен» // Вестник Московского университета. Востоковедение. 1990. № 2. С. 32–39.

9. *Филимонова Т.Н.* «Новое учение о цивилизации» как памятник вьетнамской общественной мысли начала XX в. // Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. Москва, 2009. Вып. 1. С. 123–137.

10. *Никулин Н.И.* Кризис традиционных вероучений и вьетнамская литература первой половины XX в. // Религии в развитии литератур Азии и Африки XX в. Москва, 2006. С. 28–63.

11. *Краевская Н.М.* Заметки редактора. «Чаша яда» — свидетельства автора, отзывы современников, оценки критиков // Ву Динь Лонг. Чаша яда. Комедия. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 10–20.

12. *Ву Динь Лонг.* Чаша яда. Комедия. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 232 с.

13. *Соколов А.А.* Рождение драматического театра во Вьетнаме, 1920-е годы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Москва, 2012. Вып. 19. С. 284–305.

14. *Быу Тьен / Отец Суан. Хо Цзень / На распутье. Нго Хюи Куанг / Домой на Север.* Сб. вьетнамских пьес. Москва: Искусство, 1957. 115 с.

15. *Филимонова Т.Н.* Роман Хоанг Нгок Фатя «То Там» в контексте вьетнамской романистики начала XX в. // Вьетнамские исследования. Москва, 2011. Вып. 1. С. 320–338.

16. *Филимонова Т.Н.* Город и городские жители в прозе Данг Чан Фата // Традиционный Вьетнам. Вып. 3. Москва, 2008. С. 221–231.

17. *Соколов А.А.* Просветительские и патриотические идеи во вьетнамской литературе начала XX в. // Вопросы истории литератур Востока. В 3 ч. Москва, 1979. Ч. 3. С. 418–427.

18. *Соколов А.А.* Мотивы социальной утопии в произведениях вьетнамской литературы первой половины XX века // Традиционный Вьетнам. Москва, 1996. Вып. 2. С. 258–287.

19. *Семанов В.И.* Вьетнамский писатель-революционер Фан Бой Тяу и его дальневосточные современники // Традиционное и новое в литературах ЮВА. Москва: Наука, 1982. С. 154–174.

20. «Вьетнамская философия нового и новейшего времени». Материалы и исследования. К 100-летию со дня рождения Хо Ши Мина. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 312 с.

21. *Зимонина И.П.* О просветительских тенденциях во вьетнамской новелле начала XX в. // Просветительство в литературах Востока: сб. ст. Москва: Наука. 1973. С. 165–185.

22. *Никулин Н.И.* О преемственности двух этапов в развитии просветительской мысли во Вьетнаме // Труды межвузовской научной конференции по истории литературы зарубежного Востока. Москва, 1970. С. 171–178.

23. *Геронина Н.Е.* Периодическая печать и зарождение новой вьетнамской прозы // Памятники литературной мысли Востока. Москва, 2004. С. 415–438.

24. *Сюнненберг М.А.* Публицист Фан Кхой (1887–1959) и женский вопрос во Вьетнаме первой половины XX века // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Москва, 2019. Т. II, № 4 (45). С. 195–206.

25. *Соколов А.А.* Зарождение и развитие вьетнамской революционной литературы в 1919–1931 гг. Автореф. дисс. ... к. филол. н. Москва, 1981. 16 с.

26. *Соколов А.А.* Начало революционно-публицистической деятельности Хо Ши Мина (1919–1931) // Вопросы истории литератур Востока. В 3 ч. Москва, 1979. Ч. 3. С. 428–445.

27. Никулин Н.И. Хо Ши Мин — писатель, поэт, критик // Контекст. Сборник. Москва, 1975. С. 267–288.
28. Филимонова Т.Н. Об общественно-просветительской и благотворительной деятельности литературной группы «Своими силами» // Вьетнамские исследования. Москва, 2015. Вып. 5. С. 462–479.
29. Филимонова Т.Н. Идеи «Общества Света» в творчестве писателей литературной группы «Своими силами» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, культура, политика, экономика. 2016. Вып. XXXIII. С. 195–212.
30. Топорищев С.Н. Творчество писателей общества «Своими силами» (1932–1945). Проблема романтизма во вьетнамской литературе. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ин-т мировой лит-ры им. А.М. Горького. Москва, 1986. 18 с.
31. Топорищев С.Н. Экзистенциалистский роман в Южном Вьетнаме и традиции литературного общества «Ты лык» // Традиционное и новое в литературах ЮВА. Москва: Наука, 1982. С. 208–224.
32. Мучкова Е.Я. Грусть и «потерянная красота» в рассказах Тхать Лама // Традиционный Вьетнам. Москва, 2008. Вып. 3. С. 198–203.
33. Филимонова Т.Н. О «переходном» характере сборника рассказов Нят Линя «Пряха» // Традиционный Вьетнам. Москва, 2008. Вып. 3. С. 210–220.
34. Филимонова Т.Н. Конфликт между семьей и личностью в романах Нят Линя «Решительный разрыв» и «Холод» // Вьетнамские исследования. Вып. 4. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 314–329.
35. Филимонова Т.Н. Встреча Востока с Западом в романе Нят Линя «Путешествие на Запад» // Губеровские чтения. Выпуск 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и современность. Москва, ИСАА МГУ, 2013. Т. 3. С. 244–257.
36. Сюнненберг М.А. Нят Линь (1906–1963): литератор versus политик // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Москва, 2016. Вып. XX. (№ 31). С. 172–198.
37. Кхай Хынг. Душа бабочки-феи / пер. с вьет. И.П. Зимониной. Москва: Локид Премиум, 2012. 157 с.
38. Нят Линь. Холод / комм. пер. с вьет. М.А. Сюнненберг, Е.А. Марченко, предисл. и вст. ст. М.А. Сюнненберг. Москва: Изд-во Ключ-С, 2016. 272 с.
39. Топорищев С.Н. Романтический и реалистический роман во вьетнамской литературе // Специфика жанров в литературе Центральной и Восточной Азии: сборник. Москва, 1985. С. 224–239.
40. Ермаков И. Жизненный и творческий путь вьетнамского писателя Нго Тат То (1894–1953) // Вопросы истории литератур Востока. Фольклор, классика, современность. Москва, 1979. Ч. 3. С. 461–482.
41. Ермаков И. Очерки о деревенской жизни // Вопросы истории литератур Востока. Фольклор, классика, современность. Сборник статей. Ч. 3. Москва: Наука, 1979. С. 483–492.
42. Трунова О.А. Критика системы конкурсных экзаменов в романе Нго Тан То «Палатка и топчан» // Вьетнамские исследования. Национальные интересы и традиции Вьетнама. Москва: ИДВ РАН, 2015. Вып. 5. С. 480–496.
43. Мучка Я. О своеобразии сатиры Нгуен Конг Хоана // Сатира в литературах стран Азии и Африки. Москва, 2004. С. 301–314.
44. Первалов Д.А. Сатирические рассказы вьетнамского писателя Нгуен Конг Хоана и их художественные особенности // Вопросы истории литератур Востока. Фольклор, классика, современность. Сборник статей. Ч. 3. Москва: Наука, 1979. С. 446–460.

KNOROZOVA E. Vietnamese Prose of the First Half of the 20th Century in the Works of Russian Researchers

Knorozova Ekaterina — Candidate of Philological Sciences, Researcher, Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia,

e-mail: knorozova@yandex.ru

ABSTRACT

T.N. Filimonova is the leading Russian expert on Vietnamese literature, she is the author of the monograph "Essay on Vietnamese Literature of the 20th Century: A Study Guide". This article reveals the theme of Russian Vietnamese studies, using her and other Russian researchers' works as an example. Significant achievements of Russian Vietnamese studies include the series "Vietnamese Literature Library", published in the late 70s–80s of the XX century.

Key words: literature, Vietnam, Russian scientists, prose, collection, story.

УДК 001.891.32
ББК 86.2

Н.Ю. Бубнов

**«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И
«ЖИТИЕ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА**

(Третий путь — языческая магия и христианское чудо)

Бубнов Николай Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, научно-исследовательский отдел рукописей

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: n.bubnov@list.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы языческие мотивы двух культовых древнерусских сочинений, написанных в переломные эпохи отечественной истории и отразившие мировосприятие их создателей. Автор стремится показать, как в условиях «перемены веры» и высокого духовного напряжения у писателей возникает эффект «двоеверия», заставляющий их обращаться к пронизанным языческой магией этническим корням для разрешения, казалось бы, неразрешимых духовных конфликтов. Сравнение «Слова о полку Игореве» и «Жития» протопопа Аввакума на глубинном фольклорном уровне дает возможность ощутить общность и единство этих памятников.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», «Житие» протопопа Аввакума, древнерусская литература, фольклор, старообрядчество, волшебная сказка, магия, скандинавский эпос, шаманизм, антихрист.

Для исследователя феномена человеческой культуры особенно важно изучение переломных эпох, когда зримо ускоряется процесс культурной перестройки общества под влиянием соседних народов. В истории России такими переломными эпохами стало: 1) Принятие христианства Владимиром Святым (988 г.), 2) Церковная реформа патриарха Никона (1654 г.) и продолжившая ее реформы Петра I. Эти реформы, инспирированные государством, отделены друг от друга периодом в 666 лет, что по «Книге о вере» (М., 1648) символизирует «число зверя». Реформы волюнтаристским путем меняли вектор культурной ориентации общества, демонстрируя открытую враждебность к прежним устоявшимся религиозным и культурным ценностям. Каждый раз государство в своих интересах вновь и вновь брало на себя решение задачи «выбора веры» и тесно связанной с ней культурной и политической ориентации. На определенном этапе царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, а затем и Петр Великий, попытались повторить попытку Владимира Святого сблизить свою страну с христианским Востоком и христианской Европой.

Церковная реформа патриарха Никона проводилась под лозунгом «исправления» церковных книг и обрядов с формальной ориентацией на современную православную греческую церковь. Но народ, в лице старообрядцев, хорошо понял, а скорее почувствовал, что меняется не обряд, а мировоззрение. Западный рационализм и практицизм постепенно проникал во все сферы жизни, вытесняя веру на задворки сознания. Естественно, что «разворот» огромной страны к новым культур-

ным ценностям в периоды реформ был осуществлен не сразу и встретил в обществе неприятие и сопротивление. Каждый раз ностальгия по утраченному духовному наследию предков порождала взлет творческой энергии, в результате чего рождались культурные шедевры, прежде всего литературные. В связи со сказанным, не вызывает удивления тот факт, что два самых известных памятника древнерусской литературы: «Слово о полку Игореве» и «Житие» протопопа Аввакума были созданы именно в названные переломные исторические периоды и наиболее полно отразили состояние культурного «надлома» своих эпох. Между тем, оба сочинения остаются до сих пор изучены недостаточно полно и требуют нового осознания. Эти памятники типологически близки; и «Слово», и «Житие» ориентированы на «обратный вектор» — обращены в прошлое. Их авторы — носители наследия древней языческой культуры — стремятся художественными средствами показать, что старые культурно-религиозные ценности, отодвинутые на периферию сознания их современниками, в особых условиях общественного бытия имеют право на признание.

В настоящей статье мы опираемся на новое осмысление названных памятников: новые прочтения «темных мест» «Слова о полку Игореве» в изданной нами в 2006 году книге о «Слове» [1] и исследования «Жития» протопопа Аввакума [2, с. 261–276; 3, с. 120–134]. Общая идея этих работ сводится к представлению о том, что в основе сюжетов обоих сочинений присутствует тема «волшебной сказки»: путешествие героя на «тот свет» и благополучное его возвращение в «наш» мир. Чудесное возвращение возможно лишь при мобилизации всех сил «потустороннего» мира: это «третий путь», избранный героем. Князь Игорь бежит из плена волшебным путем и обретает искупление за позор военного поражения. Протопоп Аввакум, вернувшийся «на Русь» из сибирской ссылки, воспринимаемой им как хождение в ад, переживает «преображение» и получает право апостольской проповеди.

Рассмотрим несколько примеров.

Князь Игорь Святославович вместе со своим братом и сыном отправляется в не санкционированный его «отцом», феодальным сюзереном (князем Святославом Киевским), поход против половцев. Его не останавливают дурные предзнаменования — солнечное затмение, поведение природных сил — проявления воли языческих богов. Князь, игнорируя эту волю, надеется на помощь христианского бога. Предчувствуя свою судьбу, князь говорит дружинникам: *«И рече Игорь къ дружине своеи: „Братие и дружино! Луце жь бы потяту быти, неже полонену быти”»* [1, с. 316] — т.е. плен для него — хуже смерти. Подобный постулат как бы «задает» или «заказывает» судьбу героя уже в самом начале повествования, когда говорить о плене по меньшей мере преждевременно.

Сюжет повести строится по древнему языческому канону. Поход в степь (вместе с юным княжичем) — это инициация героя, его «испытание смертью». Взрослые (отец и дядя) сопровождают юношу и помогают ему пройти испытание. Они, согласно В.Я. Проппу, выступают в роли его «волшебных помощников» и могут подменить героя на отдельных этапах предстоящих событий [4, с. 185–191]. После временной смерти героя, согласно волшебному сценарию, должно быть его воскресение

(вхождение в совершеннолетие) и свадьба на невесте из другого племени. Но в действительности случается по-иному. Дружина разбита врагом и князья попадают в плен, который, по словам князя Игоря, хуже смерти. Но вот князю удастся бежать, и он оказывается на Руси. Ему, его брату, сыну и племяннику поют славу. Как это объяснить? Князь Игорь предпринял не согласованный с сюзереном (князем Святославом Киевским) поход, погубил дружину, попал в плен, который «хуже смерти», а его славят? Ведь и побег из плена для князя, погубившего дружину, тоже позор, который можно искупить только смертью. На самом деле и князь Игорь, и его родные, если следовать логике волшебной сказки и замыслу автора, побывали на «том свете» и сумели оттуда вернуться.

Рассмотрим признаки, позволяющие нам отстаивать это утверждение.

Переходом на «тот свет» в волшебной сказке является избушка на курьих ножках. Как объясняет В.Я. Пропп, избушка символизирует собой кура («куръ» — петух), который проглатывает героя и извергает его «на тот свет» по ту сторону границы жизни и смерти [4, с. 58–60]. Сама избушка не фигурирует в нашем повествовании, достаточно слов с корнем «куръ».

В «Слове», «на тот свет» князей провожают «куряне»: *«А мои ти куряни сведоми къмети: подъ трубами повити, подъ шелома възлелеяны, конецъ копия въскоръмлени; пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени. Сами скачють, акы серьи вльци въ поле, ищучи себе чти, а князю — славе»* [1, с. 322–324]. Куряне — войны, жители города «кура» — по нашей версии — Курска. Но здесь они также — ведуны, колдуны, знатоки путей. Пример с «курянами» — не единственный в «Слове» со словом-символом, допускающим двусмысленное толкование. Можно привести и другие аналогичные примеры. Вспомним название города «Куръ-Тмуторокань», которое можно толковать как город мертвых или мертвый город, каковым он, по-видимому, и был в эпоху создания «Слова». Недаром, как сообщает «Повесть временных лет», печенежского князя, который убил на днепровских порогах князя Святослава Игоревича и сделал культовую чашу из его черепа, звали Куря. Речные пороги (согласно В.Я. Проппу) — место перехода «на тот свет». Можно назвать также древнее языческое племя куров, живших «за рекой» Двиной и, возможно, давших впоследствии имя герцогству Курляндскому.

Необходимо заметить, что автор «Слова» прекрасно знал скандинавскую мифологию и подражал языческому певцу Бояну, под именем которого, как мы предположили, был «зашифрован» знаменитый исландский скальд Х в. Эгиль Скаллагримссон [1, с. 261–295]. Говоря о подвигах прежних князей — Рюриковичей, автор «Слова» вспоминает князей Романа и Мстислава, которые: *«многи страны — хинова, (Хильдова — Н.Б.): литва, ятвязи, деремела и половци сулицы своя повръгоща, а главы своя поклониша подъ тьи мечи харалужнии»* [1, с. 368]. Слово «хинова» в приведенной цитате вызвало многие споры, так как племени под таким названием нигде не встречается. Автор «Задонщины» заменил его на «более понятное»: «татары», однако, это ошибочное прочтение. Мы предлагаем читать это слово: «хильдова». В вышеприведенном тексте

«Слова» перечислены племена, вдохновляемые валькирией Хильд (в переводе с исландского: «битва»), т.е. иначе: «племена битв». Это воинственные языческие племена, противопоставляемые автором сочинения христианам — русичам [1, с. 367–369]. Сравним: *«Валькирий видала из дальних земель, готовых спешить к племени готов; Скульд со щитом, Скегуль — другая, Гунн, Хильд (!) и Гендуль и Гейрскегуль. Вот перечислены девы Одина, любо скакать им повсюду, валькириям»* — говорится в древнем скандинавском эпосе [5, с. 30].

Приведем еще один пример из «Слова»: *«На реце на Каяле тьма светъ покрыла: по Руской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо, и въ море погрузиста, и великое буиство подасть хинови (Хильдови — Н.Б.). Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣжеса Дивь на землю. — Се бо готския красныя девы въспеша на брезе синему морю, звоня рускымъ златомъ»* [1, с. 354]. Готские девы в данном тексте — валькирии, т.е. «воинственные девы». Перед нами мотив из песни «готских дев» — реминисценция известного текста из Нибелунгов.

Придя в Половецкое поле, русские князья «будят» заколдованную «спящую красавицу» Хильд (в тексте «Слова»: «Лжу» — неправду, вражду — Н.Б.), которую за год до этого «успил грозою» (усыпил войною — «принуждение к миру» — Н.Б.) их феодальный сюзерен («отец») Святослав Киевский. *«Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже Лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великый киевский грозою»* [1, с. 346–350]. Между тем, половцы «неготовыми (необычными, непроторенными — Н.Б.) дорогами побегоша к Дону великому» — сакральному месту свадьбы — битвы. Эти дороги — тайные, которые необходимо скрыть от нечистой силы, способной настичь героя и помешать предстоящему таинству [1, с. 325–328]. После битвы — свадебного пира — русские князья оказываются в плену — «на том свете», том самом, который, по выше приведенным словам автора, «хуже смерти». *«Ту Игорь князь выседе изъ седла злата, а въ седло кощиево. Уныша бо градомъ забрали, а веселие пониче»* [1, с. 346–350].

Положение князей катастрофическое: дружина погублена, княжеская честь опозорена, князь Игорь молится Богородице — покровительнице и избавительнице из плена — но освобождение не приходит. Плен — это перемещение с «седла злата» на «седло кощиево». На картине В.А. Васнецова «Витязь на распутье» (1882 г.) изображен былинный богатырь, выбирающий путь на перекрестке дорог у камня, на котором написано: *«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть»* [21, с. 195]. Перед героем три пути, но лишь один из них волшебный. Волшебный путь грозит ему смертью, но именно этот путь он выбирает для того, чтобы «стать» героем. «Представление о том, что в мифе есть только две фазы развития, — пишет фольклорист Анна-Наталья Малаховская, — не учитывает третьей ипостаси богини (Бабы-Яги), превращающей замкнутый круг колебаний между жизнью и смертью в спираль, выводящую действие и его героев на новый уровень» [7, с. 77]. Если перед нами в самом деле «герой», он выигрывает поединок с судьбой — успешно преодолев испытание. Однако, оказывается, что «герою не надо выбирать путь, ибо путь этот предопределен его чело-

веческими качествами: злые едут по ложному пути, добрые — по правильному. Ситуация у камня с надписями — это не ситуация выбора, а демонстрация качеств героя. Выбор на поверку оказывается мнимым и определяется он, как сюжет, и судьба, прежде всего качествами сказочного героя» [6, с. 102–103].

Христианская модель мира предполагает линейную конструкцию судьбы души человека: ад — рай, а также две поведенческие модели (пути), объективно ведущие в оба конца этой прямой линии. Предшествовавшая ей древняя, языческая модель мира строилась на возможности выбора для человека трех путей. Замкнутый круг колебаний между жизнью и смертью разрывается, выводя героев на новый уровень бытия. Третий путь является волшебным, он получил яркое отображение в русской волшебной сказке. «Девочка бежит с братцем домой. Она может либо добежать до дому (и братец будет спасен), либо не добежать (и братец погибнет). У нее есть возможность смерти и возможность жизни. Когда негативный вариант приближается, она, вместо того, чтобы бежать быстрее (уже нет сил), начинает есть яблоки (хлеб, кисель с молоком) — выбирает третий путь. Иван царевич попадает к Бабе-Яге. Она начинает задавать ему вопросы. Он может промолчать в ответ или ответить. Вместо этого он выбирает третий путь — просит есть и пить. Крошечке-Хаврошечке задают непосильную работу. Она и не делает ее, и не отказывается ее делать (а также и не выполняет эту работу наполовину, что было бы компромиссом), а вместо этого влезает в одно ухо к корове и вылезает из другого, т.е. делает другую работу. Нелогичный, окольный путь, когда человек, вместо того, чтобы спастись, начинает что-то есть, или кого-то кормить, или требовать пищи — оказывается вполне логичным, но не линейно-логичным», — пишет А.-Н. Малаховская [7, с. 78].

Разрешить сложную ситуацию, в которую попал князь Игорь, можно только волшебным путем. Князь обращается к старым языческим богам, взывая к ним о помощи. И у него появляется «волшебный помощник» — «колдун» Овлур, который (согласно В.Я. Проппу) должен быть непременно из племени невесты. Овлур «живет за рекой», он пасет там коней. Князь Игорь вместе с Овлуром медитируют и волшебным путем, превращаясь попеременно в различных животных, бегут на Русь. *«Пога-соша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля меритъ отъ Великаго Дону до Малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рекою — велитъ князю разумети: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшуме трава, вежи ся половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростию и белымъ гоголемъ на воду, въврѣжеся на брезъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полете соколомъ подъ мъглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обеду, и ужине. Коли Игорь соколомъ полете, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя брѣзая комоня»* [1, с. 386–389]. В приведенном тексте описано волшебство: мгновенное пространственное перемещение князя, подобное тому, к которому, согласно «Слову», прибегал его предок — полоцкий князь Всеслав.

В спасении из «мира кощя» князьям помогают женщины, которые тоже молятся языческим богам (природным стихиям) прося об успеш-

ном завершении похода — инициации. В «Слове» эти молитвы воплощены в «Плаче» Ярославны — жены и матери проходящих инициацию мужчин. Исследователями «Слова» давно замечено, что Ярославна плачет на «забрале» — городской стене, на границе зоны «освященной» земли, где стоят христианские храмы. В скандинавском эпосе «Речи Высокого» бог Один говорит: *«Заклинанья я знаю — не знает никто их, даже конунгов жены (!); помощь — такое первому имя — помогает в печалях, в заботах и горестях. Знаю второе — оно врачеванью пользу приносит. Знаю и третье — оно защищает в битве с врагами, клинки их туплю, их мечи и дубины в бою бесполезны. Четвертое знаю — коль свяжут мне члены оковами крепкими, так я спою, что мигом спадут узы с запястий и с ног кандалы. И пятое знаю — коль пустит стрелу враг мой в сраженье, взгляну — и стрела не долетит, взору покорная... Одиннадцатым — друзей оберечь в битве берусь я, в щит я пою...»* [8, с. 67, 68]. Нам ничего не известно о «пении в щит», но можно предположить, что оно символизировало у скандинавов колдовскую защиту. Не случайно князь Олег, согласно летописи, прибил свой щит на ворота Цареграда, возможно, как символ преодоления подобной защиты.

За героя «Слова», оказавшегося в «кощеевом царстве», заступает глава рода — князь Святослав Киевский, произнося свое «золотое слово». Помощь рода — это тоже сакральное заступничество, необходимое для проходивших инициацию и попавших в беду русских князей. Она помогает беглецам спастись от погони, которая также построена по канонам волшебной сказки.

Примечательно сходство рассказа Младшей Эдды о событиях в Асгарде, связанных со смертью бога Бальдра Доброго. *«Бальдру Доброму стали сниться дурные сны, предвещавшие опасность для его жизни. И когда он рассказал те сны асам, они держали все вместе совет...»*. Далее в этом мифе говорится о том, что, когда богам не удалось предотвратить смерть Бальдра, «асы ... подняли тело Бальдра и перенесли к морю», где сожгли его в ладье по обычаю богов вместе с женой, которая умерла от горя, едва увидела тело мужа в погребальной ладье [9, с. 48–49]. Не напоминает ли и этот сюжет рассказ «Слова» о вещем сне Святослава и толкование этого сна боярами? А тема плача Русской земли по «Игоревому храброму полку» и тоске, что *«разлилася по Руской земли»* и *«печали жирной»*, что *«тече средь земли»*? [1, с. 11]. Не эта ли тема раскрыта в эдической легенде о боге Бальдре, условием освобождения которого из подземного царства Хель, была всеобщая любовь и всеобщий плач по нему всего, «что ни есть на земле живого иль мертвого»? [9, с. 49–50]. В мифе о Бальдре сказано, что в Асгарде нашлась одна старуха по имени Тёкк (в переводе с исландского «благодарность»), не захотевшая плакать по Бальдре, заявив: *«Ни живой, ни мертвый он мне не нужен, пусть хранит его Хель»* [9, с. 50]. И бог Бальдр уже не смог вернуться в мир живых. Иное в «Слове» — вся Русская земля плачет о князе Игоре: *«Жены руския въсплакашась, аркучи: “Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати”»* [1, с. 11]. Коллективным усилием (желанием) жителей Руси князь Игорь был возвращен в мир живых. Именно волшебное возвращение «с того света» поставило князя Игоря выше обычных представле-

ний о добре и зле и реабилитировало его в глазах современников. Князь Игорь и его родичи успешно справились с «гиблым делом», в которое они ввязались.

Вкратце изложенное здесь новое прочтение некоторых «темных мест» «Слова о полку Игореве» свидетельствует о том, что «Слово» отразило «ностальгию» русских людей по ушедшим языческим временам. С принятием христианства Русь оказалась почти в полном окружении враждебных языческих племен — «племен битв» — и память о прежнем добрососедстве и частых межплеменных браках была еще жива. Автор «Слова», хотя и «прикровенно», призывает своих современников не забывать старых языческих богов, которые готовы помочь им наряду с новым христианским Богом. Интересно отметить, что языческую символику «Слова», его идеологическую «двойную подкладку» не понимал уже автор «Задонщины» в XV веке, воспринимая ее лишь как художественное оформление древнего литературного памятника.

Подобно «Слову о полку Игореве», автобиографическое Житие протопопа Аввакума «выбивается» из жанра традиционных житийных памятников. Прежде всего, ныне живущему, а тем более священнику, христианский канон воспрещал писать собственное «житие» — произведение сакрального жанра. Между тем, и сам автор, и его духовный отец Епифаний, именно так называют сочинение: *«Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Епифанием... да не забвению предано будет дело Божие»* [10, л. 192 об.]. Спасению от гибели в жестокой ссылке и грядущему спасению души героя — божьему чуду — и посвящено это Житие.

В центре повествования в Житии стоит ссылка Аввакума в Сибирь. Сослан он патриархом Никоном, воспринимавшимся старообрядцами в качестве антихриста. От Никона назначен ему и «мучитель» — воевода Афанасий Пашков. Пашков — слуга антихристов, «дьявол во плоти», он тащит протопопа Аввакума в ад, на мучения. Описанию этих мучений автора и его последующему спасению — божьему чуду — и посвящено Житие.

После 10 лет ссылки (1654–1664 гг.), борьбы и мучений вождь старообрядческой оппозиции, вернувшийся в Москву, ощущал свое избавление как божественное чудо, как возвращение его Богом на Русь «с того света», как мыслилась ему еще не освященная крещением Даурская земля. Сибирская ссылка воспринималась автором Жития как некое «хождение во ад», из которого, по определению, нет возврата. Однако духовное служение Аввакума сделало его божьим избранником. После хождения по всем кругам ада, Бог вернул своего «любимца» в верхний мир людей. Именно это божественное избранничество, в которое протопоп искренне уверовал, позволило ему выступить в качестве пророка и учителя «от горних», осознать себя духовным вождем старообрядческой общины. Сибирь, завоевание и освоение которой Русским государством в середине XVII в. еще не было завершено, воспринималась русскими людьми не только как далекая окраина страны, «край света», оторванный от обжитых и освоенных мест. Это была еще не вполне христианизированная страна, вовсе не попадающая под определение «Святая Русь». Фольклорная память народа соотносила Сибирь с легендарной

Татарией («Тартарией») из которой в XIII столетии вышли несметные полчища татар, воспринимавшихся русскими людьми в качестве жителей «тартара» — ада, и отсюда, по-видимому, получивших свое прозвание. Есиповская летопись 1636 г. описывает сибирских «человецев», что живут *«Бога... не ведающе, ни закона... не приемлюще; сыроядцы, зверина и гадская мяса снедающе скверна и кровь пияху, яко воду...»* [11, с. 45]. Все сказанное в наибольшей мере относится и к забайкальской Даурии, завоевание которой еще продолжалось, куда, вместе с отрядом воеводы Афанасия Пашкова, был отправлен опальный протопоп. В своей Первой челобитной к царю Алексею Михайловичу (1664 г.) Аввакум вспоминает: *«Егда патриарх бывший Никон послал меня в смертоносное место, в Дауры...»* [12, с. 187]. *«Я чаял, живучи на Востоке в смертях многих, тишину здесь в Москве быти; а я ныне увидял церковь паче и прежняго смущенну»* [12, с. 186]. В Послании Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне (1678–1679 гг.), Аввакум, толкуя 103-й псалом: *«Основаяй землю на тверди своей, не преклонится в век века. Бездна, яко риза, одеяние ея»*, передает свое представление о аде: *«К сим сказует пророк под землю другую малую твердь, еже место несведомое. Бездна бо та глаголется тартар, яко же Патрикий Прусский пиша сице глаголет: “Есть низу во основании земли ад, темное место. Низу же есть твердь под землю, под твердию же бездна, глаголемый тартар. Тамо по тверди зодии ходят, тамо планиты обтекают, и от них в тартаре строится лютая студень... тамо бо мучатся еллинстии бози, и тамо и диавол с бесы осужден будет”»* [12, с. 265].

«Хождение» протопопы Аввакума «во ад» имеет черты сходства с хождениями в ад некоторых праведников. Это не физическая смерть, ибо «смерть есть разлучение души от телеси», а именно «хождение во ад» во плоти. Необычное, нетрадиционное «хождение» дает «паломнику» моральное право на создание необычного автобиографического Жития. Главной его особенностью и отличием является то, что Аввакум не является простым наблюдателем адских мучений грешников, он сам, также будучи грешником, в чем признается Богу, участвует в этих мучениях, оставаясь при этом живым. Именно поэтому проводником Аввакума по «кругам ада» является вовсе не ангел, как во многих агиографических сочинениях, но демон в образе человека — воевода Пашков. *«А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — двадцать тысяч и больше будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк, — людей с ним было 6 сот человек: и грех ради моих, суров человек: безпрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня»* [12, с. 69]. Весь последующий текст Жития наполнен описаниями этих мучений. *«Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, безпрестанно смерти мне искал...»* [12, с. 75]. *«Десять лет он меня мучил, или я ево — не знаю; Бог разберет в день века»* [12, с. 82]. «История сибирской ссылки Аввакума, — пишет исследователь «Жития» А.Н. Робинсон, — выступает не как экзотический элемент автобиографии, интересный сам по себе, а как история неравной, но упорной борьбы автора с воеводой Пашковым... Различные по содержанию

эпизоды сибирской жизни объединяются и взаимно мотивируются как разные этапы развития этой внутренней темы борьбы... Но сам Пашков выступает как орудие Никона, приказавшего ему “мучить” Аввакума. Никон, в свою очередь, выступает в представлении Аввакума, как орудие “дьявола” и предтеча “антихриста”» [13, с. 71]. Однако в то же время, Аввакум осознает, что антихристов слуга, воевода Пашков являлся лишь слепым орудием в руках Бога, который наказывает и искушает грешного протопopa.

Как отметила литературовед Н.С. Демкова, «описания сибирской природы обрамляют рассказ Аввакума о даурской экспедиции: они начинают и заканчивают его, и последовательность описания размышлений, чувств и ощущений героя Жития в связи с изображением сибирских пейзажей является не случайной» [14, с. 157]. В Житии приведены всего два описания пейзажей Даурии, причем оба пейзажа привязаны к местам, отстоящим друг от друга совсем немного — в пределах прямой видимости. Суровая природа Даурии выступает здесь в качестве слепого орудия «потусторонних» сил. Борясь с ней, Аввакум часто вольно или невольно сетовал на своего творца. Образ Сибири как ада в Житии достаточно противоречив. Описывая свои скитания, протопop невольно восторгается величавой природой края, хотя явно стремится изобразить дикий, «адский» ландшафт. Вот как автор описывает местность возле Шаманского порога на Ангаре: *«Горы высокия, дебри непроходимыя; утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! <...> На те горы выбивал меня Пашков, со зверьми, и со змиями, и со птицами витать»* [14, с. 70]. Заметим, что Шаманский порог место не простое. Здесь во времена Аввакума находилось знаменитое шаманское святилище местных племен. С этого места хорошо был виден Байкал; это место — «вход» на «тот свет», в адскую страну. Н.С. Демкова отмечает передаваемое Житием ощущение «трагического контраста между мощью дикой и равнодушной к человеку природы и физической ничтожностью, незначительностью человека, попавшего в ее владения» [14, с. 158]. Совсем в ином эмоциональном ключе изображен в Житии второй пейзаж — изображение природы у «Байкалова моря»: *«Около ево горы высокия, утесы каменные и зело высокия, — двадцать тысяч верст и большеи волочился, а не видел таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы, — все богоделанно»* [12, с. 86]. «Здесь, — пишет Н.С. Демкова, — природа по-прежнему сурова: “буря ветренная” едва не потопила лодку Аввакума, возвращающегося из ссылки домой, на Русь. Поэтому все вызывает умиление героя: “наверху” гор — диковинные “богоделанные” “полатки и повалуши, врата и столпы”; травы здесь “красныя, и цветны и благовоны гораздо”; “птиц зело много”, “а рыбы зело густо”» [14, с. 158]. Добавим, что это и найденный героем (или заслуженный им у Бога?) выход из ада в верхний мир людей, которому он не устает радоваться и благодарить творца об окончании посланного ему испытания. При этом, по-видимому, можно говорить и о непосредственном влиянии Аввакума на «ад», в котором он побывал и который «преобразил» своею верою и своими молитвами. Даурия если еще и не стала частью «Святой Руси», как остальная Сибирь, все же, трудами праведника и мученика, облагородилась, приблизившись к это-

му идеалу. Наблюдая над изображением пейзажа в Житии, А.С. Демин лишь в сибирских пейзажах Аввакума, «очевидцем которых он был», находит «элементы перспективы и косвенного ее отражения». «В пейзажах Аввакума — отмечает исследователь — выражаются два принципа изображения пространства. Главенствует принцип “божественного” конуса, расширяющегося откуда-то с небес на землю. В этом проявляется религиозное мировоззрение Аввакума. Но одновременно в Житии формируется выражение другого конуса, “земного”, — конуса реальной перспективы от “взирающего” человека» [15, с. 404]. Такой двойной взгляд на мир, глазами простого человека и одновременно глазами праведника и пророка, наделенного божественным видением предмета, сложился у Аввакума именно в сибирской ссылке. Это «видение» мира попеременно или одновременно душой и разумом, ибо обе его человеческие ипостаси присутствуют в даурском «аду». Отсюда, вероятно, отмеченное рядом его сочинений уже «пустозерского» периода, двойное восприятие протопопом происходящих событий, и их толкование «от дольных и от горних».

В написанном в 1676 г. ответе на «Возвещении от сына духовного ко отцу духовному» протопоп Аввакум толкует своему духовному сыну «от горних» описанные им новейшие московские события, слухи и толки: *«Бог за труды воздаст ти, чадо, яко потрудился еси описати кончину губителя царя Алексея и возвестил мне еси от дольных. Гряди, да покажу ти от горних, еже виде и слышиа Иоан Богослов, заточен был во острове Патме от царя Доментияна, яко же и аз от Алексея царя, умершаго злодея* [16, с. 147]. Здесь Аввакум прямо сравнивает себя с одним из евангелистов, которому дарована способность непосредственного общения с Богом и получения из его уст божественного откровения. А.С. Демин отмечает, что в сочинениях Аввакума мир окрашен в «сумеречные» тона, что позволяет видеть в нем «сумеречного» писателя. Однако с таким утверждением нельзя согласиться. «Сумеречность» пейзажа и элементы сумеречного мировосприятия мы находим преимущественно в Житии Аввакума, и это естественно, если рассматривать сибирскую ссылку в восприятии автора, как «хождение во ад». О необычном восприятии сибирской природы свидетельствуют известные рассказы Аввакума о множестве диких зверей, «гуляющих» по горам, «во очию нашу, а взять нельзя», а также о сильной жажде, которой он был «томим», когда «зимою по озеру бежал на базлуках» и не мог «добыть» воды из-за толстого льда. Лишь обратившись с мольбой к Богу, страдалец сумел «насытиться» из образовавшейся трещины, которая тут же «паки снидешя», образовав «пролубку маленьку». Автор находится как бы в ирреальном мире, прямой контакт с которым для него обычным путем невозможен. Он осуществляется лишь при посредстве сил зла (воевода Пашков и его подручные, которые «мчат» его в дощанике на муку в глубину Даурии-ада), или силы добра (Бог, с которым Аввакум находится в постоянном и тесном контакте). Бог не только поит, он и кормит своего любимца: *«Поехали из Даур, стало пищи скудать, и с братиею Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зверя»* [12, с. 85–86].

Рассматривая описание природы Аввакумом в Житии как «явно литературную функцию», сознательно введенную автором в композицию

повествования «для передачи эмоционального состояния героя в связи с обстоятельствами его судьбы», Н.С. Демкова считает это описание «художественным открытием, сделанным Аввакумом... в новых условиях развития литературы XVII в.» [14, с. 159]. Исследовательница отмечает определенную преемственность использования названного художественного приема в древнерусской литературе, известного уже автору «Слова о полку Игореве». Это наблюдение для нас необычайно ценно, но не только как свидетельство существования определенного художественного приема или метода, обладающего признаками «преемственности». Такая преемственность должна, по определению, предполагать знакомство Аввакума со «Словом» или неизвестными нам произведениями-посредниками. И то и другое вовсе не следует сбрасывать со счетов. Но более всего привлекает возможность использования ссыльным протопопом художественных образов «Слова», при учете очевидной для нас жанровой общности обоих памятников. Ведь «Слово», как нам представляется, яркий пример использования его автором при создании первой на Руси воинской повести фольклорного жанра «хождения» сказочного героя «на тот свет» и его благополучного возвращения домой с помощью «третьего пути», при сохранении не только жизни, но и княжеской чести.

О том, что он попал в «выворотный мир», или ад Аввакум — согласно «Житию» — догадался после того, как ему пришлось заступиться за двух престарелых вдов, ехавших постригаться в монастырь, которых воевода Афанасий Пашков приказал задержать и выдать замуж. Восстав, как духовный пастырь, против такого неслыханного нарушения христианской морали, Аввакум, по приказанию воеводы Пашкова, был нещадно бит кнутом и попал в заточение. Изнемогши от пришедшихся на его долю мучений, протопоп «возроптал» было на Бога: *«За что Ты, Сыне Божий, попустил меня ему таково больно убить тому? Я веть за вдовы Твои стал! Кто даст судию между мною и Тобою? Когда воровал, и Ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, что согрешил!»* [12, с. 71]. Однако, опомнившись, признал свой ропот на Бога «безумием» и «покаялся пред Владыкою». Сибирская ссылка представилась протопопу в новом свете, как особое испытание, дарованное ему Богом. Выдержавшему это испытание будет дарован свободный выход из ада в Божий мир. Позднее, в «Книге бесед», Аввакум описал свою встречу в состоянии «забытия» с антихристом: *«Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хошу его бить. Он же мне отвещал: “Что ты, протопоп, на меня кричишь? Я не хотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу”»* [12, с. 143].

В Даурии опальный протопоп впервые столкнулся с местным шаманством. Первый такой случай, описанный в «Житии», повествует о поступке жены Пашкова Евдокеи Кириловны, которая *«послала [больного] робенка к шептуну-мужику... Младенец пуци занемог; рука правая и нога засохли, что батошки»* [12, с. 79]. Аввакум, разгневанный «отступничеством» Евдокеи, обратившейся за помощью к местному «Орефе колдуну», долго отказывался исцелять ребенка — своего крестника, — ожидая покаяния матери, и лишь добившись требуемого, с Божьей помощью исцелил больного. О распространении шаманства в Сибири и влиянии его на пришлое русское население сохранилось немало свидетельств.

«Христианская вера, — пишет в этой связи Пьер Паскаль, — здесь более, чем где либо, была засорена суеверием, ибо язычество кругом было реальным и действенным фактором, с которым сталкивались ежедневно: какой, в самом деле, соблазн посоветоваться с шаманом о будущем, позвать к больному колдуна! Архиепископ Симеон пишет в связи с какими-то листьями, обладающими магической силой и найденными у воеводы отдаленного поста, что даже в самом Тобольске умножились случаи колдовства» [17, с. 282]. Аввакум, родившийся и выросший на Средней Волге, в восточноевропейской «контактной зоне» христианства с мусульманством и язычеством, как активный «ревнителем христианского благочестия», был с начала своего церковного служения особенно нетерпим к любому проявлению отступничества от православия.

Второй «даурский» эпизод более значим, чем первый; в нем автор достаточно подробно описал шаманский обряд, предшествовавший военному походу. *«Отпускал он [воевода Пашков — Н.Б.] сына своего Еремея в Мунгальское царство воевать, — казаков с ним 72 человека да иноземцов [в ред. В: «тунгусов» — Н.Б.] 20 человек, — и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удастся ли им [поход], и с победою ли будут домой? Волхв же той — мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер, и учал над ним волхвовать, вертя его много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать, и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла. Беси давили ево; а он спрашивал их: “удастся ли поход?” И беси сказали: “с победою великою и с богатством большим будете назад”. И воеводы ради, и все люди радуясь говорят: “богаты приедем.”»* [12, с. 80]. «Мне же, окаянному, — пишет Аввакум в другой (Прянишниковской — Н.Б.) редакции “Жития”, — горько стало, что со дьяволом поежжают. Говорил им: “воистинну зло есть сие дело”. Оставя Бога и ко дьяволу вопрошать идут» [12, с. 323]. Можно предполагать, что шаманский обряд накануне похода был организован «иноземцами», язычниками — тунгусами, «приданными» казачьему отряду, а православные казаки присутствовали на этом действе лишь из любопытства. Сомнительно утверждение Аввакума о том, что воевода Афанасий Пашков «заставил» шамана шаманить. Однако воевода «перед тем, как выйти в поход... открыто посоветовался с шаманом относительно исхода этого набега... в данном случае, — пишет Пьер Паскаль, — этот акт суеверия был официальным и коллективным» [17, с. 321]. Очевидно, что протопоп Аввакум был сильно обижен и разгневан интересом, проявленным казаками и воеводой к еретическому «действию» и предсказаниям шамана, и пренебрежительным их отношением к православному ритуалу, так как обязательный молебен перед выходом в поход, судя по всему, тогда не состоялся. Вспомним и неопределенное положение самого Аввакума в казачьем отряде, которому он был придан, с одной стороны, как походный священник, а с другой — как церковный послушник и «еретик», «отданный» воеводе Пашкову для «исправления». Не случайно разгневанный Пашков так обращается к Аввакуму: *«Начал мне говорить: “поп ли ты, или распоп?”; и аз отвечаю: “аз есмь Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?”»* [12, с. 71]. Пренебрежительно отнесся воевода и ко, ставшим ему известными, мольбам опального протопопа к Богу: *«Послушай*

мене, Боже! Послушай мене, царю небесный, свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни один от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, Господи, приложи, и погибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское! <...> И втайне о том же Бога молил» [12, с. 80]. Эта «антимолитва», единственная в своем роде в творчестве писателя, стала возможна, видимо, также лишь в аду — «анти-мире», или «выворотном» мире, куда попал протопоп. В этом сумеречном мире праведников ссылают, защитников вдов бьют и мучают, борцов с дьяволом пытаются. В сущности, в борьбе с языческим шаманом Аввакум употребил языческое же заклятье, усомнившись в том, что христианские нормы любви и всепрощения применимы в аду. Подобными заклятьями, обращенными к языческим богам, наполнены все скандинавские саги. В последний момент, перед отправлением войска в путь, когда казаки стали подходить к протопопу под благословение, в нем, видимо, заговорила совесть и он пожалел воинов, хотя, по его словам, предчувствовал их погибель: «В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне; а я им говорю: “погибнете там!” <...> Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолился за меня...» [12, с. 80]. Предчувствие беды охватывает и природу, и людей: «Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли; ужас на всех напал» [12, с. 80–81]. Перед протопопом стоит неразрешимая дилемма: что следует просить у Бога? Традиционные молитвы за спасение христианского воинства, в случае, если они будут услышаны, приведут к прославлению язычества и унижению православия, мольбы же к Богу с просьбами погубить нетвердых в вере воинов противоречат христианской совести протопопа. Аввакум ищет компромисс: «Поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал Владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны, — не бывали на срок... Чюдно дело Господне и неизреченны судьбы Владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет...И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него “побили все безостатку”, и как ево увел иноземец [раненова — ред. В] от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седьм дней, — одну съел белку, — и как моим образом человек ему во сне явился и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать, он же, вскоча, обрадовался и на путь выбрел» [12, с. 82]. Гибель войска и чудесное спасение предводителя отряда по заступничеству пред Богом Аввакума и с его прямым участием, уронили авторитет шамана и возвысили в глазах казаков и «инородцев» христианского Бога и его служителя. «Так-то ты делаешь? Людей тех погубил столько!» [12, с. 204] — смог лишь попенять протопопу смущенный происшедшим чудом, суеверный Афанасий Пашков.

Легко заметить, что пересказанный и отчасти процитированный здесь сюжет из «Жития» о монгольском походе небольшого отряда (100 человек) под предводительством Еремея Пашкова напоминает сюжет «Слова о полку Игореве». И там, и здесь войско отправляется в поход за богатством (!), презрев дурные предзнаменования. Оба войска оказываются разбитыми, однако их предводители — князь Игорь и воевода Ере-

мей Пашков — в конечном итоге спасаются благодаря молитвам своих сородичей и духовных руководителей к Богу и помощи «волшебных помощников» — половца Овлура и не названного по имени «иноземца» в «Житии». Эти «волшебные помощники», по законам фольклора, обязательно должны быть из «чужого» рода-племени с которым осуществляется волшебный контакт. Упомянутый здесь *«иноземец от мунгальских людей»* — явно не из отряда Еремея, так как **все** участники похода, присутствовавшие на шаманском камлании, по определению, должны погибнуть. Ведь «антимолитва» Аввакума была *услышана* Богом. Оба предводителя войска также «временные мертвецы»; они побывали не где-нибудь, а «на том свете», но сумели чудесным образом, отмоленные, вернуться в мир живых. Если князь Игорь с Овлуром стреляли по дороге домой «гусей и лебедей», то Еремей с «иноземцем», блуждая по тайге, убили и съели белку. И тот и другой до своего возвращения в мир живых — мертвы, а мертвецы, как известно, не имеют живота и потому (согласно В.Я. Проппу) много едят, хотя в «Житии» этот мотив лишь слабо обозначен. Еще раз фольклорный мотив перехода от смерти к жизни присутствует и, главное, «назван» в рассказе Жития о спасении Аввакумом двух подручных уехавшего на Русь воеводы Афанасия Пашкова, которых казаки хотели убить: *«и я, — пишет Аввакум об одном из них Василии, — выпрося у них Христа ради... на Русь ево вывез, от смерти — к животу... Да и другова такова же увез замотая»* [12, с. 83–84]. Если протопоп Аввакум и не был знаком со «Словом о полку Игореве», то в сочинениях двух авторов присутствуют общие славянские и общеевропейские фольклорные мотивы. Следует обратить внимание на сюжетное сходство всей Даурской эпопеи аввакумовского «хождения во ад» с рассказом о монгольском походе Еремея. Здесь автором использован прием опоясывающей композиции с сюжетным параллелизмом. Это так называемый «принцип матрешки». Еремей «оживает» и спасается из «ада» благодаря молитвам протопопа Аввакума, самого же Аввакума из «ада» — Даурии — выводит сам Бог, как «не хотящего» быть под властью антихриста. В определенную связь с «Житием» Аввакума можно поставить аввакумовскую «Книгу обличений или Евангелие вечное» (1674 г.), где, в частности, трактуется вопрос о сошествии Христа во ад. Полемизируя с дьяконом Федором Ивановым и церковными авторитетами, на которых он ссылался, Аввакум отстаивает мнение о том, что Иисус Христос, после своего распятия, сошел во ад добровольно и добровольно же его покинул, и что Он пребывал в аду не только душой, но и телом. В подтверждение своего мнения протопоп ссылается на Иоанна Златоуста и Епифания Кипрского: *«Еще Епифаний Кипрский пишет: “Христу убо во ад сходящу, предшествуют бо Ему архангели Михаил и Гавриил с силами, глаголюще: Возьмите врата, князи, ваша, да внидет Царь славы”, и прочая... Ну, зри: умучи ада Сошедший во ад плотию, горе есть аду от плоти, когда прият тело одушевленно, угаси бо смерть иже от нея держимый...»* [18, с. 637].

Для Аввакума Даурская ссылка — своеобразная «инициация», способ приобщения «к божественным тайнам», а его «чудесное» возвращение оттуда — признак избранности, свидетельство установившихся у него особых, доверительных отношений с Богом. Эти патриархальные, «биб-

лейские» отношения и оказались отражены в автобиографическом «Житии» — сочинении, если рассматривать его с христианских позиций, еретическом. Ведь «Житие» как жанр не может быть «автобиографично», разве что, если оно приравнивается к евангельским текстам, вдохновленным и «надиктованным» самим Иисусом Христом. Но именно это, фактически, декларирует Аввакум, сравнивая себя с Иоанном Богословом в период общения его с Богом на острове Патма. На свои особые отношения с Богом Аввакум указывает и в самом тексте Жития, описывая свой исход из ада, когда брошенный на произвол судьбы воеводой Пашковым среди враждебно настроенных аборигенов, он организовал эвакуацию из Даурии «старых и больных и раненых». И здесь протопоп сравнивает свою человеческую слабость — страх, с поведением апостола Павла во время апостольской проповеди: *«семнацеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же Бог наставит, ничево не бояся. А во иную пору и боялись, человецы бо есмы; да где же стало детца, однако смерть! Бывало то и на апостола Павла; сам о себе свидетельствует...»* [12, с. 83]. Крест, поставленный Аввакумом на носу лодки, исполняет здесь (согласно В.Я. Проппу) функцию «волшебного предмета», наделенного магической силой, какими в «Слове» были «червленые» щиты, «перегородившие» поле битвы, а также «поющие» копыя русичей.

Возвратившийся из Сибири Аввакум уже не тот, каким он был до ссылки. Он — не только общепризнанный лидер старообрядческой оппозиции, но и уважаемый и влиятельный человек в среде царской администрации. *«Яко ангела Божия, прияша мя государь и бояря, — все мне ради»* [12, с. 88]. Светские «власти», многие из которых тайно сочувствовали старообрядцам, воспринимают Аввакума как мученика за веру. Царь, проходя мимо его двора на монастырском подворье в Кремле, просит у протопопа благословения. Все ждут церковного собора, на котором должен быть решен вопрос о бывшем патриархе Никоне, об отношении к «старой» вере и судьбе прошедшей церковной реформы. И сам Аввакум, по-видимому, колеблется, стоит ли ему открыто держать оппозицию реформе и «ругаться» с «никонианами». Еще в Даурии его маленькой дочери Агрофене во сне явился *«не знаю кто, светленек»* и велел передать отцу, *«чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет»*. По дороге на Русь, в Тобольске «в тонце сне» самому протопопу было «возвещение» от Бога, который напомнил ему о недавних испытаниях и строго предупредил: *«Аль-де и ты по толиких бедах и напастех соединяеся с ними? Блюдися, да на полъма растесан будешь!»* [12, с. 89]. На Руси Аввакум, как только он принял твердое решение *«не молчать»*, а неотступно обличать еретиков-никониан, начинает творить чудеса. Так, в Пафнутьеве монастыре, где протопоп был в заключении, он сам является в ночном видении «оскорбившему» его и тяжело заболевшему игумену Никодиму и исцеляет его. Самому же Аввакуму в пустозерской темнице являются Богородица и Иисус Христос *«с силами многими»*, и Христос говорит ему: *«не бойся, аз есмь с тобою»* [12, с. 201].

Ко времени создания своего автобиографического Жития, протопоп Аввакум вполне уверовал в свое предназначение пророка, призванного донести до русской христианской общины слово божественной правды. Именно пример апостола Павла послужил ему одним из аргументов для создания собственного Жития. В опубликованном Н.С. Демковой «Послании к отцу Ионе и чадам “во свете живущим”» публикатор обратила внимание на цитату из Послания апостола Павла к Ефесянам (III, 1–4, 8, 14), в которой протопоп, слегка изменив текст, заменил апостольское имя указанием на себя: *«Сего ради и аз, протопоп, [вместо: Павел — Н.Б.] юзник Исус Христов, о вас похваляюся, строителях церковных и чадах моих присных, яко по откровению сказа ми ся тайна, яко предънаписах вам вмале. О нем же, чтуще, можете разумети — разум мой о тайне Христове, ему же бых служитель по дару благодати Божия, данныя мне по действию силы его. Мне, меньшему всех святых, дана бысть благодать сия благовестити неизъследованное богатство Христово и просветити вся, хотящих разумети о Христе Исусе, Господе нашем, о нем же имамы дерзновение верую его»* [19, с. 218–219]. Называя себя, вслед за апостолом Павлом, «меньшим [из] всех святых», Аввакум приравнивает рассылаемые им по Руси послания к апостольской проповеди, завещанной ему *«по дару благодати Божия»*, которой он удостоился своим страданием за Христа. Послание к отцу Ионе и «чадам во свете живущим», написанное в 1677–1678 гг. в Пустозерске, композиционно строится как апостольское послание к пастве. Хотя автор подчеркивает свое нежелание выступать в роли судьи и пророка, подобного Моисею, но лишь как помощника Господа, обязанного *«послужить слову по данной от Него благодати»* [20, с. 475–483]. Здесь Аввакум выступает в качестве апологета истинной веры, призванный Богом сохранять ее в чистоте, толковать и нести *«верным»*. Одновременно он присваивает себе право единолично отлучать от церкви тех, кого считает еретиками. Так поступил протопоп со своим соузником и духовным сыном дьяконом Федором в 1679 г., обвинив его в «слиянии» святой Троицы *«во единичу по жидовски»* и следовании Савелианской ереси [12, с. 257–259, 435–436]. Описывая свою временную ссору с иноком Епифанием по тому же поводу, Аввакум ненароком ссылается на свою божественную миссию: *«А как бы не осердился [на своего друга инок Епифания — Н.Б.], так бы меня самово велели до смерти забить. Не подорожат друг, тамо и не Аввакумом, много тое грязи у Христа наделано. Не А[ввакум], ино другой. А за Ним дело не станет спасения человеческого... А[ввакум] п[ротопоп] бодрствовать станет Господа ради... А еже разленится, и ему кнут на спину. Не как Пашков — ременной, но железо разженно огнем клочущим»* [12, с. 259]. Не случайно и здесь Аввакум вспоминает воеводу Пашкова, своего «адского проводника», рассматривая последнего лишь как слепое орудие в руках Бога (или дьявола?) и сравнивая свое мучение под плетью в Даурии с адскими муками грешников.

Сформировавшийся у Аввакума после сибирской ссылки «апостольский» взгляд «от горних» на окружающую действительность, появившаяся у него возможность смотреть на мир как бы сверху, из космоса, была дарована ему, по его убеждению, самим Богом, выведшим его из ада, который он «умучил», сойдя в него, подобно Христу, плотию.

Аввакум, подобно Аврааму или Моисею, — Божий избранник и любимец, поэтому он столь непримирим к инакомыслящим, даже из среды своих последователей, не терпит критики и возражений. Он — обладатель божественного дара, посредник между Богом и людьми, истолкователь божественной воли. Его сочинения переполнены видениями и чудесами, при помощи которых новый пророк общается с божеством. В то же время, находясь в заключении, оторванный от реальной жизни христианских общин, опальный протопоп получает информацию «от дольних» лишь через редкие весточки с большой земли, «из Руси». Отсюда постоянное его возвращение к реальному жизненному опыту, полученному в первую половину жизни, до земляных тюрем на Мезени и в Пустозерске, также сравниваемых им с адом. Этот ад живо описан в Прянишниковской редакции Жития: *«Таже осытали нас землю: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырьми замками; стражие же стрежаху темницу. Да ладно, так хорошо! Я о том не тужу, запечатлен в живом аде плотно гораздо...»* [12, с. 341]. Пребывание «в живом аде» стало для Аввакума привычным, это уже непременная составляющая его духовного подвига. Житие, повествующее о аде и написанное в аду, — это осмысление героем с позиций нового «видения» своей прошлой мирской жизни и история обретения им божественного дара. Вместе с тем, биография мятежного Аввакума по Житию — это вовсе не образец «праведной» жизни и никак не пример для подражания простым смертным. Житие протопопа Аввакума, как и житие любого христианского святого, невозможно повторить, так как если попасть в ад и испытать адские мучения способен любой грешник, то выйти из ада и по воле Творца обрести божественное, «верхнее» видение мира доступно лишь Божиим избранникам. Житие протопопа Аввакума — это объяснение автором причин и свойств полученного им божественного дара, созданное для того, чтобы верующие могли больше доверять новому пророку и в условиях наступающего «конца света» спасти свои души, обретая царство Божие.

На этом примере нетрадиционного автобиографического жития мы можем сделать вывод о том, что христианство активно пыталось сохранить и включить в состав своего вероучения возможность использования «третьего», волшебного пути, доступного лишь для «избранников Божьих». Бог, таким образом, во имя каких-то неведомых нам целей, делает для своих любимцев исключение, позволяя им идти к намеченной «благостной» цели не линейным (добро — зло), но чудесным путем. Этот путь — путь христианских святых, а их прижизненные чудеса — признак будущей святости. В случае с Аввакумом мы имеем уникальный пример прижизненного осознания святым (истинным или мнимым — в данном случае не так важно) своей святости и литературную фиксацию такого самоощущения. Интересно и то, что свое видение мира он сумел внушить и окружающим. Написать свое автобиографическое Житие Аввакума «понудил» его духовный отец — инок Епифаний. Это «принуждение» в данном случае должно быть функционально необходимо и духовный отец также должен быть связан духовными нитями с Богом. Поэтому, скорее всего, следует говорить о принуждении со стороны Аввакума, «понуdivшего» инока Епифания к написанию собственного

автобиографического жития. Написав житие, Епифаний также получил «статус» Божьего избранника, идущего с Божьей помощью «третьим», волшебным путем.

Создание обоих названных житий в период религиозного и культурного кризиса на Руси, рассматриваемого как наступившее «последнее время», — также далеко не случайно. Нестандартный, волшебный путь делается необходимым для героя именно в необычной, кризисной ситуации, когда «линейная» система привычных человеческих отношений начинает давать сбои. Заслуга Аввакума в том, что в своем творчестве он пытается понять сам и объяснить другим необходимость необычных, порой парадоксальных решений и поступков, которые будут угодны Богу в наступившее «последнее время». В конечном итоге, сама русская старообрядческая община рассматривается Аввакумом как содружество людей, избравших для себя «третий путь», ибо возврата к «светлой Руси» уже нет, а примириться с наставшим антихристовым царством это содружество не может.

Список источников

1. Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. Санкт-Петербург: БАН, Русская симфония, 2006. 409 с.
2. Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум: поиск «третьего пути» // Человек между Царством и Империей. Сб. мат. междунар. конф. 14–15 нояб. 2002 г. Москва, 2003. С. 261–276.
3. Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум в Сибирском аду (К специфике жанра «Жития») // О древней и новой русской литературе. Сб. статей в честь проф. Н.С. Демковой. Санкт-Петербург, 2005. С. 120–134.
4. Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1986. 368 с.
5. Прорицания Вёльвы // Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А. Корсуна. Санкт-Петербург, 2000. С. 23–38.
6. Неёлов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Ленинград, 1986. С. 102–103.
7. Малаховская А.-Н. Наследие бабы-яги. Религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке и их следы в русской литературе XIX–XX вв. Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. 346 с.
8. Речи Высокого // Старшая Эдда / пер. с древнеисл. А. Корсуна. Санкт-Петербург, 2000. С. 38–82.
9. Видение Гюльви // Младшая Эдда / изд. подготовили О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Ленинград, 1970. С. 13–55.
10. Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / изд. подготовили Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Ленинград, «Наука», 1975. 194 л. факс., 264 с.
11. Полное собрание русских летописей. Москва, 1987. Т. 36. Ч. 1. 381 с.
12. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под общ. ред. Н.К. Гусева. Москва, 1960. 497 с.
13. Робинсон А.Н. Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. Москва, 1963. 316 с.
14. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума (Творческая история произведения). Ленинград, 1974. 168 с.
15. Демин А.С. Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 22. Москва; Ленинград, 1966. С. 402–406.
16. Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовного ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Т. 36. Ленинград, 1981. С. 127–150.

17. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола / пер. с франц. С.С. Толстого ; науч. ред. пер. Е.М. Юхименко. Москва, 2010. 680 с.
18. «Книга обличений» или «Евангелие вечное» // Русская историческая библиотека. Т. 39. Санкт-Петербург, 1927. С. 577–651.
19. Демкова Н.С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 21. Москва ; Ленинград, 1965. С. 211–239.
20. Бубнов Н.Ю. Послание протопопа Аввакума к отцу Ионе и чадам «во свете живущим» (1677–1678 гг.) // ТОДРЛ. Т. 52. Ленинград, 2001. С. 675–683.
21. Сказка о молодильных яблоках и живой воде // Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. Москва, 1989. 638 с.

BUBNOV N.I. “The Word about Igor’s Regiment” and “The Life” of the Archpriest Avvakum (The Third Way is Pagan Magic and Christian Miracle)

Bubnov Nicolay — Doctor of Historical Science, Leading Researcher of the Research Department of Manuscripts
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: n.bubnov@list.ru

ABSTRACT

The article examines the pagan motives of two cult Old Russian works written in the critical epochs of Russian history and reflecting the worldview of their creators. The author seeks to show how, under conditions of a “change of faith” and high spiritual tension, the effect of “ditheism” arises for writers, forcing them to turn to ethnic roots permeated with pagan magic to resolve seemingly insoluble spiritual conflicts. Comparison of “The Word about Igor’s Regiment” and “The Life” of the archpriest Avvakum at a deep folklore level makes it possible to feel the community and unity of these monuments.

Keywords: The Lay of Igor’s Campaign, The Life of the archpriest Avvakum, Old Russian literature, folklore, fairy tale, magic, Scandinavian epic, shamanism, antichrist.

П.И. Федотова

ГИДРОНИМЫ НЕВО И НЕВА: конфликт интерпретаций

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь Санкт-Петербург, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о происхождении названий реки Невы и озера Нево (Ладожского). Поддерживая аргументацию В.С. Кулешова об индоевропейской, а не финской этимологии названия Нева, автор вместе с тем подвергает критике идеи первичности германского названия реки и финского посредничества в передаче этого гидронима славянам. По мнению автора, славяне заимствовали названия Нево и Нева у проживавших в Приневье живых носителей индоевропейского языка, с которыми они находились в непосредственном контакте. Вопрос об этих носителях требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: река Нева, озеро Нево, гидронимия русского Северо-Запада, палеогидрография невско-ладожского региона.

Вопрос о происхождении названия реки Невы и известного по летописям Лаврентьевско-Ипатьевской группы названия Ладожского озера Нево редко становился предметом специального рассмотрения, хотя вопрос этот важен вдвойне. С одной стороны, он связан с проблемой этнической принадлежности предшественников славян в невско-ладожском регионе — в прошлом Новгородской земле, ныне Ленинградской области. С другой — с давней и до сих пор нерешенной проблемой самого происхождения реки Невы и Ладожского озера. О времени их возникновения в науке до сих пор ведутся споры, и на сегодняшний день ни одна из существующих точек зрения не является общепризнанной. Установленная же лингвистами семантика обоих названий — озеро Новое и река Новая — ставит вопрос о том, насколько геологически новыми являются оба водоема — речной и озерный? Как согласовать их лингвистически установленную «новизну» с бытующими в современной науке реконструкциями геологического прошлого региона, согласно которым Ладога стала озерным водоемом 9 тыс. лет назад, а Нева образовалась в результате прорыва ладожских вод в Балтику около 4–4,5 тыс. лет назад? Кто же донес эти названия через столько тысячелетий до пришедших в невско-ладожский регион в середине — конце I тыс. н.э. славян? От ответа на вопрос о происхождении названий Нево и Нева (времени их возникновения и этнической принадлежности) зависит решение целого комплекса как исторических, так и палеогеографических проблем. Вот почему этот узкоспециальный и частный, казалось бы, вопрос на самом деле затрагивает интересы очень широкого круга представителей гуманитарных и естественных наук. Все это создает необходимость специального и всестороннего рассмотрения вопроса

о названиях Нево и Нева в отличие от тех кратких экскурсов, которые имеются на сегодняшний день.

Самая первая попытка объяснить происхождение и значение названий Нево и Нева принадлежит основоположнику российской исторической науки В.Н. Татищеву. Как и его современники, Татищев был склонен к «народной этимологии» самого фантастического пошиба. Одно из таких произвольных словопроизводств Татищева — объяснение названий Нево и Нева. Находясь под влиянием польско-украинской историографии XVII в. с ее сарматской концепцией, он возводил их к сарматскому языку. По его предположению, названия Нево и Нева происходят из сарматского *нево* — совет, рассуждение и *нева* — двоюродный брат или племянник. Столь странную этимологию он объяснял тем, что озеро Нево «может, образно морю Балтийскому братом названо, или река Нева, как граница с Ярмиею или Корелою была, и тут для советов и разсуждений съезжаясь, реке и озеру то имя дали» [22, с. 199]. Эту сарматскую «гипотезу» (правда, в иной трактовке) разделял и автор неоднократно издававшейся научно-популярной брошюры о реке Нева Р.А. Нежиховский. Он утверждал, что название Нева может происходить от сарматского *нев*, *нево* — залив, море [17, с. 24; 18, с. 22]. Однако в последнем, переработанном издании брошюры автор уже не касался вопроса о происхождении названия Невы [19].

Тораздо более известной и широко распространенной стала финская этимология названия Невы, которая до недавнего времени почти безраздельно господствовала как в популярной, так и в научной литературе. Появившись в работах шведских и немецких ученых XIX в., она была принята последующими исследователями. Старт этой идее дал финский пастор шведского происхождения А.И. Гиппинг. В своей работе, посвященной предьстории Санкт-Петербурга, он без какого-либо обоснования заявил, что название Невы «происходит из языка нынешних обитателей ее побережий» — от финского слова *Newo*, которое означает «болото, трясину или вообще всякое топкое и низменное место» [2, с. 4]. Вслед за Гиппингом эту мысль подхватили и другие исследователи истории Приневья: Я.К. Грот, Г.А. Немиров, А.А. Куник [4, с. 1; 20, с. 23; 11, с. 393; 12, с. 22–23]. Правда, Немиров особо отметил тот факт, что болото обозначается в финском языке и другими словами: *suo*, *räme* и *rimpi*, а слово *newa* не имеет производных, в частности, «болотный» или «болотистый» [20, с. 22–23].

Академический вид финской версии происхождения названия Нева был придан в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера. Фасмер утверждал, что гидроним Нева образован из финских названий *Nevajoki* и *Nevajarvi*, а сами эти названия производны от финского *neva* — «болото» [26, с. 54]. Эта точка зрения закрепилась в последующей литературе. Ее придерживался советский финно-угровед А.И. Попов [24, с. 107–108], полагая, что финское *nevo* («болото») первоначально относилось только к заболоченному устью Невы и лишь впоследствии было перенесено славянами на само озеро [23, с. 56]. Филолог-скандинавист Т.А. Джексон утверждала обратное: финское *neva* («болотистая местность») первоначально выступало именем не реки, а окруженной болотами южной части озера — *Nevajarvi* [5, с. 38]. Автор

топонимического словаря В.А. Никонов полагал, что первичным являлось название озера — Нево, «по которому и могла быть названа река». Сами названия он выводил из финского *neva* — «болото, трясина» [21, с. 286]. Ту же этимологию давала и советский лингвист Р.А. Агеева, а также популярные справочники и топонимические словари [1, с. 169; 3; 7, с. 100; 18, с. 22].

Однако все эти авторы оставляли в тени вопрос об источнике и хронологической глубине финских географических названий. На основе каких данных можно судить о первичности финских *Nevajarvi* и *Nevajoki* к русским (или дорусским) названиям Нево и Нева? Финская письменность была создана только в середине XVI в., тогда как гидронимы Нева и Нево фиксируются в русских летописях XIII–XV вв. В то же время лингвисты давно отмечали тот факт, что в германских языках название этой реки имеет форму прилагательного женского рода со значением «новая»: *Nu* (нем.), *Nyia* (др.-исл.), *Ny* (швед.). Со ссылкой на финского лингвиста И. Микколу и датского лингвиста В. Томпсена, М. Фасмер объяснял германское название Невы («Новая») переосмыслением в духе народной этимологии воспринятого германцами финского *Nevajoki*. Такое объяснение неудовлетворительно по нескольким причинам.

Во-первых, народное переосмысление чужого названия всегда происходит по звуко-смысловой ассоциации, представляя собой процесс рационализации в данном языке непонятого чужого слова. Так, шведский Стокгольм был переосмыслен средневековым русским населением как «Стекольный», а кельтский этноним *неметы* (*nemetae* — «священные»), перенесенный славянами на германцев, — как «немцы», то есть немые (через промежуточное северолехитское *немеци*). В свою очередь, русский Ростов был истолкован шведами как *Rådstofa* («думская зала»), а Чернигов — как *Sýtnes* («свиной мыс») [25, с. 51]. Как видно из этих примеров, народная этимология идет по пути подыскания созвучного и в то же время подходящего по смыслу слова. Однако финское *Nevajoki* (Невайоки) не имеет ни малейшего звукового подобия с немецким *Nu* («ню»), древнеисландским *Nyia* («ньюя»), шведским *Ny* («ню»). Не имеют они и смысловых совпадений. В прибалтийско-финских языках термин *neva* означает «болото, топкое место», а в диалектах саамского различные варианты этого слова имеют значение «маленький порог на реке, быстрина, участок с сильным течением» [9, с. 31–32]. Таким образом, между финским названием («Болотная река») и германским (река «Новая») лежит целая пропасть. При этом совпадение значений всех германских вариантов (в нижненемецком, древнеисландском и шведском) явно указывает на один источник этого названия. Но таковым невозможно признать финское *Nevajoki*. По справедливому замечанию петербургского историка В.С. Кулешова, из финского «болота» нельзя вывести германскую идею «новой реки» [9, с. 29].

Все это заставило В.С. Кулешова усомниться как в происхождении германских форм из финского *Nevajoki*, так и в первичности самого финского названия реки. Выводы, к которым пришел исследователь, можно резюмировать следующим образом.

1) Гидроним Нева происходит не из финского *neva*, а из индоевропейского **neuiā* — «новая». 2) Индоевропейское название принадлежит

прагерманцам, проживавшим в бронзовом веке на территории Приневья и Восточной Прибалтики. 3) Возникновение названия «Новая» обусловлено исторически недавним появлением Невы, образовавшейся на глазах у проживавших в Приладожье прагерманцев. Время возможного возникновения Невы на основании археологических данных относится ко второй половине II — началу I тыс. до н.э. (3–3,2 тыс. л.н.). 4) Многообразные формы в современных финских языках восходят к прафинской праформе **ñeva*. Она представляет собой финское заимствование из ИЕ **neiā*. Наличие этого слова во всех финских языках говорит о том, что это заимствование произошло до распада финской этнической общности. Однако финны усвоили только форму, но не смысл названия. В финских языках термин *neva/niva/nova* имеет сугубо ландшафтное наполнение, отражая не семантику ИЕ названия, а географические реалии реки. В ряде прибалтийско-финских языков (финском, ливвиковском, людиковском, вепсском) *neva* имеет значение «болото», в карельском — «вода, водоем» (озеро, река, море), а в диалектах саамского — «речной порог, быстрина». 5) Славянское название *Нева* является заимствованием из финского *Nevajoki*.

Таким образом, выделив три языковые традиции бытования названия Нева — германскую, финскую и славянскую, — Кулешов поставил вопрос об их хронологическом соотношении. Первичной он признал прагерманскую, вторичной финскую и последней по времени — славянскую [9, с. 27–36; 10, с. 43–48].

Предложенная В.С. Кулешовым реконструкция спорна и вызывает ряд вопросов. Прежде всего, каким образом название реки Невы — «Новая» — могло сохраниться в исторической памяти германских народов на протяжении примерно двух с половиной тысяч лет — с конца II тыс. до н.э. до второй половины XIII в. н.э., когда появляется первая фиксация этого названия в германоязычных письменных источниках? В отсутствие письменной фиксации для такого сохранения требуется посредство устной эпической традиции. Однако ни скандинавские саги, ни немецкий эпос не знают реки с таким названием. Не существует никаких доказательств более раннего знакомства германцев с Невой, чем конец XII в., когда в Новгороде появляется немецкий торговый двор. Более того, имеются бесспорные доказательства того, что немцы до своего появления в Новгороде даже не подозревали о существовании такой реки.

Главнейшие представители немецкой географической традиции конца XI — конца XII вв. — Адам Бременский и Гельмольд — еще ничего не знают не только о Неве, но даже о Новгороде. Эти авторы не упоминают ни такой реки, ни города с таким названием. Их реальные знания заканчиваются на границе с Восточной Прибалтикой [27, с. 19–32]. Отмечая эту лауну в средневековой географической традиции, историк-скандинавист Е.А. Мельникова подчеркивала, что восточноевропейские гидронимы известны только скандинавским географическим сочинениям и не упоминаются в западноевропейской хорографии [15, с. 35]. Однако первое упоминание этих восточноевропейских гидронимов (в том числе реки Невы) в скандинавской письменной традиции относится только к 20–30 гг. XIV в., в то время как ни саги, ни древние рунические надпи-

си известий о Неве или невском пути не содержат. Поэтому тезис Кулешова о первичности германского гидронима не находит подтверждения в существующих источниках. Заполнить более чем двухтысячелетнюю лакуну между прагерманским временем (II тыс. до н.э.) и первыми упоминаниями Невы как «Новой» реки в немецких и скандинавских письменных памятниках (вторая половина XIII в. — первая половина XIV в.) совершенно нечем.

Во-вторых, Кулешов обошел полным молчанием тот факт, что на Руси значение названия Нево именно как «Нового» озера было известно. В древнейшем списке ПВЛ в составе Лаврентьевской летописи (1377) оно дано в славянском переводе: «Волховъ втечетъ в озеро великое Ново» [13, стб. 7]. Если славяне заимствовали это название у финнов, откуда им стало известно его первоначальное значение, которого сами финны не знали? Кроме того, как объяснить радикальное расхождение семантики термина *neva* («болото», «водоем» и «быстрина, речной порог») и большого разнообразия его лексических форм у финноязычных этносов (*neva/niva/nova* и т.п.), если они восходят к одной праформе? К тому же их хронологическая глубина неизвестна: когда эта лексика и названия *Nevajoki* и *Nevajarvi* получили бытование в финноязычной среде? Кулешов полагает: наличие данной апеллятивной лексики во всех западнофинских языках доказывает, что это заимствование из прагерманского состоялось еще до распада финно-саамской общности (сер. II–I тыс. до н.э.). Однако такой вывод сомнителен по той причине, что, помимо разных лексических форм, эти термины имеют совершенно разное ландшафтное содержание. Это скорее свидетельствует о разновременности заимствования по мере смены обозначаемого ландшафта, то есть о разных периодах контакта того или иного финноязычного населения с невской гидрографией и носителями индоевропейского названия. Озеро, водоем, речной порог и болото — слишком разные географические объекты, чтобы предполагать один и тот же и одновременный источник заимствования. Совпадение же ряда эстонских и вепсских форм *nova* (причем с разным ландшафтным содержанием) с древнерусским Ново скорее доказывает, что заимствование происходило в обратном порядке — от славян к финнам — и в разное историческое время¹.

Невозможно согласиться и с мнением Кулешова, будто бы вопрос о хронологическом соотношении форм Нева (женского рода) и Нево (среднего рода) лишен смысла и не имеет никакой роли при этимологии. На этом основании он полагал ошибочным мнение финского лингвиста И. Микколы, что имя реки Нева производно от древнего названия Ладожского озера — Нево. Согласно Кулешову, Нева и Нево — это «одно и то же слово» [9, с. 28]. Безусловно, оба названия происходят от одной основы, оформленной разными флексиями. Такого рода парные названия — озеро (среднего рода) и вытекающая из него река (женского рода) — были характерны для древней географической номенклатуры Се-

¹ Сам Кулешов указывает и на крайнюю «рассогласованность» эстонских апеллятивов, и на невозможность вывести вепсское *povaiz* прафинской формы, и на заимствование финского диалектизма *niva* из саамского языка [9, с. 32]. Все это свидетельствует в пользу разных источников и разновременности финноязычных заимствований.

веро-Запада. Как отмечала советский специалист в области топонимики Р.А. Агеева, такой принцип парных гидронимов характерен прежде всего для названий субстратного происхождения: балтских и древнеевропейских. Например, оз. Алоль — река Алоля, оз. Кудо — р. Кудь, оз. Шлино — р. Шлина, оз. Самро — р. Самра. Эта традиция была воспринята пришедшими сюда славянами, как свидетельствуют многочисленные славянизированные названия, образованные от субстратных основ: оз. Лимандро — р. Лимандровка, оз. Сабро — р. Сабровка, оз. Лабе — р. Лабенка, оз. Валдай — р. Валдайка и т.п. В то же время подобная парная соотношенность имеет место и в чисто русских названиях: оз. Березай — р. Березайка, оз. Велье — р. Велья, оз. Ладомир — р. Ладомирка и т.д. [1, с. 88]. К такому же типу парных озерно-речных названий относится и пара озеро Нево — река Нева. Она принадлежит отнюдь не германской, а местной балто-славянской топонимической традиции и потому не может рассматриваться как рудимент прагерманского времени. Следовательно, именно парность этих названий играет большую роль для установления их этимологии.

Вполне уместен и вопрос об их хронологической последовательности. Как бы ни различались между собой геологические реконструкции древней гидрографии региона, все они (даже те, которые считают русло Невы остатком существовавшего на протяжении всего голоценового времени пролива) признают наличие значительного хронологического разрыва между обособлением Ладожской котловины и появлением собственно речного русла. В силу того, что озеро появилось в географической реальности раньше, чем река, вопрос о последовательности возникновения их названий решается однозначно: сначала Новым было названо озеро, а затем такое же название получила возникшая позднее река. Главная проблема заключается в другом — насколько «новыми» являются эти водоемы и, следовательно, на глазах какой этнической общности произошло их рождение? Из всех существующих на данный момент мнений о времени возникновения Невы В.С. Кулешов без какого-либо предварительного анализа выбирает то, которое соответствует времени существования прагерманской общности. Но этот выбор мотивирован лишь априорным убеждением автора в германском происхождении названия Нева.

Понимая уязвимость своей позиции, В.С. Кулешов пытался отыскать в германской древности следы давнего знакомства германцев с регионом Невы и Ладоги. Доказательством такового В.С. Кулешов, вслед за Д.А. Мачинским, считает сообщение готского историка Иордана (VI в.) о реке Vagi, которая, волнуясь, изливается в океан из расположенного к востоку от Скандзы обширнейшего озера «как некое порождение чрева» [6, с. 64]. По мнению этих исследователей, под рекой Ваги следует понимать Неву, а под «обширнейшим озером» к востоку от Скандзы — Ладогу. Фразу о Vagi у Иордана они трактуют как отголосок фольклорного образа, предания о «рождении» Невы, полагая, что этот эпический образ Иордана является, по сути, древнейшим преданием о прорыве Невы [9, с. 33; 10, с. 48; 14, с. 49–51].

В действительности, это сообщение Иордана может иметь более трезвое объяснение. По сообщению Ливонской хроники Генриха Латвий-

ского, на территории северо-востока Эстонии еще в XIII в. существовала область под названием *Wagia* (*Wagya*, *Waiga*, *Wayga*, *Waigel*, *Waigele*) [28, с. 48; 29, с. 94]. На востоке она граничила с истоками реки Нарвы. Эта довольно короткая река (77 км) имела две зоны порогов. В настоящее время Нарвские водопады, где вода низвергалась с высоты 7 м, ликвидированы. Река на порогах на протяжении нескольких километров имела бурное и быстрое течение. Таким образом, реалии древней Нарвы вполне соответствуют описанию Иордана: она вытекает из обширнейшего озера (Псковско-Чудского) и извергается, волнуясь, в «океан», имея бурное течение на двух зонах порогов. Совпадение названия принарвской местности *Wagia* с названием реки *Vagi* заставляет подозревать, что речь шла именно о реке Нарве, а вовсе не о Неве.

Кроме Нарвы, такие же физико-географические характеристики имела и весьма молодая в геологическом отношении река Свирь, вытекавшая бурным и гораздо более широким потоком, чем сейчас, из обширнейшего Онежского водоема. На Свири тоже имелось несколько зон порогов, а тот «океан», в который она впадала, мог быть заливом Балтийского моря. Общепризнанно, что в геологическом прошлом Ладога была заливом моря (а Карельский перешеек — островом). Известно, что античная и средневековая географическая традиции зачастую транслировали сведения не только многовековой, но даже тысячелетней давности.

Кроме Нарвы и Свири, «рекой Ваги» Иордана могла служить и так называемая Хейниокская протока, через которую в древности воды Ладоги сбрасывались в нынешний Выборгский залив Балтийского моря. Эта порожистая река тоже вполне соответствует описанию Иордана. Когда закрылся этот сток вод Ладожского озера (точнее, когда река поменяла свое направление в силу более быстрого поднятия северной части Карельского перешейка) — вопрос в науке до сих пор нерешенный. У разных исследователей присутствуют разные датировки с большим временным разбросом. Поэтому нельзя исключить, что в сообщении Иордана имело место совмещение представлений о Нарве в Вагии (о чем свидетельствует название *Vagi*) и Хейниокской протоке.

Впрочем, все это не более, чем предположения. Как уже не раз отмечали исследователи, река Ваги не может быть интерпретирована однозначно. Разные авторы усматривали в ней не только Неву или Вуоксу, но даже один из балтийских заливов — Финский или Рижский [16, с. 7]. Поэтому сообщение Иордана не может служить доказательством знакомства германцев-готов с Невой, а тем более — рассматриваться как «древнейшее предание о прорыве Невы». Более того, оно не может служить доказательством даже самого существования Невы в V–VI вв. н.э., так как реальная гидрография региона на тот момент неизвестна. При этом спокойная и величавая Нева как раз менее всего отвечает картине, нарисованной Иорданом. Остальные реки региона (Нарва, Свирь, Вуокса) действительно порожистые и бурные, вытекающие «как порождение чрева» из обширнейших озер к востоку от Скандзы. Но независимо от того, к какому именно водотоку восточной части Финского залива относилось сообщение Иордана о реке с названием *Vagi* — Нарве в Вагии, Свири, Вуоксе (Хейниокской протоке) или же Неве, — оно ясно доказывает отсутствие в исторической памяти германцев гидронима «Новая».

Таким образом, гипотеза В.С. Кулешова о германской этимологии названия Нева не имеет под собой доказательной базы. Важность его исследования заключается в обосновании индоевропейской принадлежности этого гидронима со значением «Новая», а также в невозможности признать его первоисточником финские языки, где такая семантика отсутствует. На вопрос же о действительных носителях ИЕ названий Нева и Нево исследование В.С. Кулешова удовлетворительного ответа не дает. Существенным возражением против его концепции служит и отсутствие других названий германского происхождения в невско-ладожском регионе. Прагерманцы не могли оставить на занимаемой ими территории один-единственный гидроним, который неведомыми путями спустя тысячелетия дошел до их отдаленнейших потомков. Искать этнического носителя нужно среди тех ИЕ групп, которые, помимо названий Нева и Нево, оставили и другие следы своего пребывания на территории между Финским заливом и Ладожским озером.

Итак, на сегодняшний день в науке известны два основных подхода в решении вопроса о происхождении названий Нева и Нево. До начала XXI в. безраздельно господствовала концепция финского происхождения этих названий, которая была впервые высказана историком-дилетантом XIX в., финско-шведским пастором Андреасом Гиппингом. В начале нынешнего столетия петербургский историк В.С. Кулешов выступил с обоснованной критикой этой концепции. Он показал, что гидронимы Нева и Нево — не финского, а индоевропейского происхождения, со значением «Новая» и «Новое». Эти названия оставлены одной из индоевропейских групп, издавна населявших восточную оконечность Балтийского моря. Таковой группой Кулешов признал прагерманцев. Однако гипотезу о прагерманской принадлежности гидронима Нева следует отвергнуть, так как она входит в противоречие с обширным корпусом фактов. В таком случае встает вопрос о действительных индоевропейских носителях этого названия.

Следует решительно отказаться и от идеи финского посредничества в передаче этих названий славянам. Понимание славянами значения гидронима Нево — Новое (как это демонстрирует текст Лаврентьевской летописи) — исключает финское посредничество и указывает на то, что заимствование шло в обратном порядке: не от финнов к славянам, а от славян к финнам. Впрочем, вероятен и другой вариант: и германцы, и славяне, и финны заимствовали название Нева от проживавших в Приневье живых носителей индоевропейского языка, с которыми они находились в непосредственном контакте. При этом славянское население было лингвистически родственно аборигенам и понимало значение гидронима Нево, о чем свидетельствует его летописный перевод — *Ново*. В то время как для финнов значение названия Нева оставалось непонятным, и оно использовалось ими в сугубо ландшафтной привязке. Финны не только не зафиксировали в своем языке момент рождения озера и реки («Новое — Новая»), но главное — *не имели для обозначения реки никакого собственного названия*. Финское *Nevajoki* лишь воспроизводит название, данное реке местным индоевропейским этносом. При этом на севере Карельского перешейка у карел имелись свои — действительно финноязычные — «Новое озеро» и «Новая река», которые но-

сили одинаковое название *Uusijarvi*. В русском обиходе эта вытекавшая из озера Узерво и впадавшая в Ладогу карельская «Нева» называлась рекой Узервой/Узьервой (ныне озеро и река Вуокса) [8, с. 153]. Германоязычные народы (немцы и скандинавы) усвоили только перевод названия реки — Новая, но не его языковую форму — Нева. Было ли значение этого гидронима воспринято германцами от славян или непосредственно от дославянских индоевропейских жителей Приневья — вопрос открытый.

Кто мог быть этим загадочным индоевропейским этносом, оставившим названия Нево и Нева? Наличие в невско-ладожском регионе индоевропейской топонимики неславянского происхождения не преложно свидетельствует о существовании здесь в I тыс. н.э. живых представителей этого этноса, от которых славяне восприняли сохранившиеся до сих пор географические названия. Определение этой этнической группы остается актуальной задачей отечественной исторической науки.

Список источников

1. Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. Москва : УРСС, 2004. 256 с.
2. Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. В 2 ч. Ч. 1. Санкт-Петербург : Тип. Имп. Академии наук, 1909. 303 с.
3. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда. Ленинград : Лениздат, 1967. С. 420–422; 3-е изд. Ленинград : Лениздат, 1985. С. 450–451; 5-е изд. Санкт-Петербург : Норинт, 2006. С. 301.
4. Грот Я.К. Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 77. Отд. 2. Санкт-Петербург, 1853. С. 1–17.
5. Джаксон Т.Н. «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посередине» // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2003. С. 37–44.
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / пер. Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. 512 с.
7. Кисловской С.В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Ленинград : Лениздат, 1974. 183 с.
8. Книга Большому Чертежу / подг. к печати К.Н. Сербиной. Москва; Ленинград : Изд. АН СССР, 1950. 229 с.
9. Кулешов В.С. Нева // Ладога. Первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2003. С. 27–36.
10. Кулешов В.С. О трех именах Невы // Новый топонимический журнал. 2005. № 2. С. 43–48.
11. Куник А.А. Дополнения // Каспий: о походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря / Б.А. Дорн. Санкт-Петербург : Тип. Академии наук, 1875. 718 с.
12. Куник А.А. Примечания // Петербург до его основания. Очерк истории р. Невы и местности нынешнего Петербурга до 1703 г. Вып. 1 / Г.А. Немиров. Санкт-Петербург, 1888.
13. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Москва : Языки русской культуры, 1997. 496 с.

14. *Мачинский Д.А., Кулешов В.С.* Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004. С. 26–72.
15. *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарии. Москва: Наука, 1986. 230 с.
16. *Михайлова Е.Р.* Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории пути из варяг в греки // Новгородский исторический сборник: сб. науч. трудов. Вып. 16 (26). Великий Новгород, 2016. С. 4–32.
17. *Нежиховский Р.А.* Река Нева. 2-е изд. Ленинград: Гидрометеиздат, 1957. 191 с.
18. *Нежиховский Р.А.* Река Нева. 3-е изд. Ленинград: Гидрометеиздат, 1973. 191 с.
19. *Нежиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Ленинград: Гидрометеиздат, 1981. 112 с.
20. *Немиров Г.А.* Петербург до его основания. Очерк истории р. Невы и местности нынешнего Петербурга до 1703 г. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1888.
21. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. Москва: Мысль, 1966. 509 с.
22. *Татищев В.Н.* История Российская. В 7 т. Т. 2. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. 352 с.
23. *Попов А.И.* Следы времен минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Ленинград: Наука, 1981. 206 с.
24. *Попов А.И.* Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковед. наук. Вып. 2. Ленинград, 1948. С. 103–113.
25. *Рожнецкий С.* Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // ИОРЯС. Санкт-Петербург, 1911. Т. XVI. Кн. 1. С. 28–76.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4 т. / пер. и доп. О.Н. Трубачёва. Изд. 2-е, стер. Т. III. Москва: Прогресс, 1987. 830 с.
27. *Федотова П.И.* Русские корни Эстонии: где находился «Острогард Руси» Адама Бременского? // Свободная мысль. 2019. № 4. С. 19–32.
28. *Шёгрэн А.Й.* О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о возникновении названия Ингерманландия / пер. А.В. Васильева. Санкт-Петербург: Гйоль, 2017. 88 с.
29. *Ariste P.* Vадja kohanimes // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Сб. статей под ред. Х.А. Моора и Л.Ю. Янитса. Таллин: Ээсти раамат, 1965. С. 91–106.

FEDOTOVA P. Hydronyms Nevo and Neva: Conflict of Interpretations

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the controversial issue of the origin of the names of the Neva River and Lake Nevo (Ladoga). Supporting V.S. Kuleshov's arguments about the Indo-European, not Finnish etymology of the name Neva, the author, at the same time, criticizes the idea of the primacy of the Germanic name of the river and Finnish mediation in the transfer of this hydronym to the Slavs. According to the author's conclusion, the Slavs borrowed the names Nevo and Neva from living native speakers of the Indo-European language who lived in Prinevye, with whom they were in direct contact. The question of these carriers requires further study.

Keywords: River Neva, lake Nevo, hydronymy of the Russian Nord-West, paleohydrography of Neva-Ladoga region.

В.В. Митрофанов

МАГИСТЕРСКИЕ ПРОГРАММЫ В АРХИВЕ С.Ф. ПЛАТОНОВА

Часть 2

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Теории и истории государства и права»

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Новые тексты магистерских программ и вопросов к испытаниям, отложившиеся в архиве С.Ф. Платонова, позволяют существенно дополнить утвердившиеся в историографии сведения о круге его учеников. Работа, как оказывается, была проведена более масштабная, чем представлялось до настоящего времени. Среди авторов программ как ставшие известными учеными — прямые его ученики, входившие в петербургскую историческую школу, так и малоизвестные и неустановленные исследователи.

Ключевые слова: Сергей Фёдорович Платонов, петербургская историческая школа, магистерские программы, вопросы для испытаний, историография, архивные материалы.

Проблема исторических школ, отношений учителей и учеников продолжает оставаться в центре исследовательского поля [1]. Первая часть опубликованных программ, хранящихся в личном фонде С.Ф. Платонова, позволила уточнить отдельные малоизвестные факты о роли будущего академика [2] в судьбе отдельных выпускников Санкт-Петербургского университета [3], готовившихся сдавать магистерские экзамены. Одни из них не пошли дальше предложенных программ, другие стали профессиональными историками [4], третьи нашли свой профессиональный путь в других отраслях научного знания, на жизненный и профессиональный путь четвертых серьезное влияние оказали новые политические условия.

Так, К.В. Кудряшов стал доктором исторических наук, профессором, известным специалистом в области исторической географии, авторитетным исследователем «Слова о полку Игореве» [5, 6]. Не случайно его имя занимает достойное место в энциклопедическом издании [7].

Он в 1911 г. окончил историко-филологический факультет столичного университета. В этом же году вместе с оставленным в университете для приготовления к профессорскому званию П.Г. Любомировым, студентами А.В. Тищенко, П.А. Садиковым и Н.Ф. Лавровым занимался археологическими раскопками под руководством А.А. Спицына в Гдовском, Демянском и Валдайском уездах [8, с. 11]. А с 1 сентября 1912 г. он был оставлен на кафедре русской истории на два года со стипендией 100 р. в месяц из сумм Министерства народного просвещения. Вскоре юный исследователь включился в научную работу, о чем свидетельствует и доклад «К. Валишевский “Дочь Петра”», сделанный в историческом кружке.

В 1915 г. К.В. Кудряшов держал экзамены на степень магистра по ряду русской истории [10, с. 204].

Его имя упоминает в своей переписке и С.Ф. Платонов, например, 23 августа 1915 г. он просил С.В. Рождественского: «Дорогой Сергей Васильевич! Конст[антин] Вас[ильевич] Кудряшов имеет к Вам просьбу: не порекомендуете ли Вы его на Раевские курсы в качестве руководителя практических занятий по русской истории? Со своей стороны, я очень поддерживаю эту просьбу. Сердечно Ваш С. Платонов» [11, с. 215].

Надежда Николаевна (жена С.Ф. Платонова) в своем дневнике дважды записывала о разговорах С.Ф. Платонова с К.В. Кудряшовым — за 7 сентября 1915 г. и 21 ноября 1917 г. [12, с. 198, 295].

Мало того, в фонде С.Ф. Платонова сохранилось 13 писем К.В. Кудряшова, датируются они 1911–1928 г. В первом письме от 11 октября 1911 г. реакция на сообщение С.Ф. Платонова, которым адресат «взволнован» и «полон одной тревогой: сумею ли я оправдать Ваши обо мне заботы». Второе известие было о назначении стипендии, что было «большой и приятной неожиданностью» [9, д. 3298, л. 2]. Письмо было написано из Саратова. Затем в переписке следует большой перерыв и С.Ф. Платонов получает письмо, написанное 27 мая 1920 г., из Иркутска. Там его ученик читал курсы «Исторической географии» и «Древней Руси и Сибири» в Восточно-Сибирском университете. В одном из последних писем К.В. Кудряшов причисляет себя к школе С.Ф. Платонова: «И если в конце концов все преодолевалось, то главным образом, поддерживало воспоминание о Вас, сознание принадлежности к Вашей школе» [9, д. 3298, л. 1, 2, 4 об., 22 об.]. Следовательно, следует согласиться с В.С. Брачевым, который прямо включает К.В. Кудряшова в список учеников С.Ф. Платонова [13, с. 7].

В 1928 г. выходит получивший высокую оценку атлас, подготовленный В.К. Кудряшовым. В предисловии автор написал: «За ценное содействие и сочувствие моей работе выражаю глубокую признательность уважаемому академику С.Ф. Платонову, историко-географические изыскания которого являлись для меня лучшим образцом высокого исследовательского искусства» [14, с. 5].

Составление двух вариантов программы относится к осени 1911 г. Первый документ представляет собой черновой набросок [9, д. 202, л. 16–17 об.]. На это указывает отсутствие названия, небрежно оформленный текст, объемом 3,5 страницы, написан на листах формата А-4, согнутых пополам, содержит 11 вопросов. Они имеют лаконичные формулировки. Не все вопросы имеют продуманный характер. Так, в названиях вопросов № 8 и 10 указаны только фамилии авторов исследований. Наиболее удачно сформулирован 2 вопрос, где указывается на ново-украинскую школу, а среди известных представителей названы Ефименко, Грушевский, Багалея и Довнар-Запольский. Этот вопрос находится сегодня в сфере интересов современных как российских [15, с. 68], так и украинских исследователей. Для последних, в наши дни, характерна попытка найти «новое», например, предложен тезис о «двойной лояльности» [16, с. 15], другие предлагают отказаться и избегают термина «российская историография» [17], что бессмысленно и не научно.

Список пособий без нумерации, имеются большие сокращения, в 5 вопросе перечислены только фамилии авторов, но названия исследований не указаны. Имеются пометы, вероятно, сделаны рукой С.Ф. Платонова в виде «-» слева от названия пособий: в 4-м вопросе их 5, в 7–7. Это обстоятельство также говорит об отсутствии логики при подборке литературы.

В деле хранится второй печатный вариант программы [9, д. 202, л. 18–21]. Это объемный, проработанный документ, имеющий подробно раскрытые вопросы с кратким их изложением. Приведем в виде примера первый пункт: «ПУТИ КИЕВСКОЙ РУСИ X–XIII в.

Географическое положение Киева. Киевская торговля. Блеск древнего Киева.

Греческий путь. Описание Конст[антина] Богрянородного Олешье. Путь через Днепр в Дон и Волгу. Путь одного багдатского купца в Константинополь в 1801 г. Упоминание Нестора и “Оттоманских госуд[арственных] летописей” о путях на Требизонд, Синоп, Босфор и пр.

“Залозный путь”. Древнейшее упоминание 839 г. Сообщение с западом Ольги, Святослава, Владимира св[ятого]. Значение Червенских городов. Предметы обмена. Сношения с Краковом, Прагой, Регенсбургом. Два направления: лесной (северный) и горный. “Русские ворота” из Венгрии в Галич (Яблунка?). Вывоз и ввоз.

“Соляной” путь. Галичская соль. Водный путь из Галича и сухой (соляной). Торговля Львова. Значение Галича.

Путь на северо-восток (на Муром). Упом[инание] 1093 г. Торговля Муромом (меха). Путь через Курск. Дорога “сквозь Вятичи”.

Северный путь на Новгород и Суздаль. Волоки между Днепром и Двиной. Смоленск и Плоцк.

Путь к Новгороду из Двины. Волок между верховьями Волги и Двиной. Вышний Волок.

Литература: Савельев [Е.П.], Ляскоранский [В.Г.], Грушевский [М.С.], Спицын [А.А.]» [9, д. 202, л. 18].

Сформулирован вопрос по истории Смуты, признанным специалистом в раскрытии событий эпохи был С.Ф. Платонов. К. Кудряшов предложил рассмотреть и замечательный памятник периода «московского разорения» — «Иное сказание: как исторический источник. (Повесть 1606 г.).

Признаки самостоятельности повести 1606 г. Датировка. Личность автора, его политическая партия. Содержание. Отношение к В. Шуйскому и Годунову. Литературные достоинства. Осведомленность автора. Народные движения против Годунова в 1587 году.

Углицкое дело. Противоречие в изображении автором избрания Бориса. Меры Годунова против Самозванца. Причина движения 17 мая против Лжедмитрия. Роль Шуйского в этом движении при свете суждений автора.

Общая оценка произведения, его цель».

Это произведение, как известно, было основательно изучено С.Ф. Платоновым в первой главе магистерской диссертации: ему отводилось «одно из видных мест» [18, с. 196] среди других повествований. К. Куд-

ряшов при формулировке вопросов следует за своим именитым предшественником. Вторым произведением о Смуте была «Повесть кн. Катырёва-Ростовского», оно также было предметом пристального анализа С.Ф. Платонова [18, с. 376–394]. Примечательно, что итоговый вопрос был о жизни и профессиональной деятельности историка К.Н. Бестужева-Рюмина — университетского учителя С.Ф. Платонова, оказавшего определяющее влияние на интерес к науке. Благодарный ученик оставил о нем теплые отзывы [19].

Таким образом, этот вариант существенно отличается как по содержанию, так и по наполнению от чернового. Бросается в глаза немногочисленность указанных источников, в большинстве случаев автор ограничивается только перечислением фамилий ученых, труды которых он намерен привлекать для раскрытия темы. Названий же литературных источников нет, что и затрудняет очертить их круг. Важно, что среди источников названы и некоторые архивные материалы, собранные самим автором, правда без указания мест хранения и описания.

Оценки и вклад в науку К.В. Кудряшова были отмечены в некрологе, опубликованном в авторитетном журнале [20, с. 217]. Сегодня его имя уже редко упоминается в исследованиях. Рассмотренные же материалы, относящиеся к началу становления ученого, являются важным приобретением историографии и подтверждением обоснованности включения К.В. Кудряшова в петербургскую научную школу.

Несколько учеников С.Ф. Платонова разрабатывали проблемы истории Сибири. Г.В. Вернадский собирал материалы по истории Зауралья для своей магистерской диссертации. О серьезных намерениях в этом направлении свидетельствует подготовка историком нескольких работ по избранной теме, в частности, 26 февраля 1914 г. он выступил с докладом «Государевы служилые и промышленные люди в Сибири XVII века» [9, д. 2837, л. 34]. А.А. Введенский занимался изучением истории «Дома Строгановых». П.Г. Любомиров после защиты магистерской диссертации попал в Томский университет, где активно включился в организацию изучения краеведения, сибиреведения и архивоведения. Ученый принял непосредственное участие в организации Института исследования Сибири, где возглавил историко-этнологический отдел. Одним из направлений его научно-краеведческой деятельности в этот период являлось участие в курсах сибиреведения. Для них в 1918 г. им была составлена специальная программа. Сказалось влияние С.Ф. Платонова и на формирование взглядов на колонизацию Зауралья у С.В. Бахрушина [22].

С 1902 г. С.Ф. Платонов, по существу, руководил работой магистранта Г.А. Лучинского. После завершения университетского курса Г.А. Лучинский стремится заниматься исследовательской деятельностью и обращается с необходимыми прошениями к С.Ф. Платонову и Н.Я. Сониному (последний в это время занимал должность попечителя Петербургского учебного округа). Н.Я. Сонин, по всей видимости, запросил характеристики у С.Ф. Платонова и Н.В. Ястребова — сотрудников кафедры истории.

В ответе на письмо высокопоставленного чиновника от 3 марта 1900 г. С.Ф. Платонов дает краткую, но содержательную характеристику бывшему выпускнику и отношениям, которые сложились между ними.

Г.А. Лучинский представил С.Ф. Платонову зачетное сочинение из «истории крестьян России». Затем, находясь в Крыму, он в письме на имя профессора ходатайствовал «об оставлении его при университете для приготовления к профессорскому званию». Положение С.Ф. Платонова на кафедре стало настолько прочным, что все подобные вопросы решал он. Как свидетельствует письмо к Н.Я. Сонину, близких и продолжительных связей между профессором С.Ф. Платоновым и выпускником Г.А. Лучинским не сложилось, они носили «официальный и формальный» характер. Однако, проницательный профессор, наблюдая за студентами во время аудиторных занятий, знакомясь с их письменными работами и слушая выступления, «пришел к заключению», что Г.А. Лучинский «обладает способностями выше средних и приобрел некоторую умственную зрелость и значительный запас знаний, что позволяло ему сознательно и разумно относиться к своим обязанностям студента и ко всему окружающему». Эти качества способствовали тому, что из массы студентов он «выделялся прочными ответами на экзаменах». Это обстоятельство позволило С.Ф. Платонову присоединиться к отзыву, составленному Н.В. Ястребовым, где Г.А. Лучинский определяется как «человек преданный своей специальности и добросовестный работник». Главное же — С.Ф. Платонов не считал его своим «учеником»: соискатель не «высказывался» перед ним, «не искал» его советов и поэтому «мало имеет возможности ручаться за направление его дальнейших работ перед факультетом» [9, д. 1904, л. 1–2]. Естественно, подобная ситуация привела к отказу на просьбу об оставлении его на кафедре истории. Но, как свидетельствуют архивные материалы, Г.А. Лучинский начинает готовиться к магистерским экзаменам, а С.Ф. Платонов становится его руководителем. 22 сентября 1902 г. он утверждает тему для зачетной письменной работы «Занятие русскими Сибири в XVI–XVII вв.» и направляет ее М.И. Мелиоранскому [23, д. 27, л. 44]. Вскоре была составлена и программа подготовки магистерских экзаменов [9, д. 202, л. 22–23]. Текст написан на листах формата А-4, включает XIII пунктов, еще один (XIV), как свидетельствует помета, добавлен С.Ф. Платоновым: «XIV. Внеш[няя] полит[ика] Павла I. Шильдер. Богд[анович]».

Примечателен ее пятый пункт, он касается истории Сибири и содержит значительный список литературы: «V. Сибирь.

- 1) Словцов. Историч[еское] обозрение Сибири. Кн. 1 и 2.
- 2) Андриевич. История Сибири 5 тт.
- 3) Шапов. Хронолог[ический] указатель важнейших дат из истории Сибири.
- 4) Небольсин. Покорение Сибири.
- 5) Замысловский. Занятие русск[ими] Сибири.
- 6) Фирсов. Положение инородцев в северо — восточной России в Московск[ом] государстве.
- 7) Шапов. Историко-географическое распределение русского народа (Русское слово. 1864 и [18]65 г.).
- 8) Буцинский. Заселение Сибири и быт ее первых насельников.
- 9) Кулешов. Наказы Сибирским воеводам в XVII в.
- 10) Щукин. Сибирские воеводы. [(Из старинной иркутской хроники)] (Дело. 1866 г.) (60).

11) Бантыш-Каменский. Дипломат[ическое] собрание дел между российским и китайским государствами с 1619 по 1792 г.

12) Шашков. Рабство в Сибири. [Исторический очерк].

13) Серафимович (Шашков) Очерки русских нравов в старинной Сибири. (Отеч[ественные] Записки. 1867 г.)

14) Потанин. Материалы для истории С[ибири].

15) И мн[огое] друг[ое]. Конспект в Энциклопедическом Словаре Брокгауза «Сибирь» (История) Лучинского ХХІХ». Как видно, здесь учтены как серьезные исследования по проблемам истории Зауралья, так и журнальные публикации.

Примечательно, что среди источников названа и большая статья «Сибирь» из словаря Брокгауза, в написании которой принимал участие Г.А. Лучинский. Следует заметить, что он известен и другими словарными работами на различные темы: Разбой морской, Рыцарское восстание, Сатрапы, Сен-Жюст, Людовик-Антуан, Сибирь, Сказания иностранцев, Смутное время¹, Соха, податная единица, Станислав-Август, Тевтонский орден, Теория родового быта в русской истории, Троице-Сергеева Лавра, Тысяцкий в Новгороде, Уваров Алексей Сергеевич, Фискалы, Франк-масонство, Хазары, Христианство в России, Цесаревич, Шешковский Степан Иванович, Шлецер Август-Людовик, Шапов Афанасий Прокопьевич, Щербатов Михаил Михайлович.

23 ноября 1902 г. Г.А. Лучинский уже сдавал магистерские экзамены, в комиссии был и С.Ф. Платонов. Рассматривались вопросы: «1. Московские сословия в Смутное время. 2. Единицы податного обложения до Петра Великого и при Петре Великом. 3. Сношения Великого Новгорода с балтийским Поморьем. 4. Договорные теории профессора Сергеевича», на которые были даны «удовлетворительные» ответы, что было зафиксировано в протоколе, который вел и подписал С.Ф. Платонов [23, д. 27, л. 60]. Вскоре была представлена и письменная работа, которая С.Ф. Платоновым 5 декабря была оценена на «удовлетворительно» [23, д. 27, л. 41], о чем свидетельствует запись с его автографом в левом верхнем углу.

Небольшая по содержанию работа Г.А. Лучинского не охватывает многих проблем колонизации истории Сибири, даже с учетом заявленной литературы. Это по сути компилятивный пересказ известных событий без конкретных ссылок. Но сохранившийся текст работы [24] важен для конкретизации представлений самого С.Ф. Платонова по проблемам ранней колонизации Сибири и дальнейшего оформления его взглядов на этот процесс. Позже в ряде своих исследований он будет специально касаться вопросов сибирского летописания, проникновения иностранцев в Зауралье, оценки роли Строгановых в организации похода Ермака, выскажет принципиально новую точку зрения на значение этого похода, чем внесет значительный вклад в историографию Зауралья.

Кроме С.Ф. Платонова известным исследователем, с кем контактировал Г.А. Лучинский, был В.И. Семевский. Об этом свидетельствует дарственная надпись на каждом из 2-х томов известной книги [25]: «Много-

¹ Подробнее указана литература в «Примечаниях» к книге С.Ф. Платонова: «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». Примеч. Г.А. Лучинского.

уважаемому Георгию Авксентьевичу Лучинскому от искренно преданного автора».

Указанная программа, как и другие архивные материалы, позволяет существенно дополнить сведения о Г.А. Лучинском, авторе многочисленных словарных статей, упоминания о котором редко встречаются в исследованиях последнего времени.

В материалах рассматриваемого архивного дела имеется лист формата А-4, сложенный пополам. На первой странице, в правом углу указаны фамилия Полиевктов и название документа: «Вопросы для магистерского экзамена по Русской истории» [9, д. 202, л. 24–24]. На первой внутренней странице перечислены 10 вопросов, расположенных не в хронологическом порядке. На второй — список авторов трудов к каждому пункту.

Будущий профессор является, пожалуй, самым известным автором рассматриваемых в этой части материалов [26, 27, 28, 29]. Немало сведений о нем содержится в опубликованных письмах А.Е. Преснякова, который называет М.А. Полиевктова своим товарищем [30, с. 189]. О его коммуникативных связях свидетельствует и переписка с С.Б. Веселовским [31, с. 229].

Несмотря на значительный вклад в историографию, по мнению В.В. Тихонова, «до сих пор отсутствует комплексное исследование его (М.А. Полиевктова — В.М.) жизни и научного творчества, его научно-литературное наследие не вписано в историографический контекст» [28, с. 419].

Имя М.А. Полиевктова не раз встречается на страницах «Дневника» Н.Н. Платоновой. Первый раз речь о нем заходит 8 февраля 1895 г., когда он упомянут среди других присутствовавших на «платоновской среде» — известной коммуникативной площадке близких и знакомых С.Ф. Платонова, его магистрантов и студентов [12, с. 133]. Молодой исследователь был участником и кружков, собиравшихся у Г.В. Форстена, А.С. Лаппо-Данилевского.

В 1894 г. М.А. Полиевктов окончил Санкт-Петербургский университет и был оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1895 г. С.Ф. Платонов устроил ему командировку в Италию для работы в Ватиканском архиве, о чем писал А.Е. Пресняков своей матери 15 марта 1895 г. [30, с. 268]. Работа над диссертацией продолжалась более 10 лет, в 1907 г. она была опубликована [32]. В названии четко прослеживается влияние как Г.В. Форстена — крупного специалиста по истории балтийского вопроса, исследование хронологически продолжает его диссертацию [33, 34], так и С.Ф. Платонова, в центре исследовательского поля которого петровская эпоха занимала достойное место. Обобщающая работа на эту тему вышла в 1927 г. [35]. В отчете университета за 1908 г. отмечено, что в этом году М.А. Полиевктов выдержал экзамены на степень магистра и была рассмотрена его диссертация [36, с. 72]. А диспут состоялся 17 февраля 1908 г. При этом еще до защиты он начинает в 1904 г. работать в университете. Деканом историко-филологического факультета в это время был С.Ф. Платонов.

К довольно обширной историографии о М.А. Полиевктове добавляется небольшой, но важный штрих, который позволяет проследить подготовку будущего крупного исследователя к экзамену.

Имя Ивана Владимировича Пузино (1881?–1961?) мало знакомо сегодняшним исследователям. Да и вообще сведения о нем краткие и неполные, порой противоречивые. Об этом говорят такие факты, как неопределенность дат его рождения и смерти, отсутствие названий диссертаций. Это объяснимо — большую часть жизни он прожил за границей. С 1920 г. он перебирается в Финляндию, затем в Германию, а Франция стала местом его упокоения.

В 1910 г. он окончил Санкт-Петербургский университет и был оставлен на 2 года на кафедре всеобщей истории, с 1 сентября 1910 по 1 сентября 1912 г., со стипендией по 1200 р. в год с 1 января 1911 г. по 1 января 1913 г. из специальных средств Университета [8, с. 24].

Затем этот срок несколько раз продлевался. Это произошло в 1912 г., на 1 год, до 1 сентября 1913 г. В это же время И.В. Пузино приступил к испытаниям на степень магистра [37, с. 34, 74], а в следующем году они были завершены. В 1915 г., на 2 года, до 1 января 1917 г., стипендия на 1915 г. назначалась из сумм МНП. Был командирован за границу на 2 года по 1 января 1916 г. с содержанием 2000 р. в год из сумм Министерства [10, с. 41].

Еще будучи студентом И.В. Пузино включился в работу исторического кружка при университете, входил даже в его комитет. Так, в 1909 г. он выступал с сообщением «Филипп де Комминъ и его мемуары»², в 1911 г. — с докладом «Переписка Эразма Роттердамского, как источник для его *Seelengeschichte*» [37, с. 133], в следующем году — «Влияние пребывания в Италии на Эразма Роттердамского». Явно намечается тематика исследования, которая нашла логическое завершение в пробной лекции, прочитанной 11 мая 1913 г. [39]³. На эту работу иногда ссылаются и современные исследователи [41]. О других работах известно немного, так, до отъезда из России были опубликованы небольшие работы [42, 43, 54] в Берлине, позже в Париже вышли новые книги [45, 46].

В 1916 г. его имя значится в списке дарителей в библиотеку университета [47, с. 185]. С этого же года значится как приват-доцент университета, занимал должность до 1919 г.

Программа же [9, д. 202, л. 26–26 об] была составлена перед испытаниями, вероятно, в 1912 г. (в рукописи даты нет, как и ее названия). Текст написан на листе формата А-4, с двух сторон, черными чернилами, оригинальным почерком. Количество вопросов всего четыре, что отличает документ от других подобных программ, к каждому из которых предложен перечень источников, в том числе на иностранных языках. Среди авторов классики (Н.И. Костомаров, С.М. Соловьёв) исследования молодых представителей петербургской исторической школы С.М. Середонина, С.Ф. Платонова, Н.Д. Чечулина (заметим, что последние были близкими друзьями).

Основные научные достижения И.В. Пузино были связаны уже не с Россией, в 1937 г. он защищает магистерскую диссертацию, а в 1950-е гг. (год можно назвать только предположительно: 1952 или 1955) докторскую, посвященную истории итальянского Возрождения. К сожалению,

² Позже этот сюжет будет изложен в статье [38].

³ Лекция была переработана в статью [40].

на эти исследования ссылок не встречается даже в крупных исследованиях, как российских, так и зарубежных. Следовательно, научное наследие выходца из России И.В. Пузино остается в забвении, не встречаются и оценки его исследований. Исключением, пожалуй, являются диссертационные исследования. Так, Т.И. Хорхордина, касаясь архивного строительства в первые советские годы, трижды упоминает имя И.В. Пузино, который состоял в Союзе российских архивных деятелей [48, с. 7, 18, 43]. Н.Е. Ашурова на страницах автореферата однажды упоминает И.В. Пузино [49, с. 18].

Полагаем, что новый, пусть и небольшой документ, вышедший из-под пера И.В. Пузино, привлечет внимание к творчеству исследователя эпохи Возрождения, выходца из России, начинавшего путь в науку в рамках петербургской исторической школы.

Следующий архивный материал принадлежит Михаилу Алексеевичу Ратманову [9, д. 202, л. 27–28 об.]. Сведения об авторе краткие. Известно, что он был преподавателем Морского корпуса, Первого и Николаевского кадетских корпусов. В 1908 г. он опубликовал методическую работу по истории [50].

Имея практический опыт преподавания в известных учебных заведениях империи, М.А. Ратманов предпринял попытку укрепить свое положение и связать его с наукой. Какие итоги были достигнуты — требует дальнейших изыскательных работ в архивах С-Петербурга.

Печатный вариант программы состоит из 5 блоков разного объема. Первый и второй делятся на 3 отдела, третий на четыре, пятый состоит из одного. После каждого отдела перечислен список предполагаемой литературы, иногда в перечне указания носят неопределенный характер, например, «различные статьи в специальных журналах» или «различные статьи, разбросанные по различным периодическим журналам» и другие подобные варианты. Последнее обстоятельство указывает на незавершенность работы автора программы с источниками, часть которых нужно было еще выявить. Такое оформление программ встречается впервые. Особенностью источников является включение в список произведений византийских (Симеон Логофет, Константин Багрянородный, Зонара) и арабских (Табари, Ибн Саид ал-Магриби, Ибн-ель-Варди) писателей. Интересны содержанием отделы об отношениях светской власти к духовной в эпоху Киевской и Московской Руси. Ряд отделов персонифицированы и посвящены Ивану III, Лжедмитрию I, Екатерине I, Николаю I, митрополиту Е. Болховитинову.

Как свидетельствует помета С.Ф. Платонова синим карандашом, следующая программа экзамена принадлежит Н.О. Шпановскому [9, д. 202, л. 29–30 об.]. Эта фамилия написана дважды на четвертинке листа, согнутого пополам. На одной стороне первый инициал «В» исправлен на «Н». Имеется и другая карандашная помета: «Испытал 24. Алекс. Ив. Георгиевский⁴. 4 ч дня.»

Текст и содержание программы мало отличаются от других, исключением является значительное количество источников, зачеркнутых синим

⁴ Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) — русский публицист, статистик, чиновник; один из главных деятелей по введению классической системы образования.

карандашом, — правки С.Ф. Платонова. Заключительный (XII) вопрос отведен источниковедению.

Последние несколько материалов, хранящихся в деле, персонифицировать пока не удалось, так как фамилии авторов не указаны. Один из рукописных текстов представляет собой список из 40 вопросов для экзамена [9, д. 202, л. 31–32]. Следующий [9, д. 202, л. 33–33 об.] — программа из 4-х пунктов — интересен оригинальностью формулировки четвертого: «Что нового внесли в разработку Киевского периода русской истории археологические находки и политические тенденции у новых историков, Грушевского и Багалея, по сравнению со старыми: Соловьёвым и Бестужевым-Рюминым». Третий [9, д. 202, л. 34–34 об.] включает всего 3 вопроса со списком литературы. При этом первый предлагается рассмотреть на примере всего одного источника. Последний третий пункт соединяет два разных как по хронологии, так и по содержанию вопроса. Короткий список из 10 вопросов, три из которых зачеркнуты, является последним документом папки [9, д. 202, л. 35–35 об.]. На обороте этого листка имеются пометы, сделанные рукой С.Ф. Платонова.

Таким образом, материалы (в большей части рукописные, меньше печатных) позволяют назвать имена молодых исследователей, которые представили С.Ф. Платонову магистерские программы или перечень вопросов для испытаний. Подобные источники важны для изучения научной школы ученого. Оказывается, количество его учеников не ограничивается только утвердившимися в историографии фамилиями. Работа была намного большая, чем представлялось до сих пор. Собранные будущим академиком материалы, составленные выпускниками университета и других учебных заведений, раскрывают потребности молодых исследователей, стремление заняться или попробовать себя в новом деле. К сожалению, не все материалы атрибутированы. Пометы, сделанные С.Ф. Платоновым, указывают на заинтересованность и щепетильность, с которыми он относился к подготовке к испытаниям. А список источников позволяет указать на знакомство авторов с достижениями историографии, в том числе и зарубежной.

Список источников

1. *Алеврас Н.Н., Гришина Н.В.* Уроки учителя: идеи А.С. Лаппо-Данилевского в творческих судьбах учеников // *Клио*. 2013. № 12(84). С. 46–49.
2. *Ходяков М.В.* «Университет — для науки». С.Ф. Платонов // *Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета* / отв. ред. Н.Я. Олесич. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2005. Т. III. С. 136–152.
3. *Митрофанов В.В.* Магистерские программы в архиве С.Ф. Платонова. Ч. 1 // *Наука и библиотека: сборник научных трудов* / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург : БАН, 2021. Вып. 3. 2022. С. 110–134.
4. *Гришина Н.В., Белик К.М.* «Я же знаю, что ваш труд уже готов...», или диссертационные поиски учеников С.Ф. Платонова в переписке с учителем // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 162–169. DOI: 10.24411/2542-0275-2017-00002
5. *Кудряшов К.В.* Историко-географические сведения о половецкой земле по летописным известиям о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. // *Известия. Гос. Географического общества. Ленинград ; Москва, 1937. Т. 69, вып. 1. С. 52–66.*

6. Кудряшов К.В. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении // Слово о полку Игореве: сборник статей. Москва: Гослитмузей, 1947. С. 43–94.
7. Бобров А.Г. Кудряшов Константин Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 1995. Т. 3. К–О. С. 110–112.
8. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год: С прил. актов речи проф. Кауфмана / под ред. проф. Н.А. Булгакова. Санкт-Петербург: г. Шахт, 1912. 477 с.
9. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 202; Ч. 2. Д. 1904. Л. 1–2; Д. 2837. Л. 34; Д. 3298. Л. 22.
10. Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за 1915 год. Составил ординарный профессор Д.С. Рождественский. Петроград: Типография Б.М. Вольфа, 1916. 240 с.
11. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2 т. / ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт. Москва: Наука, 2003. Т. 1. 320 с.
12. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / А.Н. Цамутали (рук. проекта). Рязань, 2020. 881 с.
13. Брачев В.С. Феномен С.Ф. Платонова и наша историческая наука // Платонов С.Ф. Смутное время. Санкт-Петербург: Изд-во Лань. 2001. 480 с.
14. Кудряшов К.В. Русский исторический атлас / предсл. М.Н. Покровского. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1928. 48 с.
15. Михальченко С.И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 53–69.
16. Богдашина О. До питання про національну ідентифікацію істориків України другої половини ХІХ — початку ХХ ст. // Історіографічні дослідження в Україні. 2011. Вип. 21. С. 6–21.
17. Босенко Н. Ідейно-політичний фактор і наукові передумови зародження «київської документалістської школи» в східнослов'янській історіографії // Наукові записки [Київського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка]. Сер. Історичні науки. 2012. Вип. 16. С. 193–199.
18. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник // Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Наука. 2010. Т. 1. С. 196–268.
19. Платонов С.Ф. Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1897) // Платонов С.Ф. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Наука. 2010. Т. 3. С. 126–138.
20. Константин Васильевич Кудряшов (некролог) // Вопросы истории. 1963. № 3. С. 217.
21. Бобров А.Г. Кудряшов Константин Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 1995. Т. 3. К–О. С. 110–112.
22. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и формирование взглядов С.Ф. Бахрушина на проблемы колонизации Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 80–81.
23. ЦГА СПб. Ф. 14. Д. 27. Л. 60.
24. Лучинский Г.А. Занятие русскими Сибири в XVI–XVII вв. / публ. В.В. Митрофанова // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 4 / под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. С. 138–141.
25. Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1881. Т. 1. 504 с.; 1902. Т. 2. 865 с.
26. Пайчидзе Г.Г. К столетию со дня рождения М.А. Полиевктова // Вопросы истории внешней политики грузинских феодальных государств. Вып. 2. Тбилиси, 1973. С. 216–228.
27. Жужунашвили Г. Теплота и любовь, привезенные из Петрограда в Тбилиси: (Памяти профессора М.А. Полиевктова) // Грузино-российские научно-культурные связи в истории Санкт-Петербурга: сборник материалов и документов, биографический справочник / ред.-сост. Парцвания-Чараия Вахушти Важаевич. Санкт-Петербург: Logos, 2003. С. 385–391.

28. Тихонов В.В. «Не считайте меня изменником русской исторической науки...»: М.А. Полиевктов — историк русско-грузинских взаимоотношений // Россия — Грузия: альтернатива конфронтации — созидание... (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.) / сост. Н.Ф. Бугай. Москва, 2011. С. 419–435.
29. Сулаберидзе Ю.С. М.А. Полиевктов — у истоков русского научного кавказоведения // Петербургский исторический журнал. 2020. С. 237–249.
30. Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. 968 с.
31. Письма М.А. Полиевктова С.Б. Веселовскому // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. Москва: Археографический центр: Древлехранилище, 1998. 527 с.
32. Полиевктов М.А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725). Москва, 1907. 380 с.
33. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648): Борьба из-за Ливонии. Санкт-Петербург, 1893. 733 с.
34. Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648): Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). Санкт-Петербург, 1894. 640 с.
35. Платонов С.Ф. Петр Великий: личность и деятельность. Париж: Т-во Н.П. Карбасников, 1927. 132 с.
36. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С-Петербургского университета за 1908 год/под редакцией ординарного профессора Н.А. Медникова. С приложением речи ординарного профессора И.А. Покровского. Санкт-Петербург: г. Шахт, 1909. 410 с.
37. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 год: С прил. актов речи проф. Кауфмана / под ред. проф. Н.А. Булгакова. Санкт-Петербург, 1912. 473 с.
38. Пузино И.В. Рассуждения Филиппа де Комин (1490 г.) в защиту национальной монархии // ЖМНП. 1913. № 1. Отд. 2. С. 78–99.
39. Пузино И.В. Значение диалога Эразма Роттердамского «Ciceronianus» для понимания его духовного развития: (Пробная лекция, чит. на заседании Ист.-фил. фак. С.-Петерб. ун-та 11 мая 1913 г.). Санкт-Петербург, 1913. 14 с.
40. Пузино И.В. Значение диалога Эразма Роттердамского «Ciceronianus» // ЖМНП. 1913. № 11. С. 92–103.
41. Троицкий Д.А. «Вольтер XVI века» или «воин Христов»? Эразм Роттердамский: штрихи к портрету // Ученые записки Института УНИК. Москва: Согласие, 2012. Вып. 3. С. 181–214.
42. Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях М. Фичино // Исторические известия. 1917. № 2. С. 91–111.
43. Пузино И.В. Чего ждут немцы от России. Петроград, 1917. 13 с.
44. Пузино И.В. О принятых на Западе способах сохранения архивных документов. Петроград: Глав. упр. Архивным делом, 1919. 11 с.
45. Пузино И. Религиозныя исканія въ эпоху возрожденія. Berlin: Гамаюн, 1923. 170 с.
46. Puzino I.V. La Chine, l'Italie et les débuts de la renaissance: (XIIIe — XIVe siècles). Paris, 1935. 102 p., 16 pl.
47. Отчет о состоянии и деятельности Императорского С-Петербургского университета за весеннее полугодие 1916 года / составил ординарный профессор В.В. Бартольд. Петроград, 1916. 235 с.
48. Хорхордина Т.И. История архивоведческой мысли России: генезис, становление и развитие: Середина XIX — начало XX вв.: автореферат дис. ... д.и.н. Москва, 2004. 56 с.
49. Ашурова Н.Е. Культурно-историческая концепция П.М. Бицилли: автореферат дис. ... к.и.н. Томск, 2004. 25 с.
50. Ратманов М.А. Руководство по истории России для старших классов средних учебных заведений. Санкт-Петербург, 1908. 136 с.

MITROFANOV V. Master Programs in the Archive S.F. Platonov. Part 2

Mitrofanov Viktor — Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory and History of State and Law

University under the interparliamentary assembly of EurAsEC, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

New texts of master's programs and questions for tests, deposited in the archive of S.F. Platonov, allow us to significantly supplement the information that has been established in historiography about the circle of his students. The work, as it turns out, was carried out on a larger scale than previously thought. Among the authors of the programs are both well-known scientists — his direct students, who were part of the St. Petersburg historical school, as well as little-known and unidentified names.

Key words: Sergey Fedorovich Platonov, Saint-Petersburg historical school, master's programs, test questions, historiography, archival materials.

УДК 002.2:391(44) +688.721(44):769.5
ББК Ш126.63(4Фр)+Ш158.9

А.Э. Жабрева

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ФРАНЦИИ В КНИЖНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ И СУВЕНИРНЫХ КУКЛАХ

(по следам выставки Музея истории БАН)

Жабрева Анна Эрнестовна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник справочно-библиографического отдела, член Санкт-Петербургского Союза художников

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: annazhabreva@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Читателю предлагается обзор экспонатов выставки «Исторический и традиционный костюм Франции: книжные иллюстрации, почтовые открытки и куклы из фондов БАН, отдела БАН при МАЭ, коллекции А.Э. Жабревой», проходившей в стенах БАН в мае–августе 2022 г. Раскрывается концепция выставки, принципы отбора и расположения материала, даются подробные описания основных печатных и изобразительных изданий.

Ключевые слова: история французского костюма, традиционный французский костюм, изобразительные источники, издания по истории костюма, сувенирные куклы, филокартия.

В мае–августе 2022 г. в Библиотеке РАН действовала временная выставка «Исторический и традиционный костюм Франции: книжные иллюстрации, почтовые открытки и куклы из фондов БАН, отдела БАН при МАЭ, коллекции А.Э. Жабревой». Начало работы экспозиции было приурочено к XXV Международной научной конференции «Мода и дизайн: исторический опыт — новые перспективы». В ее рамках уже несколько лет работает секция «Куклы и манекены: история и современность», куратором которой является автор данной статьи. Участники конференции имели возможность ознакомиться с выставкой и прослушать библиографический обзор книг, по тем или иным причинам не вошедших в экспозицию. На обзоре были показаны такие редкие издания XVIII в. из фондов БАН, как написанная юристом, писателем и журналистом Г.Ф.К. Молэ (1742–1790) «История французских мод, или революция костюма во Франции» [1] (ил. 1), снабженная сатирическими иллюстрациями книга о нравах французов перед Великой революцией [2], четырехтомная, вобравшая в себя весь иллюстративный материал, накопленный за XVI–XVIII вв., «Коллекция одежд» [3], первая научная история французского костюма Ж.Э.Ж. Кишра (1814–1882) [4], а также несколько модных журналов середины XIX в. с раскрашенными парижскими гравюрами.

Концепция выставки сложилась на основе библиографических и исследовательских работ автора, в частности, по изучению средневековой книжной иллюстрации как изобразительного источника по истории костюма. Сыграло свою роль коллекционирование сувенирных кукол в тра-

диционных одеждах и почтовых открыток с их изображениями. Они были привлечены с целью дополнения визуального и предметного ряда и усиления зрелищности экспозиции. Выставка подготовлена автором совместно с заведующей сектором музейно-выставочной и архивной работы (МВАР) М.Ю. Лугавцовой¹. В процессе подбора экспонатов организаторы поставили перед собой задачу провести параллели между печатными и предметными экспонатами, взаимно дополнить их. Остановимся подробнее на каждой из трех групп экспонатов: книгах, открытках и куклах.

Будучи памятниками книжного искусства, книги и открытки являются также носителями изобразительной информации. Среди них особое место занимают материалы из рукописных книг XIII–XVI вв., которые выступают крайне важным изобразительным источником для изучения костюма своего времени ввиду почти полного отсутствия подлинных предметов. В витринах средневековая миниатюра демонстрировалась через публикации XX в.: иллюстрированный каталог рукописных книг XIII в. [5] — пример соединения научно-исследовательской работы и качественной полиграфии, открытки из наборов «Большие Французские хроники» [6] и «Французская миниатюра XIII–XVI веков» [7], раскрывающие фонды Российской национальной библиотеки. На открытках воспроизведены миниатюры с портретами Анны Бретонской, которая оказалась представленной также в виде изображения, созданного французским художником-гравером Ж.Ж. Гатином в серии «Мода в образах XII–XVIII вв.»² и переизданного в форме открытки (2021 г.), и в образе куклы, выпущенной ограниченной серией фирмой «Le Minor» в 1962 г. Соседство этих экспонатов показало, что Ален Гилляр — художник, по клише которого исполнялась кукла [9, с. 47] — ориентировался именно на раскрашенную гравюру Ж.Ж. Гатина, а не на более современные и достоверные портреты Анны Бретонской (ил. 2).

Важным источником для изучения костюма XVII–XIX вв. служат произведения живописи и графики — портреты, исторические полотна и

¹ Выражаю глубокую благодарность М.Ю. Лугавцовой за вдумчивое воплощение задуманной темы в красивую экспозицию, творческий подход к расположению разноформатных экспонатов в сложных витринах.

² Жорж Жак Гатин (фр. Georges Jacques Gatine, 1773–1824) — гравёр, создатель раскрашенных листов, изображавших костюмы разных времен. Ему принадлежат серии гравюр «Incroyables et Merveilleuses» (33 листа), «Costumes des Ouvrières de Paris» (47 листов) и «La Mode par l'Image du XIIe au XVIIIe Siècle» (70 листов). Последняя содержит изображения известных в истории Франции женщин, которые представлены в рост в нарядах своих эпох. В 1827 г. эти гравюры были опубликованы в виде альбома. В 2021 г. были изданы РНБ в виде набора открыток и плакатов (часть из них были представлены на рассматриваемой выставке). Ж.Ж. Гатин был также дизайнером-модельером одежды, его работы печатались в модных журналах тех лет (например, «Journal des dames et des modes») [8].

HISTOIRE
DES
MODES FRANÇAISES,
OU
RÉVOLUTIONS
DU COSTUME EN FRANCE,
DEPUIS l'établissement de la Monarchie jusqu'à nos jours.
CONTENANT tout ce qui concerne la tête des Français, avec des recherches sur l'usage des Chevelures artificielles chez les Anciens.

A AMSTERDAM;
Et se trouve
A P A R I S,
Chez COSTARD, Libraire, rue Saint-Jean-de-Beauvais.
M. DCC. LXXIII.

Ил. 1. Титульный лист книги г. Ф.Р. Моле «Histoire des modes françaises...» [1]

Ил. 2. Поэт Жан Маро вручает Анне Бретонской свою книгу. По миниатюре из рукописи “Voyage de Gènes” («Генуэзский поход», ок. 1508 г.). Гравюра из книги “Histoire populaire de la France” [20, Т. 2, с. 135]

Ил. 3. Женские прически и головные уборы XIV–XVI вв.
Гравюра из книги "Histoire populaire de la France" [20, Т. 1, с. 133]

жанровые сценки. Они не просто дают представление о костюмах того или иного времени, социальной группы, но и показывают особенности этикета и поведенческих моделей: характерные позы, жесты и мимику в самых разных ситуациях. Репродукции, помещаемые в музейных и выставочных альбомах-каталогах, служат первоочередным изобразительным материалом для современных художников, историков, реконструкторов. На экспозиции этот вид источников представляли издания Государственного Эрмитажа [10] и ГМИИ им. А.С. Пушкина [11].

Репродукции произведений живописи и книжной миниатюры можно найти также в научных исследованиях по истории искусства и альбомах, посвященных искусству отдельных эпох. Среди этого рода изданий демонстрировались «Ранняя французская живопись» [12], «Живопись интернациональной готики» [13], «Французская графика рококо» [14], «Французский портрет XVIII в.» [15] и ряд других иллюстрированных изданий.

Не обошлось и без нескольких трудов по всеобщей истории костюма (которые, конечно, не исчерпывают числа имеющихся по этой теме книг в БАН) [16, 17, 18]. На страницах этих изданий изобразительные источники воспроизведены в виде цветных литографий, черно-белых гравюр, контурных рисунков, фотографий. На выставке демонстрировался первый перевод на русский язык сочинения немецкого художника и исследователя Ф. Готтенрота (1840–1917), издававшийся выпусками [19]. Экспонировалась и популярная история Франции [20] из фондов отдела БАН при МАЭ, буквально наполненная графическими рисунками: прорисовками старинных памятников и живописных работ художников XIX в., портретов исторических персонажей, жанровых сценок, коллажей из одежд, головных уборов (ил. 3), обуви, рыцарских доспехов и оружия, военных костюмов Средневековья и Нового времени.

Имеются в БАН и труды, посвященные непосредственно истории французского костюма: книги конца XVIII–XX в., освещающие как всю историю, так и ее отдельные периоды или аспекты (ил. 4). В витринах были представлены: историческое сочинение А. Ренана [21], история женских причесок во Франции [22], терминологический словарь названий причесок [23], а также работа российского исследователя наших дней Н.В. Зайцевой о времени Людовика XIV [24].

Публикаций, посвященных традиционному (народному) костюму Франции, не так много. Среди них материал из академической серии «Народы мира: этнографические очерки» [25] и альбом цветных гравюр «с натуры», представляющих мужские и женские костюмы Ниццы [26]. Изданные в середине XIX в., эти рисунки запечатлели народные и городские одежды своего времени. Другие издания находятся, согласно профилю комплектования БАН, в ее отделе при МАЭ. В их числе интересная серия изданий “Pays et gens de France” («Местности и люди Франции»), содержащих описание истории, культурной и материальной жизни отдельных провинций Франции. Для экспозиционного пространства была выбрана книга, посвященная Нормандии [27]; рядом с фотографиями пожилой нормандки в традиционном чепце и знаменитых кружевных изделий была выставлена кукла в соответствующем костюме.

На выставке было представлено еще одно издание из фондов отдела БАН при МАЭ — “La France et ses colonies” [28]. Книга, посвященная этнографии и регионоведению Франции и ее колоний, включает более 200 черно-белых гравюр, среди которых изображения национальных типажей (ил. 5, 6). Несколько иллюстраций из этой книги идеально совпали с имеющимися куклами, став, тем самым, документальным подтверждением высокой степени достоверности надетых на них костюмов³. Одна из интереснейших книг по материальной культуре и костюмам Бретани из фонда отдела БАН при МАЭ была представлена

Ил. 4. Костюмы времен Марии Медичи. Гравюра из книги “Histoire du costume en France...” [4, с. 462]

в виде ксерокопии листа с орнаментом вышивки из Понт-Л’Аббе, традиционным для украшения мужских одежд [29, табл. 101]. В витрине этот узор был расположен рядом с куклой в мужском костюме, жилет которого украшен тесьмой схожего орнамента и цветовой гаммы.

Переиздание интересных книг и гравюр, репродуцирование произведений живописи и графики в виде открыток, календарей и подобной листовой продукции большего или меньшего формата давно вошло в полиграфическую практику. Результатом этой деятельности становятся доступные качественные репродукции — носители ценной информации, наглядный материал для учебного процесса, украшение интерьера и предмет коллекционирования. На рассматриваемой выставке экспонировались упомянутые выше наборы открыток из Российской национальной библиотеки, часть листов из Календаря с воспроизведениями образцов моды 1790-х гг. [30], большая репродукция картины Ж.Л. Давида «Коронование императора Наполеона I и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери 2 декабря 1804 года. (Версаль. 1808 г.)».

Книжные памятники, образительные источники по историческому и традиционному костюму чередуются с куклами, почтовыми открытками с их изображениями и литературой о куклах. Это неслучайно. На протяжении веков французская кукла была не только игрушкой, но и вестником новых парижских мод. Пандоры XVII–XVIII вв. начинали свое путешествие по европейским странам в Париже, который со времен Людовика XIV был столицей моды и роскоши. Изготавливавшиеся во Франции куклы и в дальнейшем отличались красивыми нарядами, что подтверждают их фотографии в альбомах и каталогах разных музеев. В одной из витрин был положен каталог Музея кукол в Париже [31],

³ Например, куклы и гравюры: «Женщина из провинции Бресс» [28, с. 439], «Бретонцы из г. Понт-Авен и Дуарнене» [28, с. 461].

Ил. 5. Молодая девушка и пожилая женщина из окрестностей Пюи-ан-Веле.
Гравюра из книги "La France et ses colonies" [28, с. 57]

Ил. 6. Бретонцы из г. Понт-Авен и Дуарнене. Рис. с натуры Майара. Гравюра из книги "La France et ses colonies" [28, с. 461]

раскрытый на фотографиях кукол в костюмах 1870-х гг. Две страницы из этого каталога с изображениями кукол начала XX в. в региональных костюмах Франции демонстрировались в виде цветной ксерокопии. В книге коллекционера А. Либубэн рассмотрена история производства кукол-сувениров бретонской мастерской г-жи Ле Минор [32], приведены фотографии и описания моделей, способы их разработки и разыскания информации. Фотография с изображением миниатюрных головок в разнообразных головных уборах Бретани — результат многолетних полевых исследований сотрудников фирмы “Le Minor” и разработки их в кукольной миниатюре — была представлена в виде цветной ксерокопии.

На выставке демонстрировались подлинные сувенирные куклы, сделанные французскими фирмами “Petitcollins”, “Le Minor”, “Poupée Yolande”, “MAGALI”, “Mabel”, “Bella” и др. в 1930-е — 2000-е гг. Они представляют наряды разных провинций и отдельных местностей Франции. Небольшие по размерам, они, тем не менее, передают особенности одежды и головных уборов. Представление о куклах и традиционных костюмах Франции расширяют почтовые открытки 1940–1990-х гг., на которых воспроизведены куклы в костюмах Бретани, Шампани, Тулузы, Пиринеев, Ниццы, Лиона, Дофинэ, Лазурного берега, Парижа, Лимузена, Бреса, Страсбурга, Савойи, Бургундии. На них можно обнаружить название региона, изготовителя, серии, в которую входит данная кукла, музея, где хранится оригинал. Четыре открытки из серии “La Provence d’autrefois” («Прованс прошлых лет») представляют бытовые сценки из жизни XIX в. Эта часть экспонатов стала предметом рассмотрения в докладе А.Э. Жабревой на прошедшей конференции [33].

Особенности оборудования и разнообразие экспонатов продиктовало оригинальную композицию экспозиционного пространства: условное начало оказалось в центре, где в двух горизонтальных и одной настенной витрине сконцентрировались материалы, посвященные Средним векам и началу Нового времени. Кукла и изображения Анны Бретонской, издание «Романа о Розе» [34], каталог французской книжной миниатюры XIII в. [5], «История Франции» [20], эффектно раскрытая на таблицах с мужскими и женскими головными уборами XIV–XV вв., — отправные точки рассказа о французском костюме. Соседние горизонтальные витрины, в которых были размещены музейные каталоги и научные исследования [10, 11, 24], знакомили зрителей с изобразительными источниками XVII–XVIII вв. Следующая витрина отсылала к модам XIX в., о чем говорили модные картинки и куклы в нарядах последней четверти этого столетия [17, 31]. В навесной витрине демонстрировались издания по истории костюма Франции [18, 21, 23] и две куклы, чьи наряды можно отнести к XVIII–XIX вв. Центральное место на стене занимала большая репродукция картины Ж.Л. Давида. Рядом размещались четыре открытки из серии «Прованс прошлых лет», открытки с изображениями кукол в традиционных костюмах регионов Франции и с воспроизведениями модных картинок 1791–1792 гг.

В двух высоких витринах с противоположной стороны доминировали материалы, связанные с традиционным костюмом регионов Франции: книги, открытки, репродукции, куклы, ксерокопии. Наиболее подробно удалось представить материал по Бретани, Нормандии и южным

провинциям, где печатный материал тесно переплетался с предметным. Здесь также экспонировались названные выше издания по истории, искусству, костюму, содержащие те или иные сведения по теме выставки.

Цветные фотографии с экспозиции доступны для просмотра на странице БАН ВКонтакте (https://vk.com/rasl_media?w=wall-157196528_3584) и в сообществе «История костюма в куклах» ВКонтакте (<https://vk.com/annazdolls>).

Список источников

1. *Molé G.F.R.* Histoire des modes françaises, ou, Révolutions du costume en France: depuis l'établissement de la monarchie jusqu'à nos jours: contenant tout ce qui concerne la tête des français, avec des recherches sur l'usage des chevelures artificielles chez les anciens. Amsterdam : Paris : Chez Costard, 1773. 360 p.

2. Costumes des moeurs et de l'esprit françois avant la Grande Revolution a la fin du dix-huitieme siècle en XCVI planches grave en Carricature par un habile maître. Lyon, 1791. 62 p., [96 leaves of plate].

3. A Collection of the dresses of different nations, ancient and modern. Particularly old english dresses. After the designs of the authorities, from which the figures are taken; and some short historical remarks on the subject to which are added the habits of the principal characters on the English stage = Recueil des habillements de differentes nations, anciens et modernes. London : Th. Jefferys, 1757–1772. Vol. 1–4.

4. *Quicherat J.* Histoire du costume en France depuis temps les plus reculés jusqu'à la fin du XVIIIe siècle: ouvrage contenant 481 gravures dessinées sur bois d'après les document authentiques par Cheignard, Pauquet et P. Sellier. Paris : Librairie Hachette et Co, 1875. 680 p.

5. *Мокрецова И.П., Романова В.Л.* Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях = Les Manuscrits enluminés français du XIIIe siècle dans les collections soviétiques. Москва : Искусство, 1983. Т. 1–2.

6. Les grandes Chroniques de France: 15th century illuminated manuscript = Миниатюры «Больших французских хроник»: иллюминированная рукопись 15 в. / авт.-сост. Т. Воронова. Ленинград : Аврора, 1984. 1 л. обл., 16 откр.

7. French miniatures 13th–16th centuries = Французская миниатюра XIII–XVI веков / авт.-сост. Т. Воронова. Ленинград : Аврора, 1984. 1 л. обл., 16 откр.

8. *Gatine Georges Jacques // Allgemeine Lexicon der bildender Künstler von der Antike bis zur Gegenwart / begründet von U. Thieme u. F. Becker; herausg. von U. Thieme.* Leipzig : Verl. von Seeman, 1920. Bd. 13. S. 244.

9. Anne de Bretagne: une histoire, un myth: [a l'occasion de l'Exposition produite par le Château des duc de Bretagne — Musée d'histoire de Nantes]. Paris [etc.] : Somogy, éd. d'art [etc.], 2007. 206 p.

10. *Серебрянная Н.К.* Французская живопись XV–XVII веков = French painting fifteenth — seventeenth centuries: каталог коллекции. Санкт-Петербург : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. 494 с.

11. Французская живопись, XVI — первая половина XIX в. = French painting 16th — first half of the 19th cent. / [авт.-сост. И.А. Кузнецова]. Москва : Изобразит. искусство, 1992. 279 с.

12. *Лайта Э.* Ранняя французская живопись / [пер. с венг. Е. Айзатулина-Силард]. Будапешт : Корвина, 1980. 32 с., 48 л. цв. ил.

13. *Эрши А.* Живопись интернациональной готики / пер. с венг. Л. Шаргиной. Будапешт : Корвина, 1984. 45 с., 48 л. цв. ил.

14. *Srnencká D.* Francuzska rokoková grafika zo zbierok Mirbachovho palace. Bratislava : Tatran, 1987. 166 с.

15. *Золотов Ю.К.* Французский портрет XVIII века. Москва : Искусство, 1968. 275 с.

16. *Брун В., Тильке М.* История костюма: от древности до Нового времени / [пер. с нем. г. Светличной]. Москва : Эксмо, 2005. 462 с.

17. *Laver J.* A concise history of costumes [repr.]. London : Thames and Hudson, 1977. 288 p.
18. *Mansel F.* Dressed to rule: royal and court costume from Louis XIV to Elizabeth II. New Haven, Conn. : Yale University Press, 2005. 237 p. ill.
19. *Готтенрот Ф.* История внешней культуры: одежда, домашняя утварь, полевые и военные орудия народов древних и новых времен / пер. с нем. С.Л. Клячко. Санкт-Петербург : Т-во М.О. Вольф, 1885. Т. 1–2 (Вып. 1–20).
20. *Histoire populaire de la France.* Paris, 1880–1882. Т. 1–2.
21. *Renan A.* Le costume en France. Paris : Ancienne Maison Quantin, Librairies-imprimeries reunites, 1890. 274 p.
22. *D'Éze G., Marcel A.* Histoire de la coiffure des femmes en France. Paris : P. Ollendorff, 1886. 368 p., ill.
23. *Boulengier-Sedyn R.* Le vocabulaire de coiffure en ancien français étudié dans les romans de 1150 à 1300. Bruxelles : Palais des Académies, 1970. 235 p., 27 f. de planche.
24. *Зайцева Н.В.* Парики и мушки: XVII век. Санкт-Петербург : Творческая мастерская «Серебряные ряды», 2017. 191 с.
25. Народы Франции // Народы зарубежной Европы. Москва, 1965. Т. 2. С. 339–418. (Народы мира: этнографические очерки).
26. *Lattre A. de.* Costume de Nice dessinés d'après nature. Paris : Lemercier, 1850. 10 l. ill.
27. *Pays et gens de Normandie.* Paris : Libr. Rousse Sélection du Reader's digest, 1982. [108] p. (Collection "Pays et gens de France").
28. *Reclus O.* La France et ses colonies. Paris : Hachette, 1887. Т. 1–2.
29. *Gautier J., Gravot M.* La Bretagne: sites, arts et coutumes. Paris : A. Calavas, [1929]. IV, 41 p., 109 f. de planche.
30. *Magazzino delle Mode e del Gusto, per Vincenzo Bianconi: 2018: [календарь] / Polska akademia umiejętności, Biblioteka naukowa Polskiej akademii umiejętności i Polskiej akademii nauk.* Kraków, [2017]. [28] л. ил.
31. *Odin G., Odin S.* Poupées françaises 1850–1940. Paris : Musée de la Poupées, 1999. 48 p., ill.
32. *Libouban A.* Le poupée Le Minor: un petit monde de haute couture / preface de S. Odin; Musée de la Poupée. [Paris] : Coop Breizh, [2011]. 192 p.
33. *Жабрева А.Э.* Французский костюм в образах сувенирных кукол и их изображениях на почтовых открытках // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: материалы XXV Междунар. науч. конф., С.-Петербург, 25–28 мая 2022 г. / редкол.: Н.М. Калашникова (пред.) и др. Санкт-Петербург, 2022. С. 477–480.
34. *Гильом де Лоррис, Жан де Мён.* Роман о Розе: пе с.р. со старофранц. / пер. и комм. И.Б. Смирновой. Москва : ГИС, 2007. 671 с.

ZHABREVA A. Historical and Traditional Costume of France in Book Illustrations, Postcards and Souvenir Dolls (in the Footsteps of the Exhibition of the Museum of the History of Russian Academy of Science Library)

Zhabreva Anna — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher of the Reference and Bibliography Department, Member of the St. Petersburg Union of Artists
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: annazhabreva@mail.ru

ABSTRACT

The reader is offered an overview of the exhibition "Historical and traditional costume of France: book illustrations, postcards and dolls from the funds of the Academy of Sciences Library, its department at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) and collection of A. Zhabreva", which took place within the walls of Russian Academy of Science Library in 2022. The exhibition's concept, the principles of selection and arrangement of material are revealed.

Keywords: French costume history, traditional French costume, visual sources, publications on the costume history, souvenir dolls, philocarty.

Г.В. Бахарева

**ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ
В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА**
(краткий обзор)

Бахарева Галина Викторовна — кандидат педагогических наук, отдел БАН при Институте русской литературы РАН

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: irli-bib2@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию коллекции журналов, хранящихся в фонде отдела БАН при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рассматриваются история формирования, тематика. Дается характеристика нескольких авторитетных изданий, собранных полными комплектами и имеющих особенности, характерные для экземпляров библиотеки Пушкинского Дома. Часть обзора посвящена двум тематическим разделам — журналам XVIII — нач. XIX в. и собранию журналов для детского чтения.

Ключевые слова: история библиотеки Института русской литературы, библиотечные фонды, коллекция отечественных журналов.

В отделе БАН при ИРЛИ собрана богатая коллекция журналов и альманахов XVIII–XXI вв. Помимо того, что часть этих изданий давно является библиографической редкостью, особую ценность представляют издания, запрещенные в свое время цензурой и случайно (в составе личных собраний) попавшие в Пушкинский Дом. Об этих изданиях будет отдельный рассказ, а сейчас — краткий обзор всей коллекции. Всего в составе фонда периодики числится 2090 названий литературно-художественных, общественно-политических журналов и литературных альманахов. Среди них издания, продолжавшиеся по многу лет, а есть почти однодневки, основная часть которых приходится на начало XX в. и, особенно, на предреволюционный и революционный периоды. Общий обзор всего собрания дает представление о развитии отечественной журналистики в разные периоды отечественной истории и в то же время содержит богатый литературный материал, так как произведения писателей, в том числе писателей-классиков впервые появлялись именно на страницах журналов. А что касается писателей 2-го, 3-го и др. рядов, то их произведения сейчас можно найти только в журнальном варианте. Тематический охват весьма широк. Основное внимание при комплектовании журналов уделялось и уделяется профильным изданиям филологической тематики. Но помимо этого в фонде представлены журналы по смежным дисциплинам — философии, истории и краеведению, этнографии, архивному делу, искусству (изобразительное искусство, театр), специальная периодика по библиотековедению и библиографоведению, а также библиографические и реферативные издания. До распада СССР

библиотека комплектовалась также литературно-художественными журналами, издаваемыми в союзных республиках.

Формировалось это собрание разными путями. Журналы и альманахи XVIII–XIX вв. в большинстве своем оказались в составе личных библиотек, которые активно поступали в виде пожертвований или приобретались за счет казны с самого основания Пушкинского Дома. Так, богатые подборки журналов оказались в личных библиотеках П.А. Ефремова и М.Н. Лонгинова, А.И. и Н.И. Тургеневых, А.Ф. Кони, С.А. Венгерова. В 1908 г. вдова Петра Александровича Ефремова — библиофила, издателя и пушкиниста, чл.-кор. Академии наук — согласилась продать его уникальную по ценности подобранных в ней изданий библиотеку из 32 тысяч томов. К сожалению, из-за отсутствия достаточных ассигнований Пушкинский Дом сумел приобрести лишь ее часть, в составе которой имелась коллекция литературных альманахов и журналов первой половины XIX в. Другая значительная часть журнального фонда состоит из журналов, находившихся в составе личной библиотеки М.Н. Лонгинова, переданной Пушкинскому Дому в 1916 г. его дочерью А.М. Козловской. Михаил Николаевич Лонгинов — видный коллекционер-библиофил, библиограф и историк литературы — на протяжении всей своей жизни собрал уникальное книжное собрание. Особо следует отметить, что в 1871–1875 гг. М.Н. Лонгинов был начальником Главного управления по делам печати, и именно ему библиотека Пушкинского Дома обязана наличием в ее фонде запрещенных цензурой изданий, в том числе и журналов, которые по тем или иным причинам были изъяты из продажи и уничтожены. В составе других личных коллекций, но в меньшем числе также содержалась отечественная периодика. В коллекции много изданий (особенно это относится к журналам непродолжительного существования), подаренных библиотеке издателями или авторами. В разное время дополнили журнальный фонд поступившие в Пушкинский Дом коллекции Александровского лицея, Николаевского кавалерийского училища, а также литература из существовавшего в 20-е гг. XX в. Книжного фонда. Таким образом в библиотеке, в частности, собран полный комплект «Книжной летописи» (с 1907 по 2005 г.). В целом к концу 20-х гг. XX в. комплектование журнального фонда стало более планомерным, поскольку некоторые журналы стали поступать по подписке. Поэтому известные и продолжающие выходить в наши дни такие журналы, как «Звезда» (с 1924 г.), «Знамя» (с 1931 г.) и «Новый мир» (с 1925 г.) имеются в библиотеке с момента их основания. Это же относится к таким библиографическим источникам, как «Летопись журнальных статей» (с 1929 по 2011 г.), «Летопись газетных статей» (1936–1995 гг.). Со второй половины XX в., когда началось централизованное комплектование библиотек сети БАН через Центральную библиотеку, библиотека Пушкинского Дома стала получать журналы по ежегодно оформляемой подписке, и перечень комплектуемых изданий был достаточно велик — в некоторые периоды он состоял из 30 и более наименований. Постепенно, к сожалению, из-за проблем с финансированием список этот сокращался и, в конце концов, этот источник комплектования прекратил свое существование. Поступление журналов в настоящее время носит, к сожалению, случайный характер — это, в основном, по-

жертвования издающих организаций или частных лиц. Поэтому некоторые издания представлены одним-двумя выпусками, однако небольшую часть профильных и наиболее спрашиваемых изданий удастся сохранять («Русская литература», «Новое литературное обозрение», «Новый мир», «Нева» и несколько других).

Можно было бы более подробно охарактеризовать собрание журналов в фонде отдела. Но поскольку объемы обзора этого не позволяют, остановимся на наиболее ценных и интересных частях журнального фонда, т.е. на нескольких авторитетных изданиях, которые входят в наше собрание полными комплектами, или на тех, которые имеют особенности, характерные только для экземпляров, имеющих в нашем фонде.

Начать следует, например, с собрания первых литературно-художественных журналов XVIII — начала XIX в., давно ставших библиографической редкостью. Так, издательская деятельность Н.И. Новикова представлена в нашем фонде журналами «Трутень», «Живописец», «Кощелек», «Покоющийся трудолюбец» и целым рядом других журналов, характеризующих необыкновенную издательскую активность Н.И. Новикова. С издательской деятельностью Н.М. Карамзина знакомят полные комплекты литературных сборников «Аглая» и «Аониды». Внучатый племянник русского поэта и драматурга XVIII в. А.П. Сумарокова журналист и поэт Панкратий Петрович Сумароков внес свой вклад в отечественную журналистику. Сосланный в Сибирь, он активно сотрудничал в тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», будучи в 1789–1791 гг. его редактором. Там же, в Тобольске в 1793–1794 гг. он издавал журнал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная», где публиковал переводы из Вольтера и Ж.Ж. Руссо. Вернувшись из ссылки, был в 1804 г. редактором очень популярного журнала «Вестник Европы». Полным комплектом представлен в нашей коллекции также журнал «Собеседник любителей российского слова» (1783–1784), издание которого осуществлялось «иждвением Императорской Академии по мысли директора Академии Е.Р. Дашковой при постоянном сотрудничестве императрицы Екатерины II» [1, № 58; 2; 3; 4]. И такие примеры можно было бы продолжить [5]. В целом коллекция журналов XVIII в. насчитывает 86 наименований.

XIX в. отмечен бурным развитием журналистики и появлением передовых печатных органов, не только литературного, но и общественно-политического характера. Судьба некоторых из них сложилась печально. В нашем собрании они представлены такими журналами, как «Европеец», «Московский телеграф» и «Телескоп».

Журнал «Европеец» (1832), издаваемый Иваном Васильевичем Киреевским — философом, литературным критиком и публицистом, племянником В.А. Жуковского — занимал среди них особое место. В журнале принимали участие В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, А.С. Хомяков, А.И. Тургенев и др. Руководящие статьи принадлежали И.В. Киреевскому. После двух первых номеров журнал был закрыт цензурой, третий сохранился в типографском экземпляре. Причиной закрытия журнала явилась статья Киреевского «Деятельный век» (печаталась в №№ 1 и 3), в которой была усмотрена политическая пропаганда и под видом литературной критики содержались рассуждения о свободе,

революции, конституции и пр. Автор был признан «человеком неблагомыслящим и неблагонадежным». [6; 7, с. 114–135]. Без преувеличения можно назвать имеющиеся в библиотеке ИРЛИ номера этого журнала уникальными. Речь в данном случае идет о № 3 за 1832 г., который уже не увидел света — он был запрещен. В нашем собрании он имеется в двух экземплярах. Один — из библиотеки братьев Тургеневых (все три номера в одном томе), второй — из библиотеки Н.М. Лонгинова. Примечание, сделанное на форзаце рукой Н.М. Лонгинова, заслуживает воспроизведения: «<...> Журнал очень редкий. По выходе № 2 Европейца издатель его, И.В. Киреевский, получил через Московскую цензуру уведомление о запрещении оного. Причины тому были приведены в бумагах, полученных от графа Бенкендорфа, некоторые выражения в статьях Европейца 1) в статье “Девятнадцатый век” предполагалось, что разум (подчеркнуто Лонгиновым. — Г.Б.) означает свободу, успех — революцию, а искусственно-отысканная среда — конституцию. <...> И.В. Киреевский послал два вышедших номера Европейца князю Сергею Григорьевичу Голенищеву (Фирсу) с надписью: Князю С.Г.Г., чтобы показать, что значит промах (ибо журнал был запрещен). Голицын по прочтении журнала отвечал: Недаром запрещен журнал: / Ты много высказал в двух томах / И, промахнувшись, доказал, / Что малый ты не промах». Далее еще одна надпись, более поздняя: «Экземпляр этот подарен мне самим издателем, И.В. Киреевским, в Москве, в июне 1854 года. М.Л.» [8, форзац]. Друзья пытались помочь журналу, В.А. Жуковский несколько раз обращался к начальнику Третьего отделения А.Х. Бенкендорфу и даже к Николаю I с просьбой переменить несправедливое решение, но это не привело к положительному результату.

Журнал «Московский телеграф», также имеющийся в нашем фонде в полном комплекте, постигла та же участь — в 1834 г. он был закрыт цензурой. «9 февраля 1832 года Бенкендорф обратился к министру народного просвещения князю Ливену со следующим отношением: “Рассматривая журналы, издаваемые в Москве, я неоднократно имел случай заметить расположение издателей оных к идеям самого вредного либерализма. В сем отношении особенно обратили мое внимание журналы “Телеграф” (т.е. “Московский телеграф”. — Г.Б.) и “Телескоп”, издаваемые Надеждиным и Полевым. В журналах сих часто помещаются статьи, писанные в духе весьма недобронамеренном <...>” [7, с. 125]. «Московский телеграф» явился первым в России энциклопедическим журналом и одним из лучших журналов пушкинской поры. Издавался он Николаем Алексеевичем Полевым — писателем, драматургом, литературным и театральным критиком — в 1825–1834 гг. Полевой учитывал в нем опыт европейской журналистики, традиции отечественной печати и современные отечественные потребности. Журнал содержал разделы науки, искусства, словесности, критики и библиографии, ставил перед собой цель просвещения «средних сословий» и отличался высоким уровнем публикуемых материалов. В нем печатались П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин и др. О его популярности говорит огромный по тем временам тираж — он имел до 5 тысяч подписчиков. Сложный период для Полевого-издателя наступил, начиная с 1833 г., когда министром просвещения был назначен С.С. Уваров, проводивший еще более

жесткую, чем ранее, цензурную политику, коснувшуюся и данного журнала. В конечном счете «Московский телеграф» был закрыт в 1834 г., предложением для его закрытия явилась критическая рецензия Н.А. Полевого на пьесу И.В. Кукольника «Рука Всевышнего отечество спасла» [7, с. 158–164; 9]. В нашей коллекции журналов имеется его полный комплект за исключением 54-й части, однако в примечаниях М.Н. Лонгинова на форзацах частей 53, 55 и 56 объясняется причина этой лакуны: «Часть 53 Московского телеграфа заключает в себе вместо 4-х только 3 книжки — 17, 18, 19. Книжка 20-я не была додана подписчикам. Также не были доданы в 1833 г. книжки 21, 22, 23 и 24, долженствовавшие составить ч. 54, которой таким образом в этом издании не существует и после части 53 (неполной) прямо следует часть 55». Далее, примечание к части 55: «Часть 55 Московского телеграфа следует в порядке нумерации этого издания после 53-ей, ибо 54 вовсе не была выдана подписчикам». И, наконец, примечание к части 56: «Части 56 Московского телеграфа вышла в свет только одна книжка, 5-я, которая есть последняя в этом издании, ибо после выхода оной Московский телеграф перестал издаваться, подвергнувшись запрещению от Правительства» [10]. Так М.Н. Лонгинов — педантичный библиофил — зафиксировал для потомков печальную историю этого замечательного журнала.

Место запрещенного «Московского телеграфа» занимал журнал «Телескоп» (1831–1836, ч. 1–34), издаваемый Николаем Ивановичем Надеждиным. Знаменателен он тем, что именно в нем было напечатано «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева, после публикации которого журнал был запрещен. В нашей коллекции собран полный комплект этого издания (все 34 части) из нескольких личных библиотек — П.А. Ефремова, В.П. Гаевского, М.Н. Лонгинова, а из библиотеки братьев Тургеневых — второй экземпляр журнала за 1831 г. (части 1–6), а также отдельный оттиск из журнала с «Философическим письмом» Чаадаева, из которого ясно, что оно было помещено на с. 275–310 в 34-й части. Что касается основного комплекта журнала, находящегося в журнальном фонде библиотеки, то надо отметить любопытную деталь: в 34-й части отсутствуют именно эти страницы — 275–310, т.е. страницы с письмом Чаадаева. На каком этапе и кем эти страницы были изъяты, остается загадкой.

В то же время были журналы с более «благополучной» биографией, которые издавались на протяжении многих лет, некоторые из них продержались до начала XX в. (1917 и 1918 гг.), но и они тоже в конце концов оказались «опальными». Это такие журналы, как «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Современник» и некоторые другие. Они представлены у нас полными комплектами.

«Вестник Европы» (1802–1830) — один из наиболее популярных журналов 1-й четверти XIX в. Редактором его в 1802–1803 гг. был Н.М. Карамзин, в 1804 г. — П.П. Сумароков, в 1808–1809 гг. — В.А. Жуковский. Журнал придерживался идей просвещения, публиковал художественные произведения отечественных и зарубежных авторов, научные статьи, исторические документы и выражал взгляды русской либеральной интеллигенции. Именно в нем в 1814 г. состоялась первая публикация стихотворений А.С. Пушкина. С 1811 г., однако, в журнале усиливаются элементы консервативности. «Он окончательно переходит в лагерь реакционной

журналистики. <...> Совершенно растеряв читателей, «Вестник Европы» прекратил свое существование в 1830 году» [11, с. 105]. В 1866 г. в год столетия со дня рождения Карамзина этот влиятельный либеральный литературно-политический журнал был возобновлен, продолжив традиции предшественника, и издавался до 1918 г. Издателями-редакторами его в разное время были историк и публицист М.М. Стасюлевич, филолог и журналист Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др. Журнал публиковал исторические исследования, библиографические и источниковедческие обзоры, литературные произведения и статьи по политическим вопросам. В нем печатались известные ученые — И.М. Сеченов, И.И. Мечников, А.Ф. Кони и др. В литературном отделе помещались произведения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Бунина, М. Горького. Журнал приветствовал Февральскую революцию 1917 г. и отрицательно отнесся к Октябрьской революции, из-за чего был закрыт как «контрреволюционное издание» [11, с. 470–474].

«Отечественные записки» (1818–1884) — один из первых толстых журналов, оказавших существенное влияние на литературную жизнь и общественную мысль России. После первого издания, предпринятого историком, путешественником и писателем П. Свиньиным, журнал был закрыт в 1831 г., но возобновлен в 1839 г. имевшим большой издательский опыт А. Краевским как журнал учено-литературный и политический. Журнал знакомил с новинками художественной литературы (так, в нем были опубликованы все произведения М.Ю. Лермонтова, написанные им в 1838–1841 гг.). В нем печатались А.И. Герцен, Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский. В 1866 г. после закрытия «Современника» Краевский заключил договор с Н.А. Некрасовым о совместной работе в «Отечественных записках». Раздел беллетристики в журнале Некрасов передал М.Е. Салтыкову-Щедрину, который в 1878 г. после смерти Некрасова стал руководителем журнала. Он сам активно в нем печатался вместе с Ф.М. Достоевским, А.Н. Островским. Однако в результате ухудшения отношений с правительством, признавшим за журналом либеральную и даже народническую направленность, том 214 за май 1874 г. был уничтожен (в имеющемся в нашем собрании комплекте «Отечественных записок» этот том имеется), а сам журнал в 1884 г. после выхода № 4 закрыт по личному распоряжению начальника Главного управления по делам печати Е. Феоктистова [11, с. 240–254, 415–423].

В 1836 г. начал издаваться основанный А.С. Пушкиным журнал «Современник» (Пушкин, правда, пробыл на посту главного редактора меньше года). В журнале публиковались стихи, проза, критические, исторические, этнографические и другие материалы. При Пушкине, однако, читательского успеха журнал не имел — читатель не был готов к восприятию этого нового типа серьезного периодического издания. После смерти Пушкина журнал издавался П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, А.А. Краевским, В.Ф. Одоевским и П.А. Плетневым в 1837 г. В 1838–1846 гг. издателем-редактором был П.А. Плетнев. В 1847 г. редактором журнала стал Н.А. Некрасов, с 1853 г. вместе с Некрасовым в журнале работал Н.Г. Чернышевский, а с 1856 г. — Н.А. Добролюбов. В журнале мы находим публикацию произведений не только отечественных (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой), но и зарубеж-

ных писателей (Ч. Диккенс, Ж. Санд, У. Теккерей) [11, с. 255–268, 325–335]. В 1866 г. журнал был закрыт по личному распоряжению Александра II — на волне реакции после покушения на императора, совершенного Дм. Каракозовым, у которого при обыске был найден выпуск «Современника». «В 1866 г. вышли книги 1–4, последняя, 5-я, была напечатана, но в свете не появилась и составляет большую редкость» [1, с. 86]. Отрадно отметить, что эта «большая редкость» в нашем комплекте есть.

На «Журнале Министерства народного просвещения» (1834–1917) следует остановиться в связи с тем, что он являлся официальным изданием Министерства, инициатором его был тогдашний министр народного просвещения С.С. Уваров, поэтому положение журнала было достаточно прочным. Это был один из немногих научно-популярных журналов, в котором печатались все ученые Российской империи. Основной задачей его было освещение состояния российского образования, педагогической и научной мысли. Наряду с официальными распоряжениями правительства и сведениями о народном образовании он публиковал научные работы по всем областям знания, содержал много материалов по истории (отечественной и мировой), историческую художественную литературу, а в 1872 г. там появился раздел классической филологии, в котором печатались переводы из античных авторов, выполненные ведущими специалистами по античной литературе. Последний номер журнала (ноябрь–декабрь) вышел в 1917 г. Всего было 434 части этого журнала [12]. В нашем собрании, правда, с незначительными лакунами, журнал представлен практически полностью.

И, наконец, «Нива» (1869–1918) — журнал для семейного чтения, ориентированный на широкий круг читателей. Печатал литературные произведения, исторические и научно-популярные статьи на разные темы, содержал репродукции картин современных художников. Большой популярностью пользовался раздел «Моды». В качестве бесплатных приложений с 1891 г. издавал собрания сочинений отечественных и иностранных писателей. Список печатавшихся в нем авторов огромен, начиная от А.К. Толстого, кончая И. Эренбургом и всеми поэтами и писателями серебряного века. В журнале мы найдем репродукции картин А.Н. Бенуа, В.М. Васнецова, В.В. Верещагина, Л.О. Пастернака, И.Е. Репина и многих других известных художников. Благодаря высокому уровню помещаемых материалов и низкой цене журнал обрел самый высокий тираж среди российских журналов и имелся практически в каждом доме [13, с. 530–531]. Естественно, что он широко представлен в российских библиотеках — не только в крупнейших (РГБ, РНБ, БАН), но и в менее значительных. Однако особенность нашего комплекта «Нивы» (почему, собственно, мы включили его в данный обзор) заключается в его лучшей по сравнению с другими библиотеками физической сохранности. Этому способствовало менее активное, чем в крупных книгохранилищах, использование читателями, где количество пользователей в разы больше, чем в нашей библиотеке.

Отдельная тема — периодика для детей. Достаточно большой перечень детских журналов, представленных в фонде, позволяет судить о большом внимании к детскому воспитанию, образованию и чтению в разные периоды нашей истории. Детская журналистика в России на-

считывает более двухсот лет и ведет свое начало с XVIII в., когда уже упоминавшийся нами Н.И. Новиков начал издавать журнал «Детское чтение для сердца и разума». Журнал выходил с 1785 по 1789 г. и составил 20 выпусков. Полный комплект этого издания хранится в нашей журнальной коллекции. В полном объеме представлен также журнал начала XIX в. «Друг юности и всяких лет» (1807–1815), издаваемый М.И. Невзоровым. На основе имеющихся у нас журналов для детей можно заключить, что в них учитывались разные возрастные и образовательные категории читателей. Так, журнал «Детский собеседник» (1826–1829; изд. Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин) с его разделами словесности, истории, естественных наук предназначался для детей среднего возраста, журнал «Солнышко» (1905–1917) — для младшего возраста. Понятно, на какую читательскую аудиторию был ориентирован «Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений» (1836–1863). Есть примеры и необычных подходов к изданию детского журнала. Таким был, например, журнал «Ученик», издававшийся в 1910–1914 гг., в котором печатались в том числе и произведения самих читателей — детей подросткового возраста. Несмотря на его официальный характер он был живым откликом на запросы молодого читателя, популярным и доступным, как по содержанию, так и по цене (5 коп. за номер). Инициатором этого журнала, его издателем-редактором был Василий Григорьевич Янчевецкий — преподаватель 1-й Санкт-Петербургской гимназии, позднее известный как В. Ян — автор исторических романов (Батый, Чингизхан, Спартак, Финикийский корабль и др.). А в пору преподавательской деятельности его учениками были, в частности, драматург Вс. Вишневский и поэт Вс. Рождественский [14, с. 55–60; 15]. К сожалению, в нашем фонде он представлен всего двумя выпусками за 1910 г., поступившими в 1930-е гг., но источник поступления установить не удалось.

Организаторы детских журналов, начавших выходить после революции, опираясь на лучшие традиции детской журналистики прошлого, стремились учесть запросы нового времени. Есть среди журналов для детей, возникших в эти годы, выдающиеся представители этого жанра. Нельзя в этой связи не назвать журнал для школьников пионерского возраста «Еж», который выпускался детским отделом Ленгиза в 1928–1932 гг. Главным консультантом и идеологом этого начинания был С.Я. Маршак, главным редактором (и одновременно автором) — Н. Олейников. Название журнала остроумно образовали из первых букв слов «ежемесячный журнал». К работе в журнале были привлечены Б. Житков, М. Зощенко, А. Барто, Е. Шварц, участники литературной группы ОБЭРИУ. В разное время в нем печатались В. Маяковский, К. Чуковский, В. Бианки, работали выдающиеся художники — Е. Конашевич, Ю. Васнецов, Е. Чарушин и др. [16]. К сожалению, это интересное издание представлено в нашей коллекции только выпуском 17/18 за 1932 г., который поступил в библиотеку в 1945 г. в составе личной библиотеки С.Д. Балухатого. Надо подчеркнуть, что журнал «Еж» является библиографической редкостью и, по нашим сведениям, в настоящее время имеется только в РГБ и РНБ. В 1930 г. в журнале появилось приложение для детей дошкольного возраста под названием «Чиж» (**Ч**резвычайно **и**нтересный **ж**урнал), которое затем преобразовалось в самостоятельный журнал под тем же назва-

нием, выходявший в 1932–1941 гг. В «Чиже» печатались произведения самых разных жанров: сказки, рассказы, очерки, статьи, загадки. [16; 17, с. 380–382]. В отличие от «Ежа», полный комплект этого журнала был получен библиотекой ИРЛИ по подписке.

В послереволюционный период продолжали выходить (и поступать в наш фонд) такие дореволюционные журналы, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» (все по 1918 г.), «Нива» (по 1917 г.), а из журналов для детей — «Маяк» (до 1918 г.), «Солнышко» (до 1917 г.), «Родник» (до 1917 г.) и др. Но одновременно с этим предпринимались попытки создать литературно-художественную журналистику, отвечающую духу послереволюционного времени и в то же время привлекавшую к участию в ее создании дореволюционных писателей, разделивших судьбы революции (М. Горький, В. Маяковский, Д. Бедный, А.А. Блок, В. Брюсов, С. Есенин, А. Серафимович). Обзор этой части нашего фонда характеризует этот сложный период работы по созданию и изданию подобных журналов — а здесь мы видим целый ряд очень интересных, но непродолжительно просуществовавших инициатив. Условия тогдашнего времени сказались и на пополнении фонда, которое отличалось нерегулярностью. Из полных комплектов журналов того периода можно назвать журнал «Пламя» — еженедельный общедоступный научно-литературный и художественно-иллюстрированный журнал, выходявший в 1918–1920 гг. под редакцией А.В. Луначарского. Основное внимание журнал уделял ознакомлению с достижениями современной литературы и искусства, печатал очерки о писателях и художниках, воспроизводил репродукции картин знаменитых художников прошлого и настоящего (как отечественных, так и зарубежных). Из писателей, вошедших в литературу до революции, здесь печатались В. Шишков, А. Чапыгин, А. Грин, поэты В. Маяковский, Н. Клюев [18, с. 50–54]. Журнал «Творчество»: журнал литературы, искусства, науки и жизни (1918–1920) — являл собой попытку объединить всех поэтов и писателей, готовых служить делу революции и собрать пролетарские литературные силы. Первый номер журнала вышел под редакцией А. Серафимовича и В. Фриче [18, с. 43–50]. Одним из немногих журналов, посвященных художественной литературе, был журнал «Художественное слово» (1920–1921). Основными задачами журнала были публикация новых художественных произведений, статей по истории литературы, критическая оценка произведений современной русской литературы и хроника литературной жизни. В отделе стихов предполагалось печатать произведения поэтов всех литературных направлений: пролетарских поэтов, символистов (К. Бальмонт, Д. Бедный, В. Брюсов, Вяч. Иванов), футуристов (В. Маяковский, Б. Пастернак), имажинистов (С. Есенин), в отделе рассказов и драмы — прозу Б. Пильняка, А. Серафимовича. Отдел статей предполагалась формировать литературоведческими работами В. Брюсова, А.В. Луначарского, В. Фриче, а отдел библиографии брали на себя В. Брюсов, П. Сакулин и В. Фриче. [18, с. 54–55; 19, с. 74]. К сожалению, в нашем фонде он представлен только одним выпуском, а журнал «Творчество» — несколькими выпусками за 1918, 1919 и 1920 гг. 20-е гг. XX в. характеризуются также зарождением советской сатирической журналистики — и здесь тоже (судя по нашему собранию) большое число изданий очень не-

продолжительного существования. Тем не менее именно в этот период были заложены основы для дальнейшего развития отечественной журналистики и появления огромного количества периодических изданий, разных по жанру и читательскому назначению — от популярных литературно-художественных изданий до авторитетных научных журналов. И наше журнальное собрание характеризует это многообразие в полной мере. В настоящее время ведется работа по переводу картотеки журналов XVIII–XXI вв., составляющих журнальный фонд отдела, в электронный каталог БАН.

В заключение нужно подчеркнуть, что богатая коллекция журналов XVIII–XXI вв., собранная в отделе БАН при ИРЛИ — не просто коллекция, сохраняющая и в наши дни непреходящее историко-культурное значение, но важная часть фонда отдела, которая активно используется филологами, историками, журналистами, искусствоведами и другими специалистами гуманитарного профиля.

Список сокращений

БАН — Библиотека Российской академии наук
ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)
ОБЭРИУ — Объединение реального искусства
РГБ — Российская государственная библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека

Список источников

1. Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати, 1703–1900 гг. Петроград, 1915. 1067 с.
2. Грот Я.К. Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» кн. Дашковой // Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 20. Санкт-Петербург, 1877. С. 525–542.
3. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: журнал «Собеседник любителей русского слова». Москва, 2012. 120 с.
4. Кочеткова Н.Д. Дашкова и «Собеседник любителей русского слова» // Екатерина Романовна Дашкова: исследования и материалы. Санкт-Петербург, 1996. С. 140–146.
5. Берков П.Н. История русской журналистики XVIII века. Москва; Ленинград, 1952. 572 с.
6. Фризман Л.Г. К истории журнала «Европеец» // Рус. лит. 1967. № 2. С. 118–119.
7. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». 2-е изд., доп. Москва, 1986. 382 с.
8. Европеец: журнал наук и словесности. 1832. № 1–3. 502 с.
9. Орлов В.Н. Полевой и «Московский телеграф» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. Ленинград, 1950. С. 256–299.
10. Московский телеграф. 1833. Ч. 53; 1833. Ч. 55; 1834. Ч. 56.
11. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. А.В. Западова. 3-е изд., испр. Москва, 1973. 518 с.
12. Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияние на образование России середины XIX — начала XX вв. // Библиотекословедение. 2011. № 3. С. 112–120.

13. Русская периодическая печать: справочник. Вып. 1. 1792–1894. Москва, 1959. 835 с.
14. *Борисов Л.И.* За круглым столом прошлого. Ленинград, 1971. 160 с.
15. *Кравченко Е.В.* Детский журнал «Ученик» (1910–1914): крат. обзор // МультиУрок: [сайт]. URL: <https://multiurok.ru/files/dietskii-zhurnal-uchienik-1910-1914-ghgh-kratkii-o.html> (дата обращения: 1.06.2022).
16. *Рахтанов И.* «Еж» и «Чиж» // Детская литература. 1962: сборник. Вып. 2. Москва, 1962. С. 128–159.
17. *Зубарева Е.Е.* Русская периодика XX в. для детей // Русские детские писатели XX в.: биобиблиографический словарь. Москва, 1997. С. 378–384.
18. *Максимов А.А.* У истоков советской журналистики. Ленинград, 1967. 112 с.
19. Художественное слово: временник Литературного отдела Наркомпроса. 1921. № 2. 74 с.

BAKHAREVA G. From the History of the Russian Periodicals Collection in the Pushkinskiy Dom Library (Short Review)

Bakhareva Galina — Candidate of Pedagogical Sciences, Department of the Russian Academy of Sciences Library at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: irli-bib2@yandex.ru

ABSTRACT

The article about of the Russian periodicals collection in the Library of the Science Academy's department at the Institute of Russian Literature — the history of formation, thematic design and characteristic of the several authoritative editions, which were collected in full sets and possess some features that are typical for Pushkinskiy Dom's library. The part of the review about the two thematic sections — journals of the 18th — early 19th centuries and the collection of reading journals for kids.

Keywords: history of the Russian Literature Institute's library, library fund, Russian periodicals collection.

Н.А. Реброва

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ИЗДАНИЙ XVII ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ИЗДАНИЯ “RECOEUIL DES MEMOIRES ET CONFERENCES SUR LES ARTS ET LES SCIENCES PRESENTÉES À MONSEIGNEUR LE DAUPHIN” 1673 ГОДА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Реброва Наталья Александровна — главный библиотекарь отдела редких изданий

Научная библиотека Российской академии художеств, Центр Научных учреждений Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: rebrova.nataly@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В рамках статьи рассмотрены вопросы, касающиеся проблем определения подлинности изданий XVII века, например “Recoeil des memories...” авторства Жана-Батиста Дени, опубликованного в 1673 году. В процессе определения подлинности и установления принадлежности публикации к продукции издательства Эльзевиров были использованы необходимые информационные ресурсы, на основе которых и был выполнен анализ и получен конечный результат процесса атрибуции.

Ключевые слова: типографское дело, история книгопечатания, Эльзевир, Научная библиотека Российской академии художеств, атрибуция.

История формирования голландского книжного дела во многом обязана вкладу издательского дома Эльзевиров, чья активная типографская деятельность приходится на XVI и XVII века. Он был основан семьей голландских типографов. В 1583 году основатель издательства Людовик Эльзевир открывает напротив университета в Лейдене книжную лавку, совмещая профессию книготорговца и переплетчика. В 1587 году университет разрешает Людовику Эльзевиру открыть книжный дом на его территории, таким образом книготорговец завязывает отношения со многими деятелями науки и культуры. В 1592 году он издает первую книгу, а уже в 1594 году издания начинают выпускаться более регулярно.

С 1625 года типография начинает регулярно выпускать издания, что утверждает фирму как ведущую типографию, издательство и книжную лавку на территории Голландии. Внук основателя типографии Даниель Эльзевир работал в Лейденской и Амстердамской типографиях, при его деятельности издательский дом получает широкое развитие. Издательский дом просуществовал до 1712 года, был закрыт вследствие смерти последнего из рода Эльзевиров.

Изучением деятельности издательского дома Эльзевиров занимались многие зарубежные ученые начиная с 1940-х годов. Основным источником изучения изданий Эльзевиров служат фонды крупнейших библиотек мира, архивные документы самого издательского дома Эльзевиров, а также архивные данные крупнейшей типографии Христофора Плантена, в дальнейшем типографии Плантена-Моретуса, с которой Эльзевиры тесно сотрудничали.

Потомок династии издателей Иоганн Раммельман Эльзевир в 1845 году в Утрехте издал исследование «Материалы по исследованию Эльзевиров и их среды». Впоследствии работа дополнялась Августом Йозефом де Ремом и Чарльзом Питерсом [3]. Издания типографии Эльзевиров стали предметом изучения и в других странах — создавались каталоги во Франции, России, Скандинавии, Англии.

После открытия издательства “Elzevier Press” возрос интерес к истории типографского дома Эльзевиров. В 1880 году появляется монументальное исследование Альфонса Виллемса «Эльзевиры. История и анналы типографского дела», где автор компилирует и собирает воедино всю имеющуюся информацию об Эльзевирах [5]. Труд перерабатывался и дополнялся шведским исследователем Густавом Шлегелем Бергманом в 1885 и 1897 годах. Среди дополнений Бергмана — детальный разбор 42 виньеток, около ста буквиц, 12 типографских марок, которые встречаются у Эльзевиров [1].

К началу XX века деятельность *Ex Officina Elzeviriana* в целом была уже изучена, в дальнейшем объектом исследования являлись частные случаи, рассматривались истории отдельных изданий. В первую очередь стоит упомянуть каталоги московских книжных собраний. В советский период наследие Эльзевиров рассматривалось в описаниях книжных фондов, общих трудах по истории книгопечатания, журнальных статьях. С 50-х годов XX века интерес западноевропейских исследователей к наследию издательства снова возрос из-за того, что типографское дело семьи Эльзевиров стали исследовать с культурологической точки зрения, дискурс коснулся политического, общественного, научного и художественного контекста вокруг Эльзевиров, в рамках событий в республике Нидерландов.

В 1975 году Владимир Рувимович Аронов выпустил монументальный труд о деятельности семьи Эльзевир и окружающей их политической, военной, религиозной и научной обстановке [6].

Также в 1978 году был издан двухтомный каталог коллекции Эльзевиров из фондов Государственной публичной исторической библиотеки, который был дополнен в 2007 году в книге «Иностранные издания XVII в. (дополнения)». В 2012 году вышло второе дополненное издание, которое включает в себя 534 описания книг, изданных или напечатанных Эльзевирами [8].

В коллекции Научной библиотеки РАН присутствует издание “*Recueil des memoires et conferences sur les arts et les sciences presentées à Monseigneur Le Dauphin*” (Публикация записей с конференций по искусству и наукам за 1672 год). Издание опубликовано в качестве дополнения к старейшему научному журналу Европы “*Le Journal des sçavans*” (Журнал ученых). Ежегодные публикации записей конференций по искусству и наукам были запрещены в 1672 году, поэтому все опубликованные издания «Журнала ученых» за 1672, 1673, 1674 год являются подделкой оригинального журнала [9]. Приписка “*Roy quiy continue Le Journal des sçavans*” должна была привлечь внимание читателей к контрафакту. Издание из Научной библиотеки РАН было опубликовано в Амстердаме Пьером Мишелем. Имя, использованное в выходных данных, является псевдонимом, впервые появилось в области выходных данных в 1666 го-

ду, однако в отечественной историографии сведения об этом псевдониме отсутствуют.

«Журнал ученых» посвящен сыну Людовика XIV, Людовику Великому Дофину. Автором издания является личный врач короля, Жан-Батист Дени. Публикация состоит из двух частей, переплетенных в одном переплете.

В каждой части содержатся записи конференций по наукам и искусствам за 1672 год, включающие в себя как научные данные, например, доклады по физике, медицине, искусству, так и псевдонаучные записи — данные о наблюдениях моряков, которые зафиксировали на берегу русалку мужского пола.

Многие издания издательства Эльзевиров трудно идентифицировать без изучения архивных данных и исследований, так как в выходных данных довольно часто имя «Эльзевир» опускалось. Издания выпускались анонимно, под псевдонимами или с ложными выходными данными. Такие исследователи деятельности Эльзевиров, как Владимир Рувимович Аронов и Альфонс Виллемс, считают, что причины могут быть следующие:

1) В своей типографии они печатали не только то, что сами издавали, но и принимали множество заказов от различных издателей (в таком случае на титульном листе печаталось имя заказчика).

2) Типографы стремились скрыть место издания. Так, например, янсенисты, исповедуя католичество, хотели скрыть от единоверцев, что их труды были напечатаны в протестантской стране. Сами же Эльзевиры чаще всего скрывали свое имя из политических соображений. К примеру, в Голландии власти Генеральных и провинциальных штатов выпускали указы о запрете на печать литературы, которая противоречила политическому курсу государств-союзников Голландии.

Одной из сложностей, возникающих при идентификации места издания, является отсутствие выходных данных в контрафактных изданиях Эльзевиров, то есть реализованных без разрешения самого автора, зачастую опубликованных анонимно. Как правило, при издании контрафакций с французских трудов, Эльзевиры ставили надпись “Jouhte la sorie impremee à Paris” в область выходных данных, вслед за которой зачастую ставилось имя типографа, который печатал экземпляр, откуда они копировали издание.

У издательского дома Эльзевиров было много подражателей, которые копировали виньетки, типографские шрифты, размер in-12, марку издательства. Помимо подражателей были и книгопечатники, которые, пользуясь славой издательского дома, стилизовали свои издания и выпускали их под именем Эльзевиров. Издание “Recueil des memoires et conferences sur les arts et les sciences presentées à Monseigneur Le Dauphin” потребовало подробного изучения для определения причастности экземпляра к деятельности издательского дома Эльзевиров, так как в публикации отсутствуют прямые признаки того, что книга была напечатана в рассматриваемой типографии.

В изданиях Эльзевиров встречается несколько типов типографских марок, принято выделять 5 основных: «Орел», «Солитер», «Минерва», «Сфера», «Пальма» и «Костер». В атрибутируемом издании отсутствует ти-

пографская марка, по которой можно было бы идентифицировать издательский дом. Вместо нее на титульный лист помещена виньетка, соответствующая описаниям Бергмана, а также по начертаниям, толщине линий и особенностям трактовки некоторых деталей растительного орнамента совпадающая с виньетками в уже атрибутированных изданиях Эльзевиров.

Так, в каталоге ГПИБ [8, с. 23] в разделе «Издания без выходных данных» приведен в пример титульный лист, на котором вместо типографской марки присутствует виньетка, совпадающая с концовкой в издании “*Recueil des memoires et conferences sur les arts et les sciences presentées à Monseigneur Le Dauphin*”. В труде Альфонса Уильямса данный тип виньетки обозначен как «египетская голова», в иных источниках она описана как «львиная голова».

Другой особенностью издательского дома Эльзевиров являются шрифты. Эльзевиры известны своими реформами в типографском деле, шрифт «эльзевир» стал нарицательным наряду с «бодони», «дидо», «гармоном» и «этьеном». Шрифт, разработанный типографией Эльзевиров, тесно связан с французской печатной традицией, а именно со шрифтами по рисункам Пьера Гарамона. Первые примеры собственно разработанного шрифта для типографских станков дома Эльзевиров появляются в 1647 году [4, с. 328], одним из пуансонистов был амстердамский мастер Христоффел ван Дейк.

При рассмотрении особенностей шрифтового набора текстовой части был проведен сравнительный анализ начертаний букв. Основной текст набран на французском языке, но присутствуют вставки и на латинском. Некоторые варианты начертаний букв в латинских формах отличаются, варианты начертаний шрифта, использованного в блоках с французским языком — совпадают с начертаниями шрифтов в изданиях с указанным “*Ex Officina Elzeviriana*”.

Эльзевиры сделали большой вклад в популяризацию изданий, превратив книгу в широко тиражируемый продукт. Среди основных особенностей книжного блока изданий Эльзевиров можно назвать в первую очередь малый формат (1/12, 1/16, 1/24). Использование нескольких кеглей и начертаний шрифта на титульном листе. Сноски, рубрикаторы, указатели (одни из первых, кто начал использовать указатели, показывать маргиналии). В книгах амстердамского периода присутствуют довольно сложные выключки, маргиналии, набранные меньшим кеглем, чем основной текстовый блок.

Одна из особенностей определения подлинности того или иного издания — изучение происхождения бумаги по присутствующим на ней полным или разделенным на части филиграням. Во время процесса атрибуции филиграней (водяных знаков) были использованы следующие ресурсы:

1. Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection. — Amsterdam, 1935.
2. Лухачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. — Ч. 1–3. — Санкт-Петербург : В.С. Балашев и К°, 1899.
3. Briquet Ch.-M. Les filigranes, dictionnaire historique des marques de papier dès leur apparition vers 1282 jusq'au 1600: 4 vols. — Genève, 1907.

Ресурс, представленный в сети Интернет, “Bernshtein memory of paper” [10], посвящен изучению особенностей бумаги и содержит исторические справки о производстве европейской бумаги, измерение структурных характеристик бумаги. Ресурс организован Комиссией Научной визуализации (VISKOM) Австрийской Академии Наук. Содержит обширный электронный каталог с поиском по типу, месту происхождения филигранных, по бумажному производителю и контрмарке.

Одна из важнейших проблем датировки и определения подлинности изданий или листового материала: несмотря на то, что исследования по идентификации филигранных ведутся с XVIII века, в настоящий момент в научный оборот введено не более 0,25% всего массива предполагаемых водяных знаков [7]. Исследования чаще всего затрагивают книжные памятники с XIII по XVII век, и чем датировка атрибутируемого материала позже, тем меньше вероятность обнаружить идентичный водяной знак в справочнике или каталоге. Ни одна из семинайденных филигранных не была соотнесена с какой-либо из бумажных фабрик или производителей.

Ежегодные публикации записей конференций по искусству и наукам были запрещены в 1672 году, поэтому все опубликованные издания «Журнала ученых» за 1672, 1673, 1674 год являются контрафактным изданием оригинального журнала [9]. Внимание к контрафакту привлекает приписка “Roy quiy continue Le Journal des sçavans”. Издание из коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств было опубликовано в Амстердаме Пьером Мишелем, что, в свою очередь, является псевдонимом Даниеля Эльзевира, впервые использованным в 1666 году в Кельне [5, с. 474]. Псевдоним появляется в истории книгопечатного дела Эльзевиров всего пять раз, датируется 1666–1669 годами, Кёльн остается местом издания. В каталоге Альфонса Виллемса “Recoeil des memories et conferences sur les Arts et les Sciences presentees à Monseigneur Le Dauphin” издание 1673 года идентифицировано как продукция печатного дома Эльзевиров. Имя печатника — Pierrele Grand — достоверно определено исследователями как одно из имен Даниеля Эльзевира [5, с. 381]. Используемый псевдоним “Pierre Michel” соответствует временному отрезку частоты появления псевдонима “Pierrele Grand”. При проведенном анализе типографских марок, виньеток, особенностей начертания шрифта, а также изучении архивных данных относительно псевдонимов печатников дома Эльзевиров амстердамского периода было выявлено, что экземпляр, присутствующий в коллекции Научной библиотеки Российской академии художеств, идентичен продукции дома Эльзевиров с установленными выходными данными в указанный период. Таким образом, можно утверждать, что псевдоним типографа “Pierre Michel”, ранее не зафиксированный в отечественной историографии, также является одним из вариантов ложных данных, использованных Даниелем Эльзевиром.

Книжные памятники XVII в., в особенности типографская продукция Эльзевиров, требуют особого внимания при анализе и аутентификации: необходимо изучать каждое лицо, причастное к изданию, для определения контрафакции или подлинности издания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Berghman G.* Catalogue raisonné des impressions elzeviriennes de la Bibliothèque royale de Stockholm / Kungliga Biblioteket, rédigé par G. Bergman. Stockholm : Nordiska bokhandeln, 1911. 390 с.
2. *Reume A.* Recherches Historiques, Généalogiques et Bibliographiques sur les Elsevier. Sydney : Wentworth Press, 2018. 128 с.: ил.
3. *Pieters Ch.* Annales De L'imprimerie Elsevirienne: Ou, Histoire De La Famille Des Elsevier, Et De Ses Éditions. Charleston : Nabu Press, 2010. 586 с.
4. *Uppuke D.B.* Printing types, their history, forms, and use; a study in survivals: in 2 vol. Cambridge : Harvard University press, 1922. Vol. 1, XXXII, 276 с., л. ил. грав.
5. *Willems A.* Les Elzevier: histoire et annales typographiques / par Alphonse Willems. Bruxelles: G.A. van Tright, 1880. [4], CCLX, 608, [2] с., л. ил. грав.
6. *Аронов В.Р.* Эльзевиры. Москва : Книга, 1975. 116 с., ил.
7. *Богданов А.П.* Основы филолиграноведения: история, теория, практика. Москва : Эдиториал УРСС, 1999. 335 с.
8. Эльзевиры: каталог коллекции. 2-е изд., доп. Москва : ГПИБ, 2012. 168 с. (Из истории книжных коллекций).
9. Bibliothèque Nationale de France : [сайт]. URL: <https://data.bnf.fr/en/32849633> (дата обращения: 16.11.2019).
10. Bernstein. Memory of paper : [сайт] / The Bernstein Consortium, Institute for Medieval Research, Austrian Academy of Sciences. URL: <http://www.memoryofpaper.eu/> (дата обращения: 10.11.2019).

REBROVA N. The research problems of attribution process concerning the rare book editions of 17th century. the exemplar from the collection of the Scientific Library of the Russian Academy of Arts "Recoeil des memoires et conferences sur les arts et les sciences presentées a Monseigneur Le Dauphin" (1673)

Rebrova Natalya — Chief Librarian of the Rare Book Department

Scientific Library of the Russian Academy of Arts, Centre of Scientific Institutions of the Russian Academy of Arts, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: rebrova.natalya@gmail.com

ABSTRACT

The study is focused on the research problems of attribution process concerning rare book editions of 17th century, considering the exemplar "Recoeil des memoires..." (1673, J.-B. Denis). In the process of determining the authenticity and establishing the publication's belonging to the products of the Elsevier's publishing house, the information resources necessary for working with 17th century publications were used, on the basis of which the final result of the attribution process were performed.

Key words: printing, history of printing, Elsevier, Research Library of the Russian Academy of Arts, attribution.

УДК 608.2
ББК 78.359

Е.А. Тилева, И.В. Цевелёва, Ю.А. Романова

РАЗРАБОТКА ИНФОРМАЦИОННЫХ КАРТ ПО СОХРАННОСТИ В КОНСЕРВАЦИИ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ ФОНДОВ БАН

Тилева Екатерина Анатольевна — кандидат биологических наук, заведующая отделом, научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tilekaterina@yandex.ru

Цевелёва Ирина Владимировна — ведущий инженер, научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: itseveleva@yandex.ru

Романова Юлия Андреевна — ведущий инженер, научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: puchok95@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Количество документов, требующих консервации, в фондах библиотек постепенно увеличивается. Быстрое и информативное описание уровня сохранности документа и имеющихся у него повреждений возможно при использовании разных, соответствующих типу документа информационных карт. Анализ полученной информации проводится с помощью электронных фактографических баз данных по сохранности.

Ключевые слова: сохранность документов, консервация документов, информационная карта по сохранности, сохранность библиотечных фондов, база данных по сохранности.

В реалиях сегодняшнего дня одна из важных функций современных библиотек остаётся практически неизменной: библиотеки вместе с другими учреждениями образования и культуры обеспечивают процесс сбора, предоставления, трансляции и циркуляции научной и культурной информации [1, 2]. Однако, ряд авторов отмечает, что цифровая революция привела к тому, что современные библиотеки вынуждены адаптироваться к новым условиям распространения и доступности информации, искать возможности включения в систему управления информационными потоками и даже вынуждены доказывать свою необходимость [3].

Кроме функции предоставления для современного читателя быстрого и полного доступа к информационному потенциалу и интеллектуальному содержанию документов из своих фондов, в том числе уникальных и ценных, на библиотеки возложена и другая задача: используя комплекс современных информационных технологий и консервативных средств добиться наилучшей сохранности фондов. При этом важно реализуемыми мерами обеспечения сохранности не создавать препятствий для доступа к информационному потенциалу документов.

В этих условиях охрана физической целостности документов — сложная и многоаспектная задача, которая сегодня решается применением сочетания современных консервационных и информационных техноло-

гий, научно обоснованной реставрации, стратегий превентивной консервации, создания современных автоматизированных систем, обеспечивающих мониторинг и регулирование условий хранения.

Физическая сохранность фондов библиотек зависит от многих факторов:

- стратегий хранения, применявшихся ранее;
- экологических условий и естественного старения;
- эксплуатационных нагрузок;
- свойств и качества материальной основы документов, большинство из которых, скорее всего, не предназначались для длительного хранения;
- современного материально-технического оснащения.

В сегодняшнем обеспечении сохранности многое зависит от имеющихся условий и режима хранения, квалификации и подготовки хранителей, от адекватного условиям применения доступных консервационных методов и технологий. Например, в условиях невозможности регулирования микроклимата хранилища своевременный перевод документов в форму фазового хранения, обработка и пластификация переплетов, инкапсулирование листовых документов позволят в имеющихся, ненормативных условиях хранить фонд лучше.

Количество документов в фондах библиотек и архивов, состояние которых требует профессионального внимания специалистов, увеличивается с каждым годом [4, с. 157; 5]. Поэтому требования к методикам, повышающим сохранность документов, смещаются в сторону быстрых, обратимых и наименее трудоемких, наиболее массовых и доступных в плане материального обеспечения методов.

Но прежде, чем какие-либо консервационные вмешательства могут быть назначены и осуществлены, необходима точная, надежная и достаточно детальная информация об уровне физической сохранности конкретного документа, собрания, коллекции и фонда в целом. И, как показывает сегодняшний опыт, в этой области пока не выработано универсальных методов и решений. Многие библиотеки, архивы и музеи предлагали свои решения этой задачи [6–9].

В БАН работа с технологией фактографического описания документов и с информационными картами для описания сохранности фондов ведется с 90-х годов [10]. Фактографические БД по сохранности и информационные карты рассматривались как важный компонент [7] комплексной системы обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций, первые публикации сотрудников БАН о разработке информационных карт и об анализе сохранности документов, о планировании консервационных мероприятий относятся к этому времени [10, 11].

Для получения информации о сохранности фонда и для разработки плана мероприятий по ее обеспечению в архивах и библиотеках проводится комплексное обследование документов, которое включает экспертизу их физического состояния и фиксацию полученной в ходе экспертизы информации, паспортизацию [6, 10, 11, 12]. В процессе описания и исследования библиотечных коллекций принимают участие хранители фонда, консерваторы, реставраторы, биологи, химики.

Постепенно фактографические БД по сохранности и информационные карты стали важной частью консервационной практики в БАН. Использование информационных карт при оценке сохранности позволяет структурировать процесс описания сохранности документов и формализовать его.

Учитывая возрастающий объем фондов и ограниченность временных и человеческих ресурсов, обследование каждого документа и оценка его сохранности должны быть проведены наиболее информативными и щадящими методами в самые краткие сроки.

В этой связи особенное значение приобретает технология фактографического описания и структура информационной карты, по которой проводится описание документов.

Необходимо по возможности избегать сложных способов описания, внесения объемных комментариев и пояснений, которые также ведут и к временным затратам при вводе в электронные БД. Кроме того, карта, по которой описывают сохранность документа, должна быть специфичной для данного типа документов и учитывать его характеристики — карты и книги, вложения, таблицы и рисунки требуют разного описания. Для листовых документов, книг, географических карт, документов большого формата разработаны свои варианты информационных карт [12–14].

С одной стороны, информация о сохранности должна быть как можно более точной и детальной, с другой — сам процесс обследования документа не должен приводить к длительным временным затратам, поскольку обеспечение сохранности больших массивов документов возможно только с применением массовых технологий, когда каждый этап консервации проходит достаточно быстро.

Только после изучения физической сохранности материалов, из которых состоит документ, можно выносить суждение о возможности дальнейшего пользования и экспонирования, определять объем дальнейших консервационных и реставрационных мероприятий.

В настоящее время специалисты обращаются к доступным аппаратным неразрушающим исследованиям и информационным картам, поля и таблицы которых не требуют внесения обширных текстовых данных и задают определенный алгоритм исследования состояния документа и описания его сохранности.

Информационная карта (ИК) для описания сохранности листовых документов и рисунков состоит из шести блоков на 4 листах [12, 14].

Карта включает:

- Библиографическое описание (раздел заполняет хранитель фонда) (см. Таблицу 1).
- Материаловедческое описание (заполняют консерваторы).
- Результаты фотофиксации (фотографирование документа выполняется в соответствии с реставрационными требованиями, в цвете, со шкалой и этикеткой) и/или диаграмма локализации повреждений.
- Описание повреждений основы, изображения и монтировочного листа с указанием времени осмотра и проведения анализов.
- Консервационные и реставрационные мероприятия, как назначенные, так и выполненные.
- Общая оценка сохранности документа (в баллах).

Последние три раздела с течением времени в ходе мониторинга дополняются.

Таблица 1. Фрагмент информационной карты.
Библиографическое описание рисунка

Шифр		Инв. номер		Дата	
Номер рисунка		Порядковый номер в коллекции		Том	
				№ тетради	
Автор рисунка					
Лица, имеющие отношение к рисунку					
Название рисунка					
Название тетради					
Описание рисунка					
Место создания, изготовления			Время создания, изготовления		
Пометы		Печать художника	Первоначальный Академический штамп	Записи	
Описание помет					
Экспозиционная привлекательность		Экспонирование			Наличие копии
КОММЕНТАРИЙ					

Источник: разработано авторами

Комплекс характеристик, по которым проводится описание документа, включает множество (как правило, несколько десятков) показателей, в том числе результаты исследований материальной основы документа неразрушающими методами и показатели оценки сохранности, основанные на экспертных суждениях специалистов (т.н. балльные и атрибутивные значения) [12–14]. Так, например, оценивается общая физическая сохранность документа по шкале от 0 до 5 баллов, по балльным шкалам оценивается и степень физико-механических повреждений бумаги, чернил, красочного слоя.

Особо стоит сказать о диаграмме локализации повреждений. Эта диаграмма представляет собой часть информационной карты (см. рис. 1), а ее изображение присоединяется к соответствующей записи в БД. Не всегда фотофиксацию удастся провести одновременно с описанием сохранности и консервационными работами, и в этом случае диаграмма локализации повреждений дает возможность быстро и подробно зафиксировать информацию об имеющихся повреждениях материальной основы документа.

Незаполненная диаграмма отображения повреждений представляет собой схематическое изображение листа документа с перечнем условных обозначений различных повреждений документа (потертости, пятна, нарушения целостности листа, повреждения красочного слоя, фоксинги и др. — см. рис. 1.)

При визуальном осмотре документа специалист, описывающий повреждения штриховкой, соответствующей типу повреждения, от-

Лист № 2

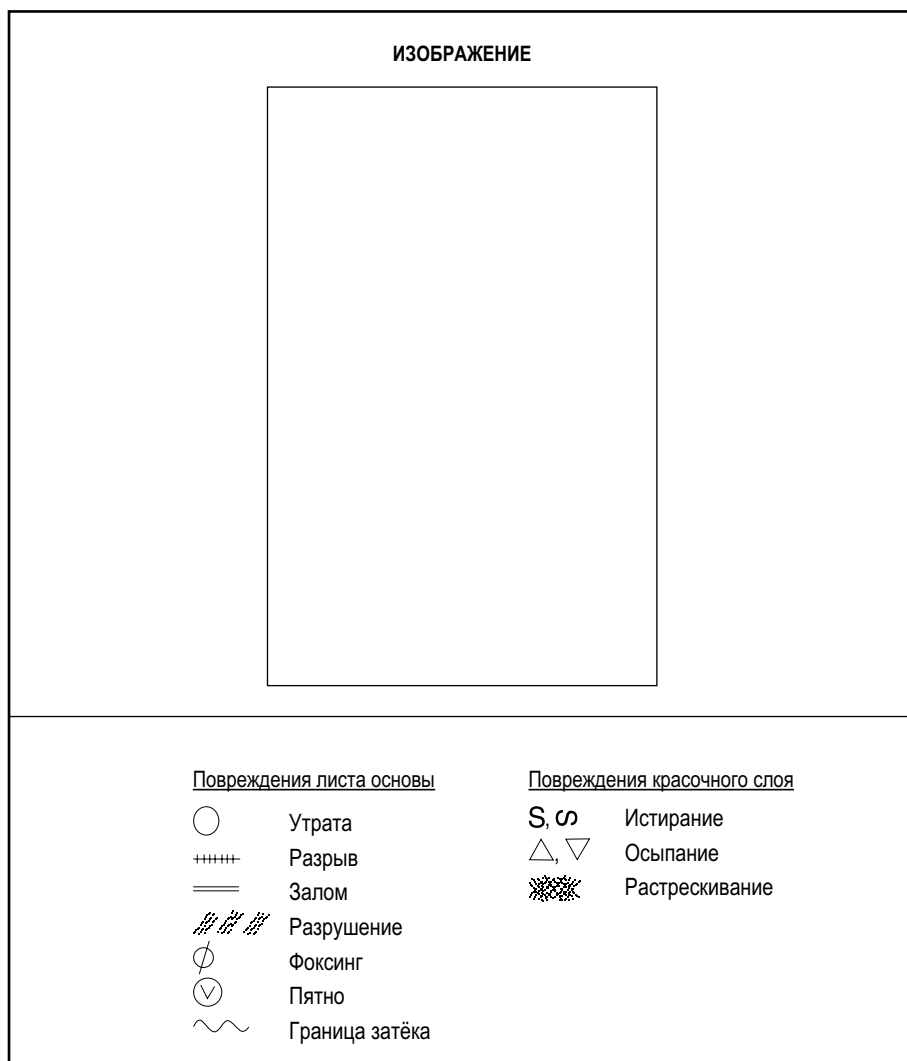

Рис. 1. Отображение повреждений документа в информационной карте

мечает их локализацию, протяженность и примерную величину поврежденного участка, с учетом масштаба диаграммы и оцениваемого документа.

Такой способ фиксации информации о положении различных типов повреждений нами был позаимствован из опыта японских коллег во время работы с коллекцией ботанических иллюстраций японской флоры Ф.Ф. фон Зибольда [12, 14], этот подход позволяет избежать внесения обширных текстовых комментариев и примечаний, описывающих локализацию, размер и расположение различных повреждений относительно друг друга, и значительно экономит время. В настоящий момент из коллекции ботанических рисунков японской флоры [18], включающей около семи сотен единиц хранения, более 300 прошли консервацию и оценку физической сохранности по разработанной нами для такого типа документов информационной карте.

Кроме того, имеющиеся на диаграмме отметки о повреждениях легко могут быть формализованы и включены в анализ показателей и характеристик сохранности документа по следующим параметрам:

- обозначенная площадь повреждения;
- тип повреждения;
- расположение повреждения:
 - близость к центру/краям листа,
 - расположение на изображении, тексте или на свободном поле.

Электронный вариант ИК для каждого исследованного и прошедшего обработку рисунка включен в фактографическую базу данных (БД). Обращаясь к базе данных, можно ознакомиться как с сохранностью отдельного листового документа или рисунка, так и с аналитическими данными о сохранности всего массива прошедших консервацию документов.

Кроме того, в информационную карту вносятся данные о консервационных и реставрационных мероприятиях, которые были выполнены в ходе работы с документом.

Надо отметить, что за 5 лет работы с информационной картой для листовых документов в ее поля и шкалы вносили изменения, которые позволяли более точно описать состояние документа. Так, в части материаловедческого описания появилась дополнительная информация о способе крепления рисунка к монтировочному листу, если таковой был (Таблица 2).

Таблица 2. Фрагмент информационной карты.
Часть материаловедческого описания рисунка

РАЗМЕРЫ			СПОСОБ КРЕПЛЕНИЯ
Лист основы	Длина:	Ширина:	
Монтировочный лист	Длина:	Ширина:	Доступность оборотной стороны:

Источник: разработано авторами

Ещё одно изменение в этом блоке. В 2017 г. «доступность оборотной стороны» характеризовали по атрибутивной шкале «да/нет» при доступности и недоступности для осмотра соответственно.

Но позже, в ходе работ с коллекцией выяснилось, что для части рисунков обратная сторона, в зависимости от способа крепления к монтировочному листу, может быть доступна для исследования и обработки только частично. Поэтому шкалу уточнили и внесли еще одно значение — когда обратная сторона рисунка «доступна частично».

При переходе к новым обозначениям каждому уровню доступности оборотной стороны присвоили код, где 0 — недоступна, 1 — доступна частично, 2 — доступна полностью. При необходимости анализа по этому параметру массива всех обследованных рисунков можно перейти к предыдущей, более грубой шкале, коды 1 и 2 объединить под значением «да», а значение 0 отнести к категории «нет».

Особое внимание следует уделить оценке повреждений. Повреждения изображения и текста рисунков можно подразделить на повреждения красочного слоя рисунка, текста и повреждения, которые вызваны красочным слоем (из-за химического состава красок и чернил)

и повреждают лист основы (бумага). Красочный слой рисунка может истираться, осыпаться и растрескиваться, чернила имеют склонность к прохождению на обратную сторону листа, к растеканию, угасанию и выпадению строчных мест. При наличии таких повреждений они указываются отметкой в соответствующей графе в информационной карте (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Фрагмент информационной карты.
Повреждения изображения и текста

ИЗОБРАЖЕНИЯ, ТЕКСТ			
КРАСОЧНОГО СЛОЯ	ТЕКСТА		КРАСОЧНЫМ СЛОЕМ
Истирание	Прохождение чернил		Красками
Осыпание	Растекание чернил		Железо-галловыми чернилами
Растрескивание	Угасание		Другое
Другое	Выпадение строчных мест		
	Другое		
СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ	СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ		СТЕПЕНЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ
КОММЕНТАРИЙ			

Источник: разработано авторами

Возможны случаи, когда бумага, на которую нанесён рисунок, повреждена материалами, из которых выполнен сам рисунок: красками или железо-галловыми чернилами — такие повреждения указываются в подразделе «Повреждения красочным слоем».

После описания и оценки всех повреждений эксперт оценивает степень сохранности графического документа в целом (строка «общая оценка сохранности») и определяет допустимость экспонирования и наличие у документа на момент осмотра экспозиционного вида. Располагая такой информацией для массива документов можно определить объем и характер работ, которые требуются для того, чтобы подготовить документы к выставке.

Общая оценка сохранности документа первоначально, при разработке информационной карты в 2017 г., давалась по пятибалльной шкале: от 0 — низкая, плохая сохранность, «руинированное» состояние документа, до 5 — высокая сохранность, без необходимости консервационных и реставрационных вмешательств. Но оказалось, что требуются промежуточные значения — например, когда необходимы консервационные вмешательства очень небольшого объема. Поэтому в шкалу сохранности были внесены промежуточные значения: 0,5; 1,5; 2,5; 3,5; 4,5 (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Оценка сохранности рисунка

Общая оценка сохранности											Наличие экспозиционного вида	
(0 — низкая, 5 — высокая)	0	0.5	1	1.5	2	2.5	3	3.5	4	4.5	5	Допустимость экспонирования

Источник: разработано авторами

В настоящее время в наши задачи входит установление взаимосвязи и вклада каждого типа повреждений (повреждения листа основы, красочного слоя, текста, монтировочного листа) в общую оценку сохранности документа, которую дают эксперты [15]. Попытки оценить вклад каждого типа повреждений в интегральный показатель сохранности предпринимались и ранее, но не были реализованы в полной мере в связи с недостаточностью материально-технической базы и доступных информационных технологий [16].

Кроме того, важно учитывать, что существенное значение имеет для оценки сохранности локализация повреждений. Эксперты по-разному оценивают сохранность документа с повреждениями примерно одного типа и площади, но разной локализации — в центре листа, на полях или на изображении/тексте. И несмотря на то, что эксперты, описывающие повреждения документов, находятся в общем профессиональном поле и оперируют одними и теми же понятиями, в их оценках присутствует некоторая субъективность: одни оценивают повреждения более жестко, чем другие.

Также оценки экспертов зависят от общего уровня сохранности всех документов, включенных в партию для работы — это создает определенный фон, настроенность восприятия. На фоне большого числа документов с отличной сохранностью единичные повреждения отдельного документа оцениваются как более существенные, а в партии, где документы повреждены примерно одинаково, эффекта контраста не возникает, и сходные повреждения описываются мягче [17, с. 74–88].

В ближайшее время нами планируется провести квалитетрическую оценку различных типов и уровней повреждений, установить их связь экспертной оценкой общей сохранности документа. Это позволит оценить значимость и вклад каждого типа регистрируемых повреждений в оценку физической сохранности документа и построить математическую модель, и выявить критичные и наиболее существенные для сохранности типы и уровни повреждений документов.

Сведения информационных карт могут использоваться для оценки текущего состояния того или иного документа не только до, но и после экспонирования, изготовления копий, а также после интенсивной эксплуатации или аварийных ситуаций, что позволяет оперативно и качественно выявлять изменения в состоянии документов и корректировать планы стабилизационных мероприятий.

Вместе с ростом количества документов, нуждающихся в первичной оценке сохранности, увеличивается потребность в проведении постоянного мониторинга состояния документов, сохранность которых исследована, а также мониторинга состояния документов, прошедших консервацию.

Информация о сохранности документа важна не только для оценки его состояния и планирования дальнейших консервационных мероприятий и реставрации, но и для определения потенциала информационной доступности: возможности и интенсивности экспонирования и использования в будущем.

Список источников

1. Дворкина М.Я. Функции библиотеки в культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 5(55). С. 152–156.
2. Матвеева Е.А. Библиотека как институт культуры общества // Омский научный вестник. 2003. № 4 (25). С. 49–53.
3. Дутчак Е.Е., Полежаева Т.В., Шепель М.О. Университетская библиотека в цифровой среде: приглашение к обсуждению // Наука и научная информация. 2019. Т. 2. № 1. С. 53–62.
4. Добрусина С.А., Подгорная Н.И. Оценка состояния фондов библиотек и архивов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4(37). С. 157–164.
5. Нюкша Ю.П. Парадигма консервации для современной научной библиотеки // Материалы VII Междунар. конф. «Збереження, дослідження, консервація та експертиза пам'яток культурного насліддя» / ННІЦРУ. Київ, 2009. С. 210–213.
6. Добрусина С.А., Саноцкий В.И., Чернина Е.С. Экспертиза состояния и паспортизация библиотечных фондов: учеб. пособие / РНБ. Санкт-Петербург, 2005. 32 с.
7. Комплексная система обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций / В.П. Леонов, И.М. Беляева, Ю.П. Нюкша, Л.Г. Левашова, Е.В. Старова, Р.И. Естафьева // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 14–15 февраля 2003 г.). Санкт-Петербург : БАН, 2003. С. 30–37.
8. Научный подход к консервации документов и оценка степени их разрушения / О.И. Перминова, Т.И. Степанова, А.И. Шарикова, В.Н. Попунова // Румянцевские чтения : Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции (Москва, 17–18 апреля 1997 г.) / Российская государственная библиотека. Москва : Российская государственная библиотека, 1997. С. 37–38.
9. Havermans J., Marres P., Defize P. The Development of a Universal Procedure for Archive Assessment // Restaurator. International Journal for the Preservation of Library and Archival Material. 1999. Vol. 20, Issue 1. P. 48–55.
10. Система информационного обеспечения работ по консервации и реставрации библиотечных фондов в Библиотеке Российской Академии наук / И.В. Азарова [и др.] // Применение ЭВМ в информационно-библиотехнологии: Сб. науч. тр. / БЕН РАН. Москва, 1995. С. 30–32.
11. Использование фактографических баз данных по превентивной консервации для сохранения документов / Л.Г. Левашова [и др.] // Библиотечное дело — 2001: российские библиотеки в мировом информационном и интеллектуальном пространстве. Тезисы докладов Шестой международной научной конференции. Министерство культуры Российской Федерации, Московский государственный университет культуры и искусств. 2001. С. 154–155.
12. Использование современных информационных технологий в сохранении книжных памятников из фондов БАН (на примере собрания Радзивиллов) / И.М. Беляева, Е.В. Чилиева, Е.А. Тилева, М.А. Белинская // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2. С. 27–31.
13. Консервация и реставрация ботанических рисунков из коллекции Ф.Ф. фон Зибольда «Flora japonica delineationibus» / Е.А. Тилева [и др.] // Исследование и реставрация рукописей: материалы конференции — 2019 [Санкт-Петербург, 17–18 сентября, 2019 г.] / отв. ред. М.В. Корогодина. Санкт-Петербург : БАН, 2020. С. 120–128.
14. Романова Ю.А., Тилева Е.А. Информационные карты по сохранности как инструмент современной консервации // In Situ. 2022. № 5. С. 13–19.
15. Катыева Я.В., Белинская М.А., Боримова А.А. Информационная карта как основа для получения оценки сохранности библиотечных коллекций // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. С. 79–84.
16. Левашова Л.Г., Андреева К.И., Блюмберг М.И. Квалиметрическая оценка и физико-химические исследования состояния документов // Советские архивы. 1989. № 3. С. 73–76.

17. Привалов В.Ф. Обеспечение сохранности архивных документов на бумажной основе : Метод. пособие / Федер. арх. служба России, Всерос. НИИ документоведения и арх. дела. Москва : Росархив. ВНИИДАД, 2003. ISBN 5-902258-06-5.

18. Черная Т.А. «Рисованная японская флора» доктора Зибольда и ее 200-летняя история. Санкт-Петербург : Арка, 2019. 304 с.

TILEVA E.A., TSEVELEVA I.V., ROMANOVA J.A. The improvement of information cards on preservation for rare and valuable documents from the library collections of the RASL

Tileva Ekaterina — Candidate of Biological Sciences, Head of the Scientific Department of Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tilekaterina@yandex.ru

Tseveleva Irina — Lead Engineer of the Scientific Department of Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: itseveleva@yandex.ru

Romanova Julia — Lead Engineer of the Scientific Department of Preservation and Restoration of Library Funds

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: puchok95@mail.ru

ABSTRACT

The number of books, manuscripts and other units held by the libraries and requiring conservation is gradually increasing. Various information records corresponding to the document type make it possible to describe the degree of the document integrity and eventual damage quickly and comprehensively. The information obtained is analyzed using electronic factographic databases on integrity.

Key words: documents preservation, documents conservation, card information on preservation, library collections preservation, database on preservation.

УДК 76.026.4
ББК 85.03(4)/85.03(8)

Т.И. Виноградова

РАННИЕ КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МРАМОРНОЙ БУМАГЕ

Виноградова Татьяна Игоревна — кандидат исторических наук, заведующий отделом, научно-исследовательский отдел

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olsaa@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются средневековые китайские источники, описывающие возможные китайские прототипы того, что в европейской традиции называется мраморной бумагой. Сведения немногочисленны и крайне расплывчаты. При отсутствии конкретных образцов мраморной бумаги в старом Китае это заставляет усомниться в расхожей версии о китайском происхождении технологии изготовления бумаги путем переноса изображения с поверхности воды на бумагу. Между тем подобные технологии декорирования бумаги существовали в Китае и в средние века, и уже в Новое время.

Ключевые слова: мраморная бумага, эбру, суминагаси, Чжан Янь-юань, Су И-цзянь, Цянь Цунь-сюнь.

Под мраморной бумагой (*marbled paper*) будем понимать декоративную бумагу, окрашенную с помощью переноса и фиксации на листе изображения, созданного на поверхности воды. Об этом написано очень много, существуют региональные стили (Турция — эбру, Япония — суминагаси, европейская викторианская бумага), общность их происхождения и связь между ними не очевидна.

Большинство пишущих о технологии мраморирования указывают на ее возможное китайское происхождение, в современных китайских справочниках утверждается, что метод возник в Китае две тысячи лет назад [1]. Эта дата — рубеж тысячелетий, начало новой эры по европейскому летосчислению, время реставрации династии Хань и формирования китайской имперскости — традиционно служит в Китае для датировки возникновения явлений и методов, которые в реальности датировке не подлежат. Заметим, что бумага была изобретена в Китае лишь в 105 г., т.е. несколько позже, чем будто бы возник оригинальный метод ее окрашивания. Биография сановника Цай Луня (50–121), помещенная в официальной истории империи Поздняя Хань (Хоу Хань шу, V в.), сообщает, что в 105 г. им был подан доклад трону об изобретении нового дешевого и доступного материала для письма взамен тяжелых бамбуковых планок и дорогого шелка.

Самые ранние дошедшие до наших дней образцы бумаги относятся к V в. Технология Цай Луня совершенствовалась; делали разную бумагу для разных целей: для рукописей, для ксилографов; заботились о прочности, сохранности и внешнем виде: подкрашивали бумажную массу в желтый цвет корой амурского дуба для защиты от насекомых, отбеливали готовый продукт. Делали декоративную и техническую бумагу,

рыхлую и дешевую бумагу для ритуального сжигания. Исторические источники перечисляют множество различных сортов бумаги и особенностей ее изготовления: «Мы узнаем места производства бумаги, знаменитых мастеров, дававших свои имена тем или иным сортам, и другие сведения, по которым можно в деталях проследить развитие процесса производства бумаги и ее распространение в Китае. Однако здесь перечисление всех этих данных было бы слишком громоздким, а сами данные при отсутствии конкретных образцов часто остаются неясными» [2, с. 105]. Верно и противоположное: есть большое количество образцов старой бумаги, которые не могут быть соотнесены с имеющимися описаниями.

Производство бумаги в Китае переживало периоды взлетов и падений. Удобный, дешевый и практичный материал расходился по всему миру, на Восток и на Запад.

Попытки разыскать что-либо в ранних китайских источниках о китайской мраморной бумаге приводят к парадоксальным результатам. Прежде всего, неизвестно китайское слово, которым бы обозначалась эта технология.

В Японии мраморная бумага известна как «суминагаси» 墨流し «плавающая тушь» (sumi — тушь, nagashi — поток). Термин явно японский, в словарях старого китайского языка бином 墨流 молю не фиксируется. Встречается и утверждение, что декоративно-прикладное искусство молю также называлось 水影画 шуйин хуа, буквально «рисунок с водяными тенями», но такое словосочетание отсутствует даже в самых больших китайских словарях.

Выражение «мраморный орнамент» 大理石纹饰 далиши взньши — калька с европейских языков, в Китае, где мрамор бело-черный, такая ассоциация не возникла бы. Дали — местечко в провинция Юньнань, где добывался наиболее известный сорт китайского мрамора с белой текстурой и черными зернами.

Однако в старых китайских источниках можно найти под разными названиями описания разных техник, напоминающих процесс мраморирования.

Первым можно назвать сочинение, составленное танским художником Чжан Янь-юанем 張彥遠 (815–907) 法書要錄 «Шуфа яолу» «Антология [текстов по] каллиграфии», сборник текстов о каллиграфии и каллиграфов с древности до времени жизни составителя.

В одном месте этого текста весьма туманно сказано о некой бумаге, «смазанной маслом», буквально «подвергнутой воздействию масла», но не поясняется, как именно и для каких целей [3].

Другой отрывок более пространный. Сообщается о популярном каллиграфе первых лет правления под девизом Кайюань (император Сюаньцзун, 713–741), Сяо Чэне 蕭誠 (?–?), который «...хорошо делал пятнистую как камень бумагу для письма, используя дикую коноплю из Сишани и злаковые из Гочжоу, пять цветов блестели, весьма необычно» 善造班(=斑)石文紙, 用西山野麻及虢州土穀, 五色光滑, 殊勝 [4].

Другой, наиболее часто цитируемый в связи с «китайской мраморной бумагой» текст написан двумя столетиями позднее, т.е. во времена, когда уже широко стал применяться ксилографический метод печати, в связи

с чем многое в производстве бумаги изменилось: если бумага для каллиграфии и рукописей была плотной и более рыхлой, то для ксилографии искали способы получения тонкой, но плотной бумаги.

Трактат Су И-цзяня 蘇易簡 (958–997), южносунского писателя и поэта, под названием «Четыре сокровища кабинета ученого¹» 文房四譜 Вэньфан сы пу был завершен в 986 г. Су И-цзянь, помимо прочего, был крупным чиновником и организатором науки, возглавляя в 985–993 гг. императорскую Академию Леса кистей Ханьлинь, учреждение, ведающее собиранием, сверкой, комментариями официальных и канонических текстов. Он по долгу службы был знаком с технологиями письма и печати, был также собирателем и библиофилом.

Итак:

蜀人造十色笺，凡十幅为 一 榻。每幅之尾，必以竹夹夹之，和十色水逐榻以染，当染之际，弃置捶埋，堆盈左右，不胜其委顿。逮干，则光彩相宣，不可名也。然逐幅于方版之上研之，则隐起花木麟鸾，千状万态。

又以细布，先以面浆胶令劲挺隐出其文者，谓之鱼子笺，又谓之罗笺。今剡溪亦有焉。

亦有作败面糊，和以五色，以纸曳过令沾濡，流离可爱，谓之流沙笺。亦有煮皂笺子膏，并巴豆油傅于水面，能点墨或丹青于上，以姜搵之则散，以狸须拂头垢引之则聚。然后画之为人物，研之为云霞，及鸷鸟翎羽之状，繁缛可爱。以纸布其上而受采焉，必须虚窗幽室，明槃净水，澄神虑而制之，则臻其妙也。近有江表僧于内庭造而进之，御毫 一 洒，光彩焕发 [5].

«В Сычуани делали бумагу десяти цветов, все 10 полос бумаги составляли одно полотно. Конец /хвост/ каждой полосы нужно зажать бамбуковыми тисочкам, все 10 цветов нужно пропустить через пресс для изгнания воды и окрасить. В процессе окрашивания отбрасывать лишнее, чтобы сформировать ровную стопку, делать это без усталости. Когда высохнет, проявятся яркие цвета, у них нет названия. Таким образом, прогоняете полотнище через квадратную доску, придавливаете это сверху. Тогда проявляются цветы и птицы, единорог и феникс, тысяча лиц и 10 тысяч форм.

Еще: при помощи нежной ткани сначала покройте поверхность клеевой массой, чтобы все скрытые знаки с силой выступили наружу, это называется юйцзы цзянь “бумага-рыбья икра” или лоцзянь “бумага-сито”². Нынче есть также в Яньси.

Также делали сухую клейкую пасту из стручков³, использовали пять цветов, бумагу натягивали, чтобы намочить, расеять красоту, это называлось люша цзянь “бумага с текучим песком”⁴. Нагретую мыльную массу, также как и кротонное масло, распределяли по поверхности воды, можно было по поверхности писать тушью или красной и синей краской, краски рассредотачивались, когда добавляли имбирь, и собирались вместе, когда взбивали грязными шерстинками енота⁵. Затем рисовали

¹ Имеются в виду кисть для письма, бумага, тушь и тушечница.

² Заметим, что цзянь — не общее название бумаги (чжи), а первоначально название дощечки для письма; потом слово стало обозначать почтовую бумагу, визитную карточку, т.е. нечто непременно твердое.

³ Стручки Гледичии китайской *Gleditsia sinensis*, сильный инсектицид.

⁴ Здесь тот же глагол лю «течь», что и в слове «суминагаси», но течет не тушь, а песок.

⁵ Не очень понятен пафос, вероятно, обязательно нужно было, чтобы шерсть для собирания рисунка на воде была покрыта перхотью, никак не очищена.

человеческие фигуры, раскатывали в облака и зарю, также проявлялись очертания крыльев хищных птиц, красочно и мило».

Далее автор пишет, что нужно это делать при свете у окна, чтобы было много чистой воды, в спокойном и уравновешенном состоянии, вот недавно одному монаху во внутреннем дворе это удалось.

Именно этот третий метод с использованием пасты из стручков рассматривается исследователями как наиболее соответствующий технологии мраморирования бумаги. Так считал известный историк Китая, профессор чикагского университета Цянь Цунь-сюнь (1910–2015), разобравший этот источник в своей книге «Бумага и печать», вышедшей в серии под патронажем Джозефа Нидема «Наука и цивилизация в Китае» [6, с. 94].

Его выводы повторяет Ричард Вольфе в своей монографии о мраморной бумаге [7, с. 6]. Изложим кратко основные положения: описания Су И-цзяня достаточно расплывчаты, чтобы можно было по ним что-либо понять, вероятно, потому, что к тому времени, когда он писал свою книгу, в его распоряжении уже не было конкретных образцов так орнаментированной бумаги, и он не мог ни описать ее саму, ни лично увидеть процесс изготовления и побеседовать с мастерами, даже несмотря на его высокую должность в Академии [6, с. 94].

Сунские авторы, современники Су И-цзяня, очень много и подробно писали о разных технологиях, это были и специальные трактаты, и главы в обширных энциклопедиях, так называемых «ежедневных». И ни на одной из этих десятках тысяч страниц полезных сведений не нашлось другого описания процесса декорирования бумаги.

Возникает вопрос, что собственно увидели и позаимствовали японские монахи в XII в. в китайских монастырях, как это часто пишут в рассказах о возникновении японской мраморной бумаги, когда уже в X в. китайский чиновник высокого ранга, библиофил, имеющий доступ ко всем источникам своего времени, не располагал конкретными образцами!

Завершим разговор о качестве исследований о происхождении мраморной бумаги цитатой из Р. Вольфе об Альберте Хэммерле (Albert Haemmerle): «...наш величайший авторитет по ранним декоративным бумагам просто пишет, без документации, что предшественники мраморирования были уже известны в Китае во времена Мин, когда в ходу была писчая бумага, раскрашенная от руки, и что немногим позднее ее заменила подлинная техника мраморирования с использованием танка или ванны (метод, который был позднее известен в Японии как суминагаси)» [7, с. 5]. Это яркий пример того, с какой осторожностью нужно относиться к не подкрепленным историческими источниками заявлениям даже самых авторитетных специалистов. Мин правила в Китае в 1368–1644 гг., это большой период. От какого момента отсчитывать «немногим позднее»? Суминагаси же была известна в Японии задолго до Мин. Складывается впечатление, что А. Хэммерле просто перепутал Мин и Сун (960–1279)!

Цянь Цунь-сюнь приводит сведения о сунской и минской декоративной бумаге, получаемой при помощи многоцветной ксилографии и искусной подкраски от руки, об уникальной технике сложного пере-

плетения белых и черных полос бумаги, так, чтобы получился рисунок. Такие художественные бумаги использовались как почтовые, для каллиграфии, как бумаги для заметок или контрактов. Однако сведения именно о мраморной бумаге относятся исключительно к изготовлению визитных карточек, так, в XIX в. были известны образцы мраморной бумаги с рисунком «тигровая шкура» в желтом цвете, «орех бетель» зеленый и розовый, а также «золотые пузырьки». К сожалению, приводимые в книге Цянь Цунь-сюня иллюстрации черно-белые [6, с. 96].

В коллекции китайских почтовых конвертов, собранных В.М. Алексеевым в 1906–1907 гг., есть образцы конвертов с рисунком, напоминающим упомянутую «тигровую шкуру» — желтые пятна на желтом или оранжевом фоне, их довольно много, например ЛТ-5110 [8] и ЛТ-5083 [9]⁶. Наиболее подробно о коллекции конвертов В.М. Алексеева написано в статье Л.Н. Меньшикова, но без информации о технологии [10, с. 311]. Заметим, что конверты, как и визитные карточки, делаются из плотной бумаги, в отличие от турецкого и японского мраморирования. Также возможно предположить, что такая бумага делалась уже под влиянием европейских технологий, массированно проникающих в Китай в начале XX в.

В тайваньской социальной сети Facebook много записей о том, как в разных районах Китайской Республики энтузиасты возрождают забытое искусство, ссылки по понятным причинам давать не буду. По описанию и иллюстрациям технология очень похожа на японскую суминагаси, и вероятно, это именно она и есть, так как Тайвань с 1895 по 1945 год находился под японской оккупацией, и островитяне могли адаптировать японскую традицию.

Можно констатировать, что технология изготовления мраморной бумаги в Китае в той или иной форме существовала, но отсутствие образцов, скудность и невнятность письменных свидетельств не позволяют поддержать распространенное утверждение о том, что она была широко распространена и могла сыграть решающую роль в возникновении этого искусства в других странах.

Список источников

1. Льющаяся тушь — традиционное ремесло, зародившееся в Китае, но достигшее зрелости в Японии. Молю, имэнь циюань юй Чжунго, Цюэ цзай Жибэнь фачжань чэншу дэ чуаньгун шоуи // 墨流, — 一门起源于中国, 却在日本发展成熟的传统手艺! — 每日头条. URL: <https://kknews.cc/culture/xm3m5vg.html> (дата обращения: 04.10.2022).

2. Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга вторая. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 103–222.

3. Чжан Янь-юань 張彥遠. «Шуфа яолу» «Антология [текстов по] каллиграфии» 法書要錄 // 法书要录 — 中国哲学书电子化计划. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=382011&searchu=%E6%B2%B9&remap=gb> (дата обращения: 04.10.2022).

⁶ Изображения можно просмотреть на сайте Государственного Эрмитажа, вставив инвентарные номера в строку поиска экспонатов.

4. Чжан Янь-юань 張彥遠. «Шуфа яолу» «Антология [текстов по] каллиграфии» 法書要錄 // 法書要錄 — 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=382011&searchu=%E9%87%8E%E9%BA%BB> (дата обращения: 04.10.2022).
5. Су И-цзянь 蘇易簡. Четыре сокровища кабинета ученого. 文房四譜 文房四譜 Вэньфан сы пу // 文房四譜 : 卷四 — 中國哲學書電子化計劃. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=641630&remap=gb> (дата обращения: 04.10.2022).
6. Tsien Tsuen-Hsui. Paper and Printing. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. 504 p. (Science and Civilisation in China: Volume 5. Chemistry and Chemical Technology. Part 1 / Joseph Needham, Tsien Tsuen-Hsui).
7. Wolfe Richard J. Marbled Paper: Its History, Techniques, and Patterns : with Special Reference to the Relationship of Marbling to Bookbinding in Europe and the Western World. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1990. XVI, 245 p., [38] p. of plates : ill.
8. Конверт: на оранжевом пятнистом фоне красная скала и сосуд с травой // Государственный Эрмитаж. Коллекции онлайн. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/286720?index=37&paginator=album&albumId=1441341495> (дата обращения: 04.10.2022).
9. Конверт: на желтом фоне зеленая печать и красные иероглифы // Государственный Эрмитаж. Коллекции онлайн. URL: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/286693?index=54&paginator=album&albumId=1441341495> (дата обращения: 04.10.2022).
10. Меньшиков Л.Н. Китайские коллекции академика В.М. Алексеева (лубок, эстамп, почтовая бумага и художественный конверт) // Страны и народы Востока. Вып. I. География, этнография, история. Москва : Издательство восточной литературы, 1959. С. 302–313.

VINOGRADOVA T. Early Chinese sources on marbled paper

Tatiana Vinogradova — Candidate of Historical Sciences, Research Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olsaa@rusl.nw.ru

ABSTRACT

The article deals with medieval Chinese sources describing possible Chinese prototypes of marbled paper to use the European term. This information is scarce and extremely vague. The absence of concrete samples of marbled paper in ancient China calls into question the popular version of the Chinese origin of the decorating paper technology by transferring an image from the water surface to the list. Meanwhile, similar technologies existed in China in the Middle Ages, and already in the New Age.

Keywords: marbled paper, ebru, suminagashi, Zhang Yan-yuan, Su Yi-jian, Tsien Tsuen-Hsui.

УДК 821.521+017/0.19-091
ББК 76.103(4)/76.103(8)

В.С. Фирсова

ЯПОНСКАЯ КНИЖНАЯ ДЕКОРАТИВНАЯ БУМАГА (VIII–XIII вв.)

Фирсова Варвара Сергеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела литературы стран Азии и Африки БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: varvarafirsova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье описываются основные виды декоративной книжной бумаги Японии. На VIII–XIII вв. приходится расцвет ее использования для записи буддийских сутр и художественных произведений. Приводится описание нескольких видов декоративного оформления книжной бумаги, а также рассматриваются их примеры в рукописи «Антология 36 великих поэтов» нач. XII в.

Ключевые слова: книга, Япония, история книги, декоративная бумага, суминагаси.

Японская бумага у себя на родине уже давно признана национальным достоянием, хорошо известна она и западному миру. Еще в XIX веке на международной выставке в Париже в 1879 г. японская бумага удостоилась всеобщего восхищения.

Японская бумага отличается на вид от европейской: она более матовая, мягкая и не такая гладкая. Подмечая эти особенности, японский писатель Танидзаки Дзюнъитиро (谷崎潤一郎, 1886–1965) в своем знаменитом эссе по японской эстетике «Похвала тени» писал о японской бумаге следующее:

«Говорят, что бумага — изобретение китайское. В то время как в европейской бумаге мы видим только предмет практической необходимости, и ничего больше, при взгляде на бумагу китайскую или японскую мы воспринимаем от нее какую-то теплоту, доставляющую нам внутреннее успокоение. Одна и та же белизна носит совершенно иной характер в бумаге европейской, с одной стороны, и в бумаге японской хосё либо белой китайской тоси — с другой. Поверхность европейской бумаги имеет склонность отбрасывать от себя лучи, в то время как поверхность хосё и тоси мягко поглощает в себя лучи света, подобно пушистой поверхности первого снега. Вместе с тем листы этих сортов бумаги очень эластичны на ощупь и не производят никакого шума, когда их перегибаешь или складываешь. Прикосновение к ним дает то же ощущение, что и прикосновение к листьям дерева: бесшумности и некоторой влажности» [9, с. 318–319].

Бумага была изобретена в Китае в первом столетии нашей эры, и уже в III в. достигшие берегов Японии китайцы и корейцы преподносили в дар японским правителям книги; вероятно, что это стало также первым знакомством японцев с бумагой. Например, один из первых конфуцианских проповедников Вани прибыл в Японию из корейского царства Пэкче и привез с собой в Японию конфуцианский трактат «Лунь юй»

(яп. «Ронго» 「論語」), а также учебник по иероглифической письменности «Тысяча иероглифов» (яп. «Сэндзимон» 「千字文」) [2, с. 5].

Согласно исторической хронике «Нихонсёки» (720 г.) изготовление собственной бумаги началось в VII веке, спустя пять веков после ее изобретения в Китае. Это произошло во время царствования императрицы Суйко, когда прибывший в Японию из княжества Когурё монах Дамджинг или, в японском варианте, Донтё (僧曇徴, годы жизни неизвестны) познакомил японцев с технологией производства бумаги и чернил. Интересно, что также он научил японцев работать с жерновками, которые приводятся в движение водными мельницами. Возможно, что с технологией изготовления бумаги японцы могли познакомиться и раньше, однако именно Донтё вошел в историю как первый, кто открыл им секреты изготовления бумаги. Довольно скоро японцы адаптировали и усовершенствовали технологию изготовления бумаги в соответствии с собственными нуждами и климатическими условиями. В основном бумагу изготавливали на основе сырья из конопли, шелковицы и растения гампи [6, с. 13–14]. Для записи текстов использовалась бумага, получившая название «тори-но ко» (鳥の子 досл. «птичьи дети», под которым имеется в виду скорлупа яиц, цвет которой был характерен для этой бумаги).

Вскоре был изобретен японский уникальный способ изготовления бумаги путем отделения твердых фракций от жидкости (технология *nagасисуки* 流し漉き). Для ускорения процесса применяли потряхивания. Также в раствор начали добавлять порошок из корня растения абельмош маниоковый (яп. ネリ нэри), в результате чего по качеству японская бумага стала одной из лучших для своего времени [6, с. 14]. Для окрашивания применяли различные красители, а для придания узоров добавляли краситель, сделанный на основе растений. Цвет бумаги мог быть однотонным, но также зачастую раствор не размешивали до однородного состояния, и в результате помешивания и потряхивания на сите жидкой бумажной основы получались интересные узоры в виде дождевых туч (内曇り *утигумори*), облаков (飛び雲 *тобикумо*) и различные сетчатые орнаменты (羅文紙 *рамонси*) [3].

Самые ранние образцы декоративной книжной бумаги относятся к эпохе Нара (710–794 гг.): до наших дней сохранились тексты сутр, нанесенные на бумагу разных цветов (см. цветную вклейку: ил. 70). Окрашивание бумаги должно было не только выполнять эстетическую функцию, но также способствовать сохранности рукописи, так как входящие в состав красителя компоненты защищали бумагу от книжных насекомых-вредителей.

Расцвет декоративной бумаги пришелся на эпоху Хэйан (794–1185). Искусство оформления бумаги достигло своей высоты, и она стала применяться для записи не только религиозных текстов, но и художественных произведений, а также в качестве бумаги для писем. Бумагу, используемую для записи текстов, называли «рё:си» (料紙), а окрашенную бумагу иногда также называли «сомэгами» (染紙). В эпоху Хэйан продолжали совершенствовать технологии по окрашиванию и декорированию бумаги.

В одном из стихов знаменитого японского поэта Фудзивара Томоидэ (藤原知家, 1182–1258) также можно встретить упоминание об окрашенном листе бумаги:

心をばよしなき色に染紙のうたて払はでちりつもるらん [4]

Кокоро о ба ёсиноми иро ни сомэгами но утагэ харавадэ тирицумору ран

Мысли моей души, подобно листьям,
Беспричинно продолжают падать
На окрашенный лист бумаги.
Не смахнуть мне их рукой,
И вот они скопились на бумаге.
(перевод автора статьи)

Можно выделить несколько техник по окрашиванию бумаги:

- Сукидзомэ (漉染め) — краситель добавляют непосредственно в сырьё, из которого изготавливают бумагу;
- Хитакэдзомэ (浸け染め) — окрашивание уже готовой бумаги, путем погружения ее в краситель;
- Хикидзомэ (引き染め) — окрашивание бумаги через нанесение краски с помощью кисти;
- Фукидзомэ (吹き染め) — на ткань кладут форму, а краситель распыляют, в результате чего получается узор [4].

Существовало несколько наиболее часто используемых в эпоху Хэйан приемов декорирования книжной бумаги.

1. Лоскутная бумага *цугигами* (継紙).

2. Китайская бумага (караками) — технология декорирования, вероятно заимствованная из Китая, при которой с помощью слюды на поверхности бумаги отпечатывают узор.

3. Вкрапление кусочков серебряной фольги гинпаку (銀箔) и золотой фольги кинпаку (金箔) [5, с. 49].

Лоскутная бумага представляет собой лист, склеенный из разных бумажных фрагментов. Существовало несколько вариантов их склейки (см. цветную вклейку: ил. 71). Если склейка происходила по ровному краю, то тогда такой шов называли *кирицуги* (切り継, «отрезанный шов»), если по неровному — *ябурицуги* (破り継, «рванный шов»). Был также прием, при котором сперва разрывалось несколько слоев разноцветной бумаги, а затем слои немного сдвигались и только после этого склеивались, в результате чего образовывался шов с красивым переходом цвета; такой вид шва получил название *касанэцуги* (重ね継, «многослойный шов»). Для склеивания использовался клеевой раствор. Склеенные листы были разных цветов, и получавшиеся в результате страницы были разноцветными, с изящными акцентами, а сами швы склейки создавали иллюзию объемного рисунка.

Одной из красивейших и известных рукописей, написанных на декоративной бумаге, является «Антология 36 бессмертных поэтов» (「三十六人家集」), принадлежащая храму Нисихонгандзи.

Антология была составлена Фудзивара Кинто (966–1041), который отобрал стихи 36 поэтов, живших в VIII веке и позже. Наиболее вероятный год окончания создания рукописи — 1110 г. К ее созданию приложили руку разные каллиграфы и художники из среды придворной аристократии. В 1590 г. оригинал рукописи был передан в хранилище храма Нисихонгандзи, и на протяжении трех веков он находился там, скрытый от людских глаз, до тех пор, пока в 1896 году рукопись не была обнару-

жена исследователем японской поэзии Оогути Тайдзи (1864–1920). Рукопись превосходно сохранилась и является вершиной книжного оформительского искусства эпохи Хэйан (794–1185). В антологии применено сразу несколько разных техник оформления бумаги: лоскутная бумага, нанесение печатного узора, вкрапления кусочков фольги, а также окрашивание бумаги с помощью техники *суминагаси*, которая представляет собой создание узоров на бумаге с помощью воды и туши, в результате чего получается эффект мраморной бумаги.

Рукопись состоит из 39 томов, 5 из которых были переписаны во времена эпохи Эдо (1603–1868). Количество листов значительно отличается в зависимости от тома: от 5 (собрание стихов поэта Тосиюки) до 43 листов (собрание стихов Ки-но Цураюки) [Сандзюрокунинсю]. По переплету рукопись представляет собой книгу типа *дэтёцудзури* (粘葉綴) — сложенные пополам листы, которые склеены между собой вдоль линии сгиба, и вероятно, пришитым переплетом (последний иероглиф в названии типа книги 「綴」 переводится как «сшивать»; это указывает на то, что хотя бы часть страниц, вероятнее всего, переплет, были прошиты). Переплет выполнен из тонкого шелка. Каждый лист является уникальным произведением искусства: текст стихов нанесен на листы декоративной бумаги, оформление которых не повторяется. Согласно данным, полученным японской исследовательницей Мияути Тика, которая проанализировала страницы нескольких томов антологии, страницы с насыщенным декором чередуются со страницами с простым оформлением, но выявить какую-то определенную закономерность в порядке расположения не удалось [5, с. 59–60, 63]. Рассмотрим несколько листов антологии из разных томов, чтобы ознакомиться с разными декоративными техниками.

На листе (см. цветную вклейку: ил. 72) применена техника распыления серебряной пудры. Метелки травы мискантуса и летящие птицы нарисованы серебряной краской, а пять лепестков цветов сливы вырезаны из кусочков фольги. Красками нарисованы колесо повозки и ствол сливового дерева. Интересно, что здесь одновременно изображено два символа разных времен года: слива — символ весны, мискантус — осени. В целом иллюстрации не имеют прямого отношения к тексту, расположенному на листе, который представляет собой небольшое прозаическое введение Ёсинобу к собственной поэтической антологии. Однако образы сливы и мискантуса часто встречаются в японской классической поэзии, а колеса, сплавляемые пореке, являются классическим мотивом в японской живописи.

Лист (см. цветную вклейку: ил. 73) со стихами одного из первых великих поэтов Японии Ямабэ Акахито оформлен с помощью декоративного приема лоскутной бумаги *ябурицуги*, хотя на первый взгляд может показаться, что это просто картина, выполненная красками. В действительности тут применено два вида бумаги — окрашенная в темно-синий цвет бумага *тори-но-ко* и бумага *караками* белого цвета с тканевым узором. Их сочетание создает впечатление уходящей в море косы. Сосны и летящие вдаль птицы нарисованы серебряной краской, ею же подчеркнуты контуры неровного морского берега, что передает ощущение холодного снежного зимнего пейзажа. Распыленные мелкие кусочки

фольги напоминают падающий снег. За счет того, что это не просто живопись, а клеенная бумага, пейзаж кажется объемным и динамичным, в нем отлично передается красота зимнего бурного моря и покрытого снегом берега. Вероятно, именно по причине того, что лоскутная бумага *ябурицуги* создаёт такой эффект, эта декоративная техника часто применяется в книжном оформительском искусстве эпохе Хэйан [8, с. 68].

Ямабэ Акахито знаменит прежде всего своими стихами, воспевающими красоту природы, но интересно, что, как и в большинстве других случаев рукописи «Антологии 36 бессмертных поэтов», написанные на листе стихи не перекликаются с картиной и художественным мотивом, изображенным на бумаге. Приведенные на данном листе стихи Акахито посвящены весне. Лишь в одном стихе встречается образ идущего снега, но в целом, настроение стиха не совпадает с запечатленным суровым зимним пейзажем.

Страница из сборника стихов поэта Осикоти-но Мицунэ (859–925) (см. цветную вклейку: ил. 74) окрашена под мрамор с помощью техники *суминагаси* (墨流し). С помощью плотных красок на воде создается узор, затем при окунании бумаги в воду этот узор переносится на поверхность листа. Эта техника была хорошо известна в древней Японии и использовалась при окрашивании тканей и бумаги. В стихотворении № 465 антологии «Кокинвакасю» (「古今和歌集」, 905) поэта Ариварано Сигэхару приведена красивая аллегория, в которой мраморная бумага *суминагаси* сравнивалась с клубящейся весенней дымкой.

春霞 ながしかよひち なかりせば 秋くる雁はかえらざらまし

Харука **суми нагаси** каёидзи накарисэба акикуру кари ва каэразарамаси

Словно тушь на воде,
Клубится весенняя дымка —
И не зная пути,
Никогда не смогли бы гуси
До родных гнездований добраться
(перевод А.А. Долина) [1, с. 196].

Также страница со стихами украшена достаточно крупными кусочками фольги и часто повторяющимся изображением травы мискантус.

В стихах Осикоти Мицунэ, приведенных на данной странице, звучит мотив ночи, луны и одиночества, и видимо, это тот редкий случай, когда стихи перекликаются с тематикой оформления страницы. Разводы от *суминагаси* создают атмосферу ночного тумана и таинственности, чем усиливают эффект стихов.

Интересно, что стихи антологии другого прославленного японского поэта Ки-но Цураюки (866–940), темой которых тоже является ночь, также написаны на мраморной бумаге.

Уже с глубокой древности японцы относились к книге как предмету изобразительного искусства, уделяя много внимания ее художественному оформлению. Достигнув своего расцвета в эпоху Хэйан, в последующие столетия техника создания декоративной бумаги перестала развиваться как самостоятельное направление в книжном оформительском искусстве. Тем не менее, сохранившиеся до наших дней книжные рукописи, воплотившие эстетические представления средневековых японцев,

до сих пор продолжают восхищать и вдохновлять своей утонченностью и изяществом.

Список источников

1. Кокинвакасю — Собрание старых и новых песен Японии / пер. со старояп., предисл. и коммент. А.А. Долина. Санкт-Петербург : Гиперион, 2001. 432 с.
2. Матида Сэйси 町田誠之. Сёсоин-но ками 正倉院の紙 [Бумага сокровищницы Сёсоин] // Ками-па гикёси 紙バ技協誌. 1972. Т. 26. № 1. С. 4–8.
3. Матида Сэйси 町田誠之. Рёси 料紙 [Японская письменная бумага]. [Электронный ресурс]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%96%99%E7%B4%99-659248> (дата обращения: 30.09.2022).
4. Матида Сэйси 町田誠之. Сомэгами 染紙 [Японская окрашенная бумага]. [Электронный ресурс]. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9F%93%E7%B4%99-555295> (дата обращения: 30.09.2022).
5. Мияути Тика 宮内千佳. Хэйан дзидай но рё:си со:сёку (Нисихонгандзи сандзю:рокунин сю: ни окэру со:сёку гихо: но хикаку о тю:син ни) 平安時代の料紙装飾 (西願寺本三十六人家集における装飾技法の比較を中心に) [Декоративная бумага эпохи Хэйан (на основе сравнительного анализа оформительских техник свитка «Антологии 36 бессмертных поэтов» храма Западного Хонгандзи)] // Тэцутакукай-си философический журнал. 1986. № 10. С. 49–64.
6. Сёдзи Асамидзу 庄司浅水. Нихон-но сёмоцу — кодай кара гэндай мадэ 日本の書物 — 古代から現代まで [История японской книги: с древности до наших дней]. Токио : Бидзюцу сюппанся 美術出版社, 1978. 256 с.
7. Сандзюрокунинсю (Нисихонгандзи хон садзюрокунин касю) 三十六人家集 (西本願寺本三十六人家集) [«Антология 36 поэтов» («Антология 36 поэтов храма Хонгандзи»)]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hakubi-koubou.com/hakubi/36nin-syuu.html> (дата посещения: 30.09.2022).
8. Танигути Ёсиро 谷口吉郎. Ябурицуги 破り継 [Декоративно-оформительская техника ябурицуги] // Гэйдзюцусинтё 藝術新潮. 1963. Т. 14. № 2. С. 68.
9. *Танидзакэ Д.* Похвала тени. Москва : Азбука-классика, 2001. 384 с.

FIRSOVA V. Paper decoration in Japanese books in the 8th–12th centuries

Firsova Varvara — PhD in history, Researcher at Department of East and African literature Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: varvarafirsova@yandex.ru

ABSTRACT

The article introduces the main types of decorative book paper in Japan, which was used to document Buddhist sutras and literary works in the 8th–12th centuries. The various types of decorative designs of book paper are described, and these examples are contained in the manuscript “Collection of Thirty-Six Anthologies” (beginning of the 12th c.).

Key words: Japan, decorative book paper, suminagashi, history of books.

УДК 74(560/566)+003.517
ББК Щ125.9(5Ту)

О.Н. Курова

ТУРЕЦКОЕ ИСКУССТВО ЭБРУ В ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Курова Ольга Николаевна — младший научный сотрудник ОЛСАА БАН
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются первые упоминания и заметки западных писателей, путешественников и мыслителей, содержащие сведения о турецкой мраморной бумаге, самые ранние из которых относятся к XVI–XVII векам. В этих работах можно встретить описания турецкого искусства эбру, техники его изготовления, а также оригинальных образцов турецкой мраморной бумаги. Вслед за знакомством с эбру, на Западе началось и его изготовление, ставшее в первой половине XVII века очень популярным у европейских мастеров.

Ключевые слова: мраморная бумага, эбру, Турция, Европа.

Эбру является одним из видов традиционного тюрко-исламского искусства. Это искусство украшения бумаги, техника которого заключается в разбрызгивании нерастворимых в воде красок на специально подготовленный раствор и создании рисунка при помощи палочек из розы и кистей из конского волоса, с последующим переносом полученного изображения на бумагу. Относительно происхождения этого слова существует несколько точек зрения. Согласно одной из них, свое название искусство приобрело от персидского слова «эбри» (ebro — облачный) благодаря получавшемуся на воде узору, напоминавшему по форме облака. Согласно другой версии, название произошло от чагатайского слова «эбре» (ebre — волнистая или с прожилками, муаровая ткань, бумага и прочее). Версия о том, что слово «эбру» уходит корнями в чагатайский язык, приводит к выводу, что это искусство восходит к Чагатайскому периоду в Туркестане (XV век). Этот вид искусства возник и стал применяться с целью производства цветной бумаги, использовавшейся для изготовления обложек для буклетов и тетрадей. Другая версия о персидских корнях слова «эбру» гласит, что оно произошло от персидского «аб-ру» (ab-ru — поверхность воды). Однозначного ответа, какая из этих версий наиболее точная, на данный момент нет. Однако тот факт, что в старинных трактатах искусство эбру всегда упоминается как «ebre», несомненно служит аргументом в пользу первой версии о происхождении этого названия. Приблизительно в начале XX века, вероятно, из-за более гармоничного звучания, искусство стало называться «эбру» [1, с. 14–15].

До сих пор точно неизвестно, где и когда зародилось искусство эбру. Историки эбру единодушно утверждают, что корни его находятся в Средней Азии. Имеются свидетельства, доказывающие, что эбру, выполненное почти в той же манере, каким мы знаем его сегодня, изготавливалось в XIII веке в Туркестане и Самарканде, а в XIV веке — в ок-

рестностях Герата и Тебриза. Эбру, в точности, как и бумага, распространялось с Востока на Запад посредством Великого шелкового пути и других торговых дорог [2, с. 27, 28].

Начиная с конца XVI века традиционное искусство эбру начало вызывать интерес в кругах аристократии и интеллигенции Европы, и сначала было неразрывно связано с определением «турецкое». Большинство интересовавшихся историей эбру исследователей сходились на том, что это искусство пришло в Европу с Востока через османов. Наряду с вещественными доказательствами, а также европейскими текстами, на суть дела проливают свет и те аргументы, что сама европейская интеллигенция называла мраморную бумагу «турецкой бумагой» [3, с. 55].

В XVI веке османский мир был могущественным. Ощущая дыхание этой силы и ища против нее средства, европейская цивилизация, чтобы суметь заполучить новые ресурсы и источники, направилась к морям, встав, таким образом, на путь социальных изменений и индустриализации. В тот же период западные дипломаты, путешественники, священнослужители и ученые старались познакомить общество с османским миром посредством привозимых образцов турецкого искусства, а также заметок, рассказывающих о том, что они увидели в османских странах [3, с. 55–56].

Одной из таких личностей был французский путешественник той эпохи Пьер Белон. В своем трактате «Заметки о многих интересных и редких вещах, обнаруженных в Греции, Азии, Иудее, Египте, Аравии и других чужеземных странах, собранные в трех книгах Пьером Белоном из Мана» (Париж, 1553 г.) он описывает совершенное им в стране османов путешествие так: «... [в Стамбуле] из-за того, что не было типографии, общим правилом было писать на полированной бумаге. Бумага в Турции не производится. Ее покупают у итальянских продавцов, доставляющих ее морским путем. Полировщики кладут бумагу на прочную, изготовленную из древесины самшита, поверхность и начинают совершать по ней вращательные движения, будто бы пишут. Чернилами для этой полировочной работы служат тусклый агат или халцедон, оба конца которого встроены в палку с черенком. И вот таким образом они полируют бумагу, натирая ее, лежащую на доске из самшита, таким приспособлением» [3, с. 56].

Наблюдение Белона относится к 1546 году. Этот путешественник, открывший тему полирования бумаги, а также коснувшийся основных вопросов изготовления бумаги и ее продажи, не оставил каких-либо сведений об искусстве эбру [3, с. 56].

Спустя примерно 50 лет, в 1592 году, австрийская аристократка Анна Мария ван Хойзенштайн-Штархемберг, описывая известному нидерландскому ботанику Карлу Клузиусу имеющие муаровую расцветку тюльпаны, пишет следующее: «из того, что называется турецкой бумагой...». А французский аристократ Пьер де Л'Этуаль дарил своим друзьям «бумагу эбру» и «покрытые бумагой эбру» тетради [3, с. 56–57].

Английские путешественники также посещали Османскую империю, и один из них, Джордж Сэндис, побывавший в 1610 г. в Стамбуле, привез сведения об интересном искусстве. В своем труде под названием «К путешествию, начавшемуся в 1610 году н.э.» (Лондон, 1615 г.) он пи-

шет: «[турки], опуская обычно плотную бумагу в воду и совершая загадочные приемы, украшают ее, раскрашивая узорами в стиле [chamolet]¹» [3, с. 57; 4, с. 72].

Фрэнсис Бэкон, знавший об эбру, вероятно, благодаря Джорджу Сэндису, оставил в своей работе «Сильва сильварум или “Естественная история”» (Лондон, 1627 г.) следующую запись: «У турок есть прелестное искусство, которое называется украшение бумаги в стиле [chamolet], и не осваиваемое у нас. Разбрызгав краски всевозможных цветов каплями по поверхности воды и легко перемешав воду, они опускают в нее бумагу, и бумага приобретает рисунок [chamolet] или под мрамор, волнистый рисунок, рисунок с прожилками» [3, с. 57].

В это время бумага с выполненным в технике эбру узором считается предметом тонкого вкуса в высших слоях Европы и пользуется спросом. Эбру помещаются в альбомы, называемые *album amicorum*², (альбом друзей), также известные под названием *liber amicorum* (книга друзей), коллекции эбру пользуются популярностью [3, с. 57] (см. цветную вклейку: ил. 66).

Великолепным примером *liber amicorum* является книга Иоганна Иоахима Прака фон Аша, который, скорее всего, был дипломатическим атташе из Вены, прикомандированным к османскому двору в Константинополе. Рукопись составлена в период между 1587 и 1612 годами, в основном в Стамбуле, но также и в других регионах, которые Прак посещал во время своих дипломатических поездок. Книга содержит прекрасные образцы османской декоративной бумаги: 71 лист турецкой мраморной бумаги, 167 листов турецкой силуэтной бумаги, проиллюстрирована 140 нарисованными вручную миниатюрами [5] (см. цветную вклейку: ил. 67).

Самое раннее описание эбру, опубликованное в печатном виде, содержится в книге Афанасия Кирхера. Выдающийся ученый, владеющий огромным количеством языков и сведущий в различных науках, Афанасий Кирхер изо всех сил старался зафиксировать все, что он с бесконечным любопытством узнавал. В труде под названием «Великое искусство света и тени», первое издание которого вышло в Риме в 1646 году, автор приводит следующее описание: «**О других красочных искусствах и всевозможных диковинах.** Оставим всем известные виды художеств и перейдем к необыкновенным. В разнообразном искусстве живописи есть турецкое изобретение, благодаря которому лист бумаги раскрашивается иногда как поднимающиеся волны, иногда как мрамор, иногда как пестрые перья птиц, всеми возможными видами и безграничными цветами. Это действительно очаровывающая и изумляющая работа.

Турецкое окрашивание бумаги. Камедь растворяется в чистой воде три дня, до тех пор, пока смесь не станет белой жидкостью. Затем эту жидкость, предварительно процедив, наливают в поддон размером

¹ «Chamolet», известен также под названием «camlet» — изготавливаемый, как правило, из мохера, изысканный и элегантный тип ткани, бывший в моде в XVI веке.

² *Album amicorum* напоминает современный ежедневник — альбом, содержащий заметки, стихи, высушенные цветы, представляющие для владельца какую-либо ценность записи и памятные вещи.

с лист бумаги на уровень двух-трех пальцев. После этого смесь необходимо медленно и аккуратно разбавить, тщательно следя за консистенцией состава, т.к., если раствор будет густым — краски останутся на поверхности без раскрытия, а если будет слишком жидким, то формы будут распределяться неравномерно.

Каждый краситель по отдельности тщательно измельчают на мраморе с добавлением небольшого количества воды, яичного белка, бычьей желчи и называемом нафтой масла, и помещают в небольшие емкости. Консистенция готовой краски должна быть не слишком густой и не слишком жидкой. При помощи кистей равномерными повторяющимися движениями краски разбрызгивают по поверхности раствора; при этом следят за тем, раскрываются ли в желаемой форме на поверхности воды капли красок всех цветов. В краски, не дающие хороших результатов, понемногу добавляют желчь и перемешивают, до получения желаемого результата. После завершения работ по настройке красок они по очереди разбрызгиваются по поверхности раствора. Правил по определенной фиксированной очередности нет, порядок действий мастер вырабатывает посредством проб и экспериментов. Разбрызгивание краски продолжается до тех пор, пока поверхность раствора не будет покрыта краской без пробелов. Еще одна важная характеристика, которую необходимо контролировать — это яркость красок. Краски, живые и яркие сами по себе, могут выглядеть на поверхности раствора бледными и тусклыми. Иногда это дело случая, или происходит из-за плохого качества краски, но в большинстве случаев причиной является добавление слишком большого количества желчи. Кроме того, если в воду поместить больше краски, чем она способна выдержать, то часть этой краски осядет на дно и испортит раствор. Проведенные кистью или гребнем линии не дадут четкого результата, тогда как вся красота и великолепие и состоят в этой четкости линий.

Поскольку множество погружаемых цветов делает поверхность воды похожей на *somaki*³, такой вид окрашивания бумаги получил название “стиль *somaki*”.

Бумагу аккуратно опускают в воду, начиная с одного края листа и постепенно переходя к противоположному краю. Когда все края бумаги соприкоснутся с плоскостью воды, поверхность бумаги легко проглаживают пальцами. Таким образом, оставшаяся по краям поддона краска переносится на лист бумаги. Наконец, бумагу аккуратно снимают за края и оставляют на плоской поверхности на просушку. Если мастер хочет сделать не узор *somaki*, а узоры, похожие на перья птиц или спирали, то подходящий для этого инструмент перемещают в продольном направлении от одной стороны поддона к другой, прочеркивая все пятна краски на поверхности воды. Затем поверхность раствора прочесывают от верхнего края поддона к нижнему при помощи гребня, иглы в котором расположены на одинаковом расстоянии друг от друга, крепко держа гребень и не встряхивая его. В результате круги краски разрезаются линиями, перпендикулярными друг другу, и

³ Под понятием *somaki* имеется в виду *Iaspidis* — яшма (устар. япис) — камень с пестрым или крапчатым рисунком.

получается узор, похожий на перья. После этого при помощи тростинки можно рисовать круги, спирали и разбросанные линии. Все эти действия требуют мастерства.

Если краски остаются на поверхности воды слишком долго, то они начинают оседать на дно и загрязнять раствор. Также сложно заранее сказать, как долго раствор будет работать, понимание этого тоже приходит с опытом. Краски начинают давать искажение и становятся тусклыми. Тогда старый раствор выливают, тщательно очищают поддон и заливают новый раствор» [3, с. 57–60].

Очень похожее описание содержится в книге известного немецкого поэта и ученого Георга Филиппа Харсдёрффера «Физико-математические наслаждения или математические и философские часы наслаждения» (Нюрнберг, 1651 г.), в которой говорится, что оно было взято у математика и знатока восточных языков Даниеля Швентера. Поскольку Даниель Швентер умер в 1636 году, оставленную им характеристику можно отнести к таким же ранним, как и рецепт Кирхера. В этом очерке под заголовком «Изготовление турецкой бумаги и узоров», помимо описания техники подготовки раствора и красок, содержатся также сведения о способе изображения на поверхности воды цветов, например, розы [3, с. 60; 6, с. 523–524].

В своей работе Харсдёрффер приводит такие слова: «Когда я хочу изобразить фигуры на упомянутой бумаге/ как роза/ я бросаю каплю красного цвета/ желтого или синего/ из воды/ на эти капли краски в воде/ я опускаю маленькую каплю/ тогда падают красные/ желтые или синие краски друг от друга/ подобно кругу/ в это пространство я вновь бросаю капли прописанного цвета/ затем снова и так часто и долго как я хочу/ после чего цветок или роза должны вырасти большими/ затем я формирую пером/ тонкий нежный стебель, листья, и тому подобное. Это искусство требует усердия/ и ловкой руки/ что сразу из головы множество вещей можно изобразить на воде/ затем не стоит медлить/ иначе краски осядут на дно»⁴ [6, с. 524].

Вместе со знакомством с искусством эбру, на Западе началось и изготовление его образцов, становившееся все более распространенным в первой половине XVII века. Крупным центром, в котором сильно возрос интерес к эбру, явился Лондон. Известный английский писатель и мемуарист Джон Ивлин, делавший в 1661 году на заседании лондонского Королевского общества, собравшего выдающихся ученых и мыслителей, доклад об изготовлении эбру, нашел более подходящим использовать вместо понятия «турецкая бумага» определение «муаровая бумага». Это явилось признаком того, что эбру постепенно перестало быть эксцентричным предметом и начало оседать в регионах, в которые совсем недавно проникло. Однако термин «турецкая бумага» время от времени продолжал использоваться [3, с. 60–61].

Ко второй половине XVIII века, в одной из основ французского Просвещения — «Энциклопедии, или толковом словаре наук, искусств и ремесел», первый том которой вышел под редакцией Дени Дидро в Париже в 1751 году, заняло свое место среди ремесел и эбру (см.

цветную вклейку: ил. 68); более того, речь шла также и о ремесленниках, создающих шедевры в этом виде искусства: «**Выдержка 384 мраморирование бумаги.** Что означает муар бумаги. Это художественное окрашивание бумаги, результатом которого является напоминающий волны узор. “В конце прошлого века (XVII в.) отец и сын Лебретоны, занимавшиеся художественным искусством, создали шедевры в этой области. Знающие секрет соединения на поверхности бумаги золотых и серебряных нитей с цветными прожилками и волнами, они достойны всяческого одобрения за привнесение в упомянутое ремесло вкуса, разнообразия и богатства”.

Выдержка 385 мраморирование бумаги. Муар бумаги выполняется, прежде всего, для украшения книг и томов. Просушенная бумага полируется до блеска и складывается. Иногда рисунок эбру наносят и на обрез книги. Эту работу выполняет ремесленник, который, подняв обложку, касается срезом блока книги раствора, на поверхности которого выполнен рисунок» [3, с. 61–62].

Сведения об эбру содержатся и в заметке английского священнослужителя Джеймса Хаттона (1715–1795), который после посещения лорда Хартфорда написал своему другу следующее: «Я принес его светлости наш фолиант, которым он остался доволен, а также отчет нашего общества с Правилами и Декларацией, все восемь томов, сшитые воедино мраморной бумагой, изготовленной нашими йоркширскими сестрами. Я также оставил ему образцы всей их мраморной бумаги. Он был добродушен и внимателен» [3, с. 62; 7, с. 467].

Эбру заняло особое место в европейской культуре. В третьем томе изданного в 1770 году несравненного романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» мы находим две страницы настоящей мраморной бумаги [8, с. 21, 22] (см. цветную вклейку: ил. 69).

Кажется, на Западе в этом неподвижном, но красочном отражении воды начался поиск сути всего. Посмотрите, какие слова говорит герой произведения Лоренса Стерна на странице, предшествующей листам мраморной бумаги: «— А скажите, кто была эта Скотинка-хворостинка? — Какой оскорбительный и безграмотный вопрос, сэр, это все равно как если бы спросили, в каком году (от основания Рима) возгорелась вторая пуническая война. — Кто была Скотинка-хворостинка! — Читайте, читайте, читайте, мой невежественный читатель! читайте, или, — основываясь на изучении великого святого Паралипоменона — я вам посоветую лучше сразу же бросить эту книгу; ибо без обширной начитанности, под которой, как известно вашему преподаванию, я разумею обширные познания, вы столь же мало способны будете постигнуть мораль следующей мраморной страницы (пестрой эмблемы моего произведения!), как величайшие мудрецы со всей их пронизательностью неспособны были разгадать множество мнений, выводов и истин, которые и до сих пор таинственно сокрыты под темной пеленой страницы, окрашенной черным» [3, с. 62; 8, с. 20].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Dere Ö.* Ebrû sanatı. İstanbul : İSMEK, 2007. 191 s.
2. *Barutçugil H.* Tarihçe // Türklerin ebru sanatı. Ankara : Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2007. S. 25–34.
3. *Funda T.* Batılı kaynaklarda türk ebru sanatı // Türklerin ebru sanatı. Ankara : Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2007. S. 55–64.
4. *Sandys G.* A relation of a journey begun An: Dom: 1610. Fovre bookes. Containing a description of the Turkish Empire, of Ægypt, of the Holy Land, of the remote parts of Italy, and ilands adioyning. London : Printed for W. Barrett, 1615. 310 p.
5. [Autograph album of Johann Joachim Prack von Asch] : Prack von Asch, Johann Joachim, active 1587–1612, former owner // Internet Archive : [сайт]. URL: https://archive.org/details/gri_33125012902959/page/n555/mode/2up (дата обращения: 08.11.2022).
6. *Harsdörffer G.P.* Deliciæ physico-mathematicæ oder mathemat. und philosophische Erquickstunden. Nürnberg : In Verlegung Jeremiaë Dümlers, 1651. 623 S.
7. *Benham D.* Memoirs of James Hutton, comprising the annals of his life and connection with the United Brethren. London : Hamilton, Adams & Co. PATERNOSTER ROW. 1856. 639 p.
8. *Sterne L.* The life and opinions of Tristram Shandy, gentleman. Vol. 3. London : J. Dodsley. 1770. 248 p.

KUROVA O. Turkish art ebru in European sources

Kurova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

ABSTRACT

The article introduces the first mentions and notes of Western writers, travellers and thinkers containing information about Turkish marble paper, the earliest of which date back to the 16th–17th centuries. In these works, one can find descriptions of Turkish art ebru, the technique of its manufacture, as well as original samples of Turkish marble paper. Following the acquaintance with ebru, its manufacture began in the West, which became very popular with European masters in the first half of the 17th century.

Keywords: marble paper, ebru, Turkey, Europe.

Н.Н. Ванюшкина

ЭБРУ: традиции и новаторство в поколениях турецких мастеров

Ванюшкина Наталья Николаевна — мастер эбру и мраморной бумаги, независимый исследователь Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: nvebru@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье приводится обзор биографических сведений о жизни и творчестве турецких мастеров эбру с XVII века до современности. Автор дает общую характеристику отличительных черт творчества самых значимых мастеров, повлиявших на формирование турецкого эбру, сложившегося благодаря их накопленному опыту. Кроме того, рассматривается вклад современных художников и мастеров эбру в популяризацию данного искусства.

Ключевые слова: эбру, традиционное исламское искусство, искусство Турции, турецкая мраморная бумага, турецкие мастера эбру.

Эбру считается традиционным турецким искусством, хотя время и место его происхождения, его «родина», доподлинно не известны. Эбру в Турции имеет свои особенности, которые появились благодаря накопленному опыту мастеров, тщательному подбору методов и материалов для развития искусства рисования на воде, улучшения форм, узоров и рисунков. В Европе это искусство более известно как «турецкая мраморная бумага». Однако следует отметить, что европейские мастера мраморной бумаги, переняв основы эбру в XVI веке у турков, развивались обособленно [1, с. 9]. Несмотря на активное развитие технологий по производству красок в разных странах мира, Турция остается единственной страной, где можно найти лучших производителей материалов для эбру и мраморной бумаги, которые сохраняют в производстве многовековые традиции и опыт. К сожалению, осталось мало источников, которые могли бы поведать о жизни мастеров Османской Империи. Это тесно связано с одной из особенностей исламского искусства в целом, с «безликостью». Знания передавались от мастера к ученику, и было важно в совершенстве овладеть опытом учителя, не привнося своей «личности» в искусство, которому обучались. Поэтому до наших дней сохранились достоверные знания только о некоторых исключительных мастерах, образующих некую цепь, в которой прослеживается преемственность накопленного опыта.

Старейшим сохранившимся в Турции датированным документом, бумага которого украшена узорами эбру, является произведение «Гуй-и Чевган» (Gûy-i Çevgân) (см. цветную вклейку: ил. 55). Этот альбом со стихами и миниатюрами, повествующими об игре «Чевган» всадников с мячами, датируется 1539 годом и хранится во дворце Топкапы в Стамбуле [2].

Стоит отметить еще одну значительную для истории турецкого эбру работу под названием «Тертеби Рисале Эбри» (Tertib-i Risale-i Ebri).

Это старейшая сохранившаяся работа, датируемая 1608 годом, на которой мастер оставил свое имя, подписав ее «Шебек» (Şebek — мартышка в переводе с турецкого языка). Авторство «Тертеби Рисале Эбри» относят к Мехмеду Эфенди, у которого псевдоним был «Шебек». Он является первым известным в Турции мастером эбру.

Данные работы свидетельствуют о том, что к тому времени искусство эбру было популярным среди каллиграфов в Османской империи и уже имело отличительные особенности [3].

Одним из основополагающих мастеров эбру для Турции является Хатиб Мехмед Эфенди. Он скончался в апреле 1773 г. в пожилом возрасте. Мастер обучался искусству каллиграфии у Исмаила Зюхди Ага. Но настоящую славу ему принесло искусство эбру. В честь Хатиба Мехмед Эфенди был назван особый способ создания узора, который заключается в следующем. На светлом фоне, из красок одного цвета, но разной тональности, добавляются капли разных цветов, из которых с помощью тонкого шила выводятся повторяющиеся формы. Особенно выразительно они выглядят в виде цветов. Во времена правления Султана Ахмеда III произведения каллиграфов меняются и обновляются. На многих работах эбру этого периода обновлений можно увидеть подпись Хатиба Мехмеда Эфенди, на сегодняшний день они хранятся в музеях и библиотеках Турции (см. цветную вклейку: ил. 56). Мастер погиб в пожаре в районе Стамбула Сиркеджи, спасая свои работы эбру [4, с. 29].

Следующим мастером, внесшим значительный вклад в формирование турецкого эбру, является Эдхем Эфенди (1829–1904 гг.). Он родился в узбекской обители (текке) в районе Стамбула Ускюдар, построенной в 1752–1753 гг. и сохранившейся до наших дней.

Знания по ремесленным и прикладным искусствам, в том числе эбру, он получил от своего отца — настоятеля («шейха») Садыка Ефенди. Шейх Ибрахим Эдхем Ефенди был известен как поэт, каллиграф, художник, механик и владел многими другими ремеслами. Текке в его время превратилось в центр культуры. На пятничные собрания сюда приходили ученые, поэты и художники [4, с. 31]. Его работы «Баттал» (battal — «размашистый» с турецкого языка) отличаются яркими, насыщенными синими и розовыми оттенками с добавлением красок из скипидара или льняного масла (см. цветную вклейку: ил. 57).

Неджметтин Окъяй (1883–1976 гг.) (см. цветную вклейку: ил. 58) родился в районе Ускюдар в азиатской части Стамбула. Его жизнь тесно связана с этим округом города. Начиная с 1907 г. на протяжении 41 года он исполнял долг имама и чтеца в Новой Мечети Валиде в Ускюдаре. Был опытным каллиграфом и реставратором книг (см. цветную вклейку: ил. 59).

Мастерству эбру обучался у Эдхем Ефенди. С именем мастера Неджметтина тесно связано формирование в эбру цветочных мотивов, которые плохо удавались другим мастерам до этого. Примечательно, что мастер очень любил выращивать цветы в своем саду на холме Тойгартепе, там он вырастил около 400 видов роз. Примерно с 1917 г. он стал разрабатывать схемы для рисования цветов в эбру: тюльпана, гиацинта, гвоздики и др. Также он отработал способ работы с трафаретом для создания коллажа в технике эбру «Аккасе эбру», используя вещество

гуммиарабик. Мастер преподавал в Школе каллиграфии (Medresetül Hattatin), Школе восточных прикладных искусств (Sark Tezyini Sanatlar Mektebi) [4, с. 34–37].

Мустафа Дюзгюнман (1920–1990 гг.) (см. цветную вклейку: ил. 60) обучался мастерству эбру у своего дяди Неджметтина Окъяй на факультете Восточных прикладных искусств при Государственной академии изящных искусств. Но не смог окончить обучение, так как с юных лет работал в семейном торговом деле. Был талантливым каллиграфом, поэтом, музыкантом. Начиная с 1940 г. на протяжении 40 лет занимался развитием эбру, организовывал многочисленные выставки. Благодаря его деятельности искусство, которое находилось в те года на стадии исчезновения, стало снова возрождаться. Интересно, что в 70-е годы среди населения стало вновь популярным женское имя Эбру. Изучив досконально схемы рисования цветов у мастера Неджметтина, он добавил схему для рисования ромашек. Одну из разновидностей фоновых текстур мастера называют в его честь — «Баттал Дюзгюнмана» (см. цветную вклейку: ил. 61). Из первого и второго слоев краски сначала нужно сделать фон «гель-гит», а затем наносить следующие слои, как в традиционном «баттале». Так как уже в его время в Турции стали появляться разработки новых способов рисования на воде и материалов, он резко выступал за сохранение традиций в эбру [5].

Мастер Альпарслан Бабаоглу родился в Анкаре в 1957 г. В 1980 г. окончил обучение в Англии в степени магистра по специальности инженер-электротехник. После возвращения в Турцию работал по специальности. В 1984 г. посетил занятия эбру во дворце Топкапы в Стамбуле. В 1985 г. познакомился с мастером Мустафой Дюзгюнманом и обучался у него мастерству. Альпарслан Бабаоглу организовал свою первую личную выставку в 1990 г. во Дворце Топкапы. Начиная с этого времени был организатором и участником многочисленных выставок в Турции и других странах. Продолжая и развивая полученный опыт, он так же, как и его учитель Мустафа Дюзгюнман, резко выступает за сохранение рамок и традиций турецкого эбру [6, с. 49] (см. цветную вклейку: ил. 62).

Хикмет Барутчугил (см. цветную вклейку: ил. 63) родился в 1952 году в Малатье. В 1973 году поступил на факультет художественной промышленности Стамбульской государственной академии изящных искусств, специализировался в области художественного текстиля. Во время занятий по каллиграфии познакомился с искусством эбру и решил полностью посвятить себя этому занятию. В 1977 году окончил Академию как дизайнер текстиля, сосредоточил свои художественные искания в сфере эбру. Он продолжил свои исследования и творческую работу в Лондоне, куда был направлен на стажировку в 1978–1981 гг. Его работы можно увидеть во многих музеях, в том числе в постоянной экспозиции Британского музея (Лондон, Великобритания). Также он является автором ряда книг — «Бесконечность цветов», «Цветы, танцующие на воде» и др. В данное время занимает должность преподавателя кафедры традиционных турецких искусств Университета изящных искусств Мимара Синана (Стамбул, Турция). В 1996 г. в районе Ускюдар он создал культурный центр «дом Эбристан», посвященный искусству эбру [4, с. 41–42].

Хикмет Барутчугил разработал кардинально новый для традиционного эбру метод рисования на воде, отличающийся применяемыми материалами и формой. Этот метод назван в его честь — «Барут эбру» [7]. Художник держит в секрете технологию данного метода.

Фирдевс Чалканоглу родилась в 1978 г. в Стамбуле. Окончила университет Думлупынар по специальности бизнес-администрирование. Обучалась мастерству рисования на воде у известного ученика Мустафы Дюзгюнмана Фуата Башара. Участница и победитель многочисленных конкурсов и выставок в технике эбру. В данный момент обладает собственным эбру-ателье [8]. Основу ее работ составляют цветочные мотивы эбру (см. цветную вклейку: ил. 64). Используя традиционные подходы, фоны для цветов, она создает новые собственные схемы рисования цветов, уделяя особое внимание композиции, детализации, насыщенности красок.

Гарип Ай родился в 1983 г., учился в Высшей школе изобразительных искусств, а также получил степень в области Турецкого традиционного прикладного искусства в университете Стамбула. Создает работы как в технике традиционного турецкого эбру, так и в технике «Барут». Создает анимационные представления на воде, воплощая разнообразные сюжеты (см. цветную вклейку: ил. 65).

В завершение следует отметить, что рисование на воде в Турции отличается динамичностью, именно турецкое эбру продолжает восхищать современников из других стран. В 2014 г. искусство эбру было включено в список охраняемого нематериального наследия фонда ЮНЕСКО [9]. Развитие технологий по производству традиционных материалов в Турции способствует их распространению по всему миру. Появление новых методов рисования и распространение традиционных материалов для эбру несомненно поддерживает интерес к накопленному опыту турецких мастеров.

Список источников

1. *Wolfe R.J.* Marbled paper: its history, techniques, and patterns. New Castle, Delaware, 2018. 245 p.
2. Geçmişten Günümüze Ebru Sanatı [Электронный ресурс] // Центр исламских искусств района Байрампаша г. Стамбула : [официальный сайт]. URL: <https://turkislamsanat-lari.istanbul/sayfalar/107/guncel/136/gecmisten-gunumze-eburu-sanati> (дата обращения: 29.09.2022).
3. *Toktas, P.* Türk Ebru Sanatçılarının Kronolojik Olarak İncelenmesi // Akdeniz sanat dergisi. 2012. V. 5, N 9. P. 123–131.
4. *Dere O.F.* Devlet-I Aliyye'den Günümüze Ebrû Sanatı. İstanbul, 2011. 176 p.
5. *Şani A.E.* Ebru üstadı: Mustafa Düzgünman [Электронный ресурс] // Anadolu Agency, 2020 : [официальный сайт]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur-sanat/eburu-ustadi-mustafa-duzgunman/1970041#> (дата обращения: 29.09.2022).
6. *Dere O.F.* Ebru sanatı, tarihçe, malzeme, uygulama. İstanbul, 2007. 191 p.
7. *Barutçugil H.* Ebristanbul. İstanbul, 2003. 204 p.
8. *Firdevs Çalkanoğlu* [Электронный ресурс] // Turkish cultural foundation: [официальный сайт]. URL: <http://www.turkishculture.org/whoiswho/turkish-traditional-art/firdevs-calkanoglu-2480.htm> (дата обращения: 29.09.2022).
9. Ebru: Turkish Art of Marbling [Электронный ресурс] // Сайт министерства культуры и туризма Турции : [официальный сайт], 2021. URL: <https://aregem.ktb.gov.tr/TR-132387/eburu-turkish-art-of-marbling.html> (дата обращения: 29.09.2022).

VANUYSHKINA N. Ebru: traditions and modernity on the example of Turkish masters

Vanuyshkina Natalya — master of ebru and marbled paper, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvebru@gmail.com

ABSTRACT

The article provides an overview of biographical information about life and work of Turkish ebru masters from the 18th century to the present time. The author gives a general description of the distinctive features of art which belongs to the most significant masters who influenced the formation of the “Turkish Ebru”. This art was formed due to their accumulated experience. In addition, the contribution of contemporary artists and ebru masters to the popularization of this art is considered.

Key words: ebru, traditional Islamic art, Turkish art, Turkish marbled paper, Turkish ebru masters.

УДК 069.44+096
ББК 76.10

Т.В. Кульматова

МРАМОРНАЯ БУМАГА В РУССКОМ ПЕРЕПЛЕТЕ ЭПОХИ МОДЕРНА (по страницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам Академического собрания БАН)

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующего ОИАИ БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulmatova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Изложены результаты исследования «Альбома образцов переплетных материалов» из НБ Эрмитажа, 125 листов которого включают мраморные бумаги. На основе наличия в его составе образцов с авторским дизайном П. Керстена «Jugend-Marmor», разработанным в 1899 г., уточнено время создания альбома. Рассмотрен его состав — ассортимент мраморных бумаг рубежа XIX–XX вв. Обзор дополнен рассмотрением материалов из Академического собрания БАН. Выявлены основные особенности мраморных бумаг 1890–1917 гг. Отмечено влияние большого стиля модерн на декоративно-прикладное искусство изготовления мраморной бумаги.

Ключевые слова: декоративные бумаги, книжный переплет, мраморная бумага, модерн, «Jugend-Marmor», Библиотека Академии наук.

Мраморная бумага является важным элементом оформления книжного переплета, предметом декоративно-прикладного искусства, маркером историко-культурного бытования книги, владельческим признаком экземпляра [4, с. 214]. Одним из источников по ее изучению, выявлению ассортимента, видового разнообразия за определенный период являются альбомы образцов от производителей и торговцев, сохранившиеся в архивах, музеях, библиотеках, личных собраниях.

Один из таких альбомов хранится в Научной библиотеке Эрмитажа [1]. Он был описан С.А. Кудрявцевым в каталоге «Эрмитажная библиотека: страницы истории Новейшего времени, 1918–2018» [5]. Альбом представляет собой собрание образцов для работы с покупателями. Происходит он из магазина Ольги Семёновны Сапожниковой, о чем свидетельствует штамп на защитном листе: «Писчебумажная торговля / О. Сап[ожник]овой / Банк[овская линия] № 23. / С.-Петерб[ург]ъ.». Там же сделана запись карандашом: «Прошу сделать / Одну такую образцовую / Книжку / кругомъ въ малескинъ¹. / Как можетъ Крепъ. / Пронумеровать кругомъ П», — распоряжение переплести образцы в один цельнотканевый переплет, видимо, у переплетчика Крепа и сделать сквозную нумерацию. Альбом включает 318 образцов переплетных материалов, в т.ч. 125 мраморных бумаг (л. 75–194, 199–202, 205), которые и станут предметом нашего рассмотрения.

¹ Молескин (англ. — «кротовая шкурка») — толстая, плотная и прочная хлопчатобумажная ткань с начесом на внутренней поверхности и гладкой глянцевиной лицевой стороной. Отличается высокой износостойкостью, хорошо сохраняет тепло, плохо пропускает влагу, используется для защиты от конвективной теплоты и пыли.

Имя купчихи, вдовы О.С. Сапожниковой, приводится в «Адресной книге Санкт-Петербурга» и в справочнике «Весь Петербург» с 1895 по 1917 гг. в разделах «Бумага», «Торговля канцелярскими принадлежностями», «Торговля бумагой, розничная». Адрес предприятия, действительно: Банковская линия, 23 (1895). Адреса проживания Сапожниковой менялись: Гороховая, 73 (1895, 1896), Бассейная, 37 (1900–1902), М. Посадская, 5 (1903). В 1917 г. владельцами указываются бумаготорговцы Сапожниковы Николай и Петр Алексеевичи, предприятие именуется складом, приводится еще один его адрес на Мебельной линии, 37–38 и 59. Писчебумажный магазин указан по адресу: Каменноостровский, 13, есть тел. 7117. Таким образом, магазин Сапожниковой существовал как минимум 22 года: с 1895 по 1917 гг., к 1917 г. перешел к ее сыновьям. К этому времени относится и альбом образцов из Эрмитажной библиотеки.

С.А. Кудрявцев датирует альбом началом XX в. Полагаем, датировку можно немного уточнить, обратившись к составу альбома. Датированными признаками для нас являются листы 199–202, представленные образцами с известным авторским дизайном, разработанным в 1899 г. для Ашшафербургской фабрики декоративных бумаг Дессауэра немецким переплетчиком и мастером мраморной бумаги Паулем Керстеном (1865–1943). Это т.н. «Jugend-Marmor» — вертикальное изображение ветви на фоне традиционного базового рисунка «камень» (см. цветную вклейку: ил. 1–2). Мраморная бумага с этим мотивом неоднократно воспроизводилась в исследованиях [10]. По признанию самого П. Керстена, мотив стебля был заимствован им из турецкой техники рисования на воде («цветочного эбру») [9], но при этом усилен. Художник сосредоточился на вертикали листового побега, сделав его пышным и уходящим в бесконечность: мы не видим ни его начала (основания, корней), ни завершения (цветов, плодов). Фрагментарность образа подчеркивает ощущение здесь и сейчас длящегося, происходящего у нас на глазах, процесса роста и его масштабности: мы не можем своим восприятием охватить все явление. (Вспоминается сказка о волшебных бобах.) Длющаяся живая вертикаль притягивает взгляд и символизирует собой неувядающую жизнь. Об этом говорит и название. Напомним, что «Jugend» по-немецки означает не только юность, молодость, но и большой стиль эпохи, получивший в России название модерн. В России, чуть позже, в 1917 г. похожий мотив зеленого побега возник в работе ученицы К. Малевича Ольги Владимировны Розановой (1886–1918). Она назвала ее «Зеленая полоса». Абстракция напоминает стебель, тянущийся вверх. Современные мастера мраморной бумаги продолжают обращаться к этому мотиву.

Рисунок создавался всего двумя красками, как правило, контрастными. Было много цветовых решений этого мотива. Четыре образца из эрмитажного альбома выполнены в следующих цветовых гаммах: темно-коричневая ветвь на светло-коричневом фоне, темно-синяя на красном, розовая на синем и зеленая на черном. Рисунок лаконичен, даже минималистичен, но достаточно сложен в исполнении. По словам мастера Елены Белозёровой, выполнившей на заказ воспроизведение этого дизайна, большую трудность в рисовании на воде представляет провести прямую полосу, которая здесь является не просто важным элементом,

но композиционной и смысловой доминантой. По словам библиофила Петра Дружинина, этот мотив мраморной бумаги оказался «особенно удачным именно для переплетного дела. Ствол дерева эффектно смотрелся на форзацном развороте, а еще более — на крышках, когда бумага разрезалась пополам, облекая их ветвями» [3, с. 284]. И это действительно так. П. Керстен происходил из семьи переплетчиков, сам был переплетчиком и создавал свой дизайн с учетом того, как он будет смотреться в переплете. Как переплетчик, Керстен известен еще и тем, что изготовил переплет из человеческой кожи, о чем впоследствии написал две статьи [8].

В России известен еще один дизайн П. Керстена 1899 г., напоминающий расположенные в шахматном порядке фонтаны (или слоновьи ноги), — опять же мотив неукротимой мощи (см. цветную вклейку: ил. 3–4). Заключительный рисунок выполнен на двухцветном базовом рисунке «камень». Его образец отсутствует в эрмитажном альбоме. Воспроизведение (на крышках издания 1900 г. в переплете Т.Н. Гагена, сине-черная цветовая гамма) приводится в книге М.В. Сеславинского [6, с. 193, 473]. В фонде Академического собрания есть шесть томов «Писем и бумаг императора Петра Великого» (СПб., 1887–1912. Т. 1–2, 4–6), переплетенных единообразно во владельческий полужокожанный переплет с этой бумагой (сине-зеленая гамма) на крышках. При этом направление рисунка в двух случаях горизонтальное, в четырех вертикальное. Известны варианты в сине-серой и красной-зелено-бордовой гаммах [8, р. 199]. По словам мастера мраморной бумаги Е.В. Белозеровой, рисунок выполнен с помощью специально разработанного гребня типа грабель, у которого в качестве зубьев вставлены вилки.

Итак, наличие четырех образцов мраморной бумаги «Jugend-Marmor» в составе альбома указывает на время изготовления переплета — не ранее 1899 г. и не позднее 1917 г., когда сведения о магазине исчезают из справочников. И, возможно, указывает на немецкое происхождение материалов альбома в целом, по крайней мере, на одного из производителей — баварскую Ашаффенбургскую фабрику декоративных бумаг Алоиса Дессауэра. Все бумаги сравнительно небольшой плотности (около 80 г/м²), с блестящим глянцевым покрытием (лак?). От нескольких, вероятно, самых популярных образцов, отрезаны кусочки (в т.ч. и от четырех образцов «Jugend-Marmor»). На обороте некоторых листов следы красок — свидетельство рукотворной, а не машинной работы — и пометы, выполненные черными чернилами или карандашом: номера (например, «№ 75») и записи количества заказанных листов (например, на об. л. 186: «8 листов»). На обороте л. 175 запись синим карандашом: «марокко / почтой», из которого мы узнаем торговое название мотива (см. цветную вклейку: ил. 5). То же название упоминает и П.П. Волков в своей работе 1875 г.: «Разноцветный или пестрый мрамор, иначе называемый турецкою бумагою, бывает различных сортов, под названиями: лондонского, турецкого, агатового, кожаного, карарского, Воссю, Phantasie-Marmor, Мароккского, Греческого и т.д.» [2, с. 12]. Отметим сразу, что мраморной бумагой раньше назывались не только бумаги, окрашенные в технике рисования на воде с загустителем, но и декоративные бумаги, выполненные в других техниках и подражающие в ри-

сунке мрамору (как например, «кожаный мрамор», который выполнялся непосредственно на бумаге в технике псевдомраморных бумаг). Идентифицировать мотив позволяет дальнейшее описание П.П. Волковым техники: «Гребенные или мароккские мраморы... отличаются большим разнообразием рисунка, приготовляются с помощью гребня или точнее бороны, зубья которой (длиной 1/2 дюйма) расположены в шахматном порядке на некотором расстоянии один от другого, а длина равна ширине бумаги. Составив на поверхности ванны мрамировку..., проводят по ней этим гребнем, один или несколько раз. Вследствие того краски группируются тончайшими жилками и другими фигурами причудливого очертания» [2, с. 17–18]. В таблице 1 «Образцы бумаг Алоиса Дессауера в Ашафенбурге» вклеен образец «мароккский (гребенный мрамор)», который позволяет нам безошибочно определить мотив, выполненный с использованием длинного гребня двумя красками (красной и синей), напоминающий мраморную бумагу, известную в России в XVIII в. как «волнистая бумага», а позднее — «турецкая бумага». И действительно, л. 175 представляет собой такую мраморную бумагу, но по вышеописанному фону (базовому рисунку) еще выполнены завитки.

Какие же мраморные бумаги изготавливались и были популярны на рубеже XIX — XX веков. Что в них общего, что отличает их от предшествующего периода? У нас нет возможности описать все 125 образцов из эрмитажного альбома. Однако значительную их часть можно объединить в группы и сделать их краткий обзор.

Самую значительную группу (44 образца) составляют образцы с одним из классических старинных мотивов мраморной бумаги «*французский завиток*». Он представлен большим числом вариаций. Этот мотив был любим в Европе в XVIII в. Каким он был тогда: ряды завитков (слегка неправильные, подчеркнуто рукотворные), выполненные в нежной пастельной гамме, обычно тремя цветами (голубой/синий, красный, желтый), реже с добавлением четвертого — зеленого. Белый — цвет основы бумаги — активно участвует в общем рисунке: завитки пеняются и напоминают накатывающиеся волны. В рисунке есть легкость, он дышит. Есть ритм, повторяемость, паттерн, но нет математической точности, механистичности. Мотив выполняется в два действия: кистью краска наносится на воду, достаточно крупными каплями, — возникает базовый рисунок «камень», затем шилом или длинным редким гребнем-граблями с широко расставленными зубьями совершаются спиралевидные движения. Типичный образец мраморной бумаги «французский завиток» XVIII в. можно видеть в руках мадам Лемуар на ее портрете кисти Ж.-С. Дюпlessи (1725–1802).

К концу XIX в. появляется невероятное разнообразие вариаций этого мотива. Основная схема исполнения остается прежней. Но между первым и последним действиями появляются промежуточные, в ходе которых создается другой базовый рисунок (фон для завитков): помимо традиционного «камня», появляются рисунки с использованием шила, такие как «шеvron» (елочки) (см. цветную вклейку: ил. 6), рисунок, который мы вследствие отсутствия русского названия предлагаем условно назвать «зигзаги» (соответствует англ. «antique straight», тип. «gel-git»), его выполняют так, чтобы в заключительном основном рисунке про-

смаatrивались белые горизонтальные линии, представляющие собой незакрашенные участки бумаги (см. цветную вклейку: ил. 7). По-другому наносятся краски. Если в XVIII в. все краски наносились крупными каплями, то теперь так наносят только первую краску, создавая однородный фон с легкими белыми прожилками проступающей основы бумаги, а затем украшают его мелкими или средней величины каплями, из которых формируется рисунок завитков (см. цветную вклейку: ил. 8–9). Завитки становятся похожи на раскручивающиеся брызжущие шутихи, а не на мерно и плавно текущие волны (см. цветную вклейку: ил. 10). При создании завитков используют разные гребни типа грабель (у П.П. Волкова — «борона»): более частые — получаются мелкие плотно сбитые, прижатые друг к другу завитки, практически, без фона (см. цветную вклейку: ил. 11–13), более редкие гребни дают завитки крупнее, и располагаются они на некотором расстоянии друг от друга (см. цветную вклейку: ил. 14–16). В ряде мотивов (мелкие завитки) завитки приобретают несколько механистичный вид, их рисунок становится более однообразным. Возможно, на этом этапе начинают применять элементы механизации ручного труда (вращающиеся решетки?).

В ряде случаев переосмысливаются и получают дальнейшее развитие мотивы XVIII в. В то же время в них чувствуется нарочитая антиквизация, отсылка к старинному мотиву. На одном из образцов завитки выполнены с использованием длинного редкого гребня (с расстоянием между зубчиками ~0,5 см), т.е. на «волнистой бумаге» (см. цветную вклейку: ил. 5), или частого (с расстоянием между зубчиками <0,4 см), т.е. «нонпарель» (см. цветную вклейку: ил. 17–19), или на «камне», «причесанном» гребнем без предварительной проработки шилом, что создает эффект стекающей краски (когда элемент рисунка — арки — направлены вниз) и листьев клевера, напоминающих по форме сердечки — когда мелкие одиночные капли разделяются зубчиками гребня пополам (см. цветную вклейку: ил. 20). Еще один старинный мотив «листья» приобретает новое звучание: цветовая гамма сохраняется, но в других оттенках, рисунок становится более изящным и свободным, линия плавной и напоминает, если не «удар бича», то во всяком случае растительные вьющиеся плетистые мотивы модерна (см. цветную вклейку: ил. 21–23).

Меняется и цветовая гамма: традиционные для XVIII в. красный, желтый, синий, зеленый остаются, но имеют другие оттенки — бордовый, оранжевый, цвет морской волны. Широко начинают применяться черный, коричневый. Некоторые образцы целиком выполнены в коричневой или черно-коричневой гамме (см. цветную вклейку: ил. 24–25). Особый интерес представляет образец л. 155 (см. цветную вклейку: ил. 26). Уже в качестве форзаца (издание 1893 г. в переплете В. Нильсона) он воспроизведен в каталоге П.А. Дружинина и А.Л. Соболева [3, с. 203]. Примечателен он тем, что коричневая краска для завитков нанесена уже после создания базового рисунка (выполненного в черно-белой гамме с помощью длинного гребня), поверх него. Это новый прием. Интересен образец л. 128 (см. цветную вклейку: ил. 27) — черный фон с белыми полосами и рассеянными по нему мелкими красными и палевыми брызгами, закручивающимися, словно темная материя с бегущими по ней струнами, в спиралевидные структуры [1, л. 109]. Образы войны

навевает «французский завиток» в коричнево-красной-черной гамме: бесконечные вращающиеся гусеницы танков, падающий в коричневом сумраке снег [1, л. 109] (см. цветную вклейку: ил. 28).

Значительным числом образцов (13) представлена в альбоме мраморная бумага «камень», также являющаяся традиционным старинным мотивом. Но теперь этот мотив выглядит по-другому. Несколько образцов выполнены в единой цветовой гамме (красной, зеленой) на цветной бумаге: бордовые «камни» на красной бумаге, темно-зеленые на зеленой (см. цветную вклейку: ил. 29–30), несколько вариантов в нежной, но яркой розово-голубой (см. цветную вклейку: ил. 31). Некоторые образцы с литографированными золотыми прожилками, выполненными поверх созданного рисунка.

Широко используется мраморная бумага «тигровый глаз» (10 образцов) [1, л. 86–95]. Мотив появляется в середине XIX в., но и к концу века остается востребованным. В это время его начинают делать на цветной бумаге (см. цветную вклейку: ил. 32–33): красной, зеленой, синей [1, л. 86–88, 94–95]. Это новый прием для этого мотива.

8-ю образцами представлены мотивы «букет» (см. цветную вклейку: ил. 34) и «павлин» (см. цветную вклейку: ил. 35–36) каждый. Цветовая гамма либо насыщенная красная, либо коричневая с добавлением черного (см. цветную вклейку: ил. 37). У «павлина» появляется вариация, выполненная более частыми гребнями (рисунок мельче) с намеренным сбоем рисунка: «павлиний хвост» раздваивается (см. цветную вклейку: ил. 38).

Возможно, именно этот мотив («павлин», «павлиний хвост») способствовал появлению названия «бумага павлинье перо», которое библиографы часто используют в описаниях, как правило, в отношении мотивов с использованием гребня. С нашей точки зрения, оно не является научным, т.к. не соотносится ни с определенным мотивом, шаблоном, ни с группой, а является субъективной ассоциацией и применяется к совершенно разным мраморным бумагам. Происходит название, вероятно, из среды антикваров и букинистов советского времени. Библиографы за неимением других сведений вслед за книготорговцами стали так обозначать и описывать мраморную бумагу, если она напоминала им оперение птицы, и делали это на протяжении ста лет, так что теперь это название, в какой-то степени, можно считать историческим. Все же не следует, на наш взгляд, применять его к мотивам более раннего времени — XVIII — первой половины XIX в.: оно возникло позже и не является научным термином. Даже в конце XIX в мы не находим такого названия в литературе. Л.Н. Симонов называет мотивы с использованием только кисти обыкновением «пятнистым мрамором» или «турецким», с использованием гребня — «узорчатым», «перистым», «гребневым» [7, с. 157–159].

«Испанский муар» представлен в эрмитажном альбоме одним образцом [1, л. 76] (см. цветную вклейку: ил. 39). Переплеты с подобной мраморной бумагой (но без золотых прожилок) есть в Академическом собрании БАН (см. цветную вклейку: ил. 40–42). Характерной чертой мотива является эффект складочек, ощущение атласной струящейся ткани или ряби на воде. Этот прихотливый, иногда даже вычурный, излишне

затейливый рисунок соответствует большому стилю эпохи — модерну — и в этот период буквально расцветает. Здесь «муар» выполнен в две краски. Часто встречающийся в это время мотив: вторая краска нанесена редкими пятнами средней величины — горошинами, что усиливает ощущение ткани — ткань в горошек. Эрмитажный образец дополнен литографированными «золотыми прожилками», отпечатанными поверх «муара». Это мода времени, раньше такого декоративного приема не было. Они наносятся и на мраморные бумаги «камень», «французский завиток». В отдельных случаях мы видим некоторую перегруженность, чрезмерность (см. цветную вклейку: ил. 43–44).

Появляются новые мотивы: «пропущенный зуб» (у гребня вынимался каждый 2-й или 3-й зуб) (см. цветную вклейку: ил. 6, 25 справа, 45–46), «пламя» [1, л. 115, 133] (см. цветную вклейку: ил. 47–48), «флер-делис» [1, л. 134] (см. цветную вклейку: ил. 49). Остаются актуальными «шеvron» (см. цветную вклейку: ил. 50–52), «серпентин» (см. цветную вклейку: ил. 53), «зебра» и «двойной гребень» (см. цветную вклейку: ил. 54).

В заключении можно отметить, что декоративно-прикладное искусство изготовления мраморной бумаги на рубеже веков (1890–1914/17) сохраняет традиционные мотивы, но интерпретирует их в соответствии с новыми эстетическими вкусами эпохи. Многие мотивы, паттерны были типичны и для XVIII в.: «камень», «французский завиток», «нонпарель». Но в эпоху модерна они исполняются совершенно по-другому и, сохраняя отсылку к прошлому, вызывают уже иное впечатление. Это достигается, прежде всего, за счет вызывающе яркой цветовой гаммы, интенсивной, насыщенной и напряженной. Очевидно стремление создать впечатление праздника, роскоши, поразить. С одной стороны, это обусловлено развитием промышленности. Во второй половине XIX в. появляются новые красители, расширяется спектр цветов. Уже в 1850-х гг. английский мастер Чарльз Вулнау описывает 6 красных, 5 желтых, 4 синих, 4 зеленых, 4 черных, 4 белых, 2 коричневых и 2 оранжевых краски [11, р. 17–25]. Экспериментирует с красками Джозеф Хальфер [12]. В 1897 г. Л.Н. Симонов в своей книге пишет, что «из красок для мраморирования употребляется различных оттенков охра — для желтого и коричневого цветов; кармин, карминовый лак и крап — для красных, малиновых и розовых цветов; берлинская лазурь, индиго, ультрамарин — для голубого и синего; хромовая, неаполитанская и итальянская желтые — для желтого; испанские и цинковые белила — для белого; жженая кость и франкфуртская черная — для черного» [7, с. 143–144].

В это время часто мраморная бумага дополняется литографированными «золотыми венами» — сетью прожилок, отпечатанных поверх мраморного рисунка. В основном они исполняются на мраморной бумаге «муар», но их пробуют применять и в других случаях: на «камне», «французском завитке».

Обращает на себя внимание детальная проработанность рисунка, ему уделяют больше внимания, он становится совершенным. Возможно, это связано с механизацией отдельных процессов. В некоторых бумагах, особенно во «французском завитке», чувствуется определенная механистичность.

Наряду с праздничными и роскошными мотивами появляются и мотивы другого плана: выполненные в непривычной мрачноватой черно-коричневой гамме («букет», «павлин», «французский завиток», «камень»), что также отражает настроение эпохи — мира накануне войны.

Для мраморной бумаги этого времени характерен подчеркнутый лоск — популярными становятся блестящие бумаги. Активно применяются лаки, которые усиливают яркость цвета, придают блеск, глянец бумаге, а также защищают красочный слой от загрязнения, осыпания, выгорания и износа. Лощение на фабриках уже проводится не вручную, но механическим способом.

Возникают авторские дизайны (мы рассмотрели две работы П. Керстена) как попытка создать нечто новое, беспрецедентное, в частности на основе обращения к древней турецкой технике рисования на воде, к той ее части, которая не была воспринята европейскими мастерами прежде.

Список источников

1. Альбом образцов декоративной бумаги и переплетных материалов // Научная библиотека Эрмитажа. Инв. № 327284.
2. Волков П. Обойное производство и производство окрашенных бумаг (*pariers de fantaisie*) по Экснеру / изд. ред. журн. «Технический сборник». Санкт-Петербург: Типография брат.[ьев] Пантелеевых, 1875. 80, II, [1], 39 с., [26] л. образцов, черт.
3. Дружинин П.А., Соболев А.Л. Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века. В 3 т. Москва: Слово/Slovo, 2021. Т. 3. 528 с.
4. Ильина О.Н. Личные библиотеки в России: терминология и историография / РНБ. Санкт-Петербург: РНБ, 2022. 316 с. (Серия «Книга в России в XIX — начале XX века»).
5. Кудрявцев С.А. «Альбом образцов декоративной бумаги и переплетных материалов» // Эрмитажная библиотека: страницы истории Новейшего времени, 1918–2018. Санкт-Петербург, 2018. С. 188, № 140.
6. Сеславинский М.В. Аромат книжного переплета. Отечественный индивидуальный переплет XIX–XX в. Москва: Астрель, 2008. 496 с.
7. Симонов Л.Н. Переплетное мастерство и искусство украшения переплета: художественные стили, чистка, исправление и хранение книг / [соч.] д-ра Л.Н. Симонова, при содействии переплет. мастерской Э. Рау (E. Rau). Санкт-Петербург: тип. Е. Евдокимова, 1897. [2], XIV, 464 с., 12 л. цв. ил.: ил.; 20. (Библиотека практических сведений доктора Леонида Николаевича Симонова).
8. Kersten P. Das Färben und Marmorieren von Leder // *Allgemeiner Anzeiger für Buchbindereien*. Stuttgart, 1912.
9. Kersten P. Historisches über türkisches Papier und Marmorierkunst // *Allgemeiner Anzeiger für Buchbindereien*. Stuttgart, 1935. Jg. 50, № 19 (10 Mai). S. 272–274; Kersten P. Die Marmorierkunst. Wilhelm Knapp Halle, 1922; То же. Facsimile edition from Fines Mundi, Saarbrücken, 2006.
10. Marks P.J.M. An anthology of decorated papers: a sourcebook for designers / British library. London: Thames & Hudson, 2015. P. 22; Sönmez N. Ebru. Marmorpapier. Ravensburg: Otto Maier, 1992; Дружинин П.А., Соболев А.Л. Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века. В 3 т. Т. 3. Москва: Слово/Slovo, 2021. С. 226, № 546; Там же. С. 283, № 591; Маркова А.И. Декоративная бумага в русских переплетах XVIII — начала XX вв.: основные техники и типы декора, области применения в переплетном деле: лекция 6.01.2021 г. на международной школе реставрации НБ ТГУ — 2020 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c5ALLQJ3Uoc> (дата обращения: 3.10.2022).

11. *Woolnough C.W.* The whole art of marbling as applied to paper, bookedges, etc.: containing a full description of the nature and properties of the materials used, the method of preparing them, and of executing every kind of marbling in use at the present time, with numerous illustrations and examples. London : George Bell & Sons (Chiswick Press), 1881. 79 p. ; То же. URL: <https://archive.org/details/wholeartofmarbli00wool/page/24/mode/2up> (дата обращения: 3.10.2022).

12. *Halfer J.* The progress of the marbling art ... with a supplement on the decoration of book edges / translated by Herman Dieck. Buffalo ; New York : Louis H. Kinder, 1893.

KULMATOVA T. Marbled paper in Russian binding of the Modern style epoch (on the album of specimens from the Scientific Library of the Hermitage and materials of Academic collection in RASL (BAN))

Kulmatova Tatyana — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Acting Head of the Research Department of Russian Academy of Sciences editions

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kulmatova@gmail.com

ABSTRACT

The results of the study of the “Album of Samples of Binding Materials” from the Scientific library of the Hermitage, 125 sheets of which include marble papers, are presented. Based on the presence in its composition of samples with the author’s design of P. Kersten “Jugend-Marmor”, developed in 1899, the time of creation of the album has been specified. Its composition is considered — an assortment of marble papers of the turn of the 19th–20th centuries. The review supplemented by consideration of materials from the Academic Collection of the RASL. The main features of the marbled papers of 1890–1917 are revealed. The influence of the great Art Nouveau style on the arts and crafts of making marbled paper is noted.

Key words: decorative papers, book binding, marble paper, Modern style, “Jugend-Marmor”, Russian Academy of Sciences Library.

В.В. Неклюдов

БУМАГА В РЕКОНСТРУКЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПЕРЕПЛЕТА КНИГИ

Неклюдов Вячеслав Владимирович — художник-переплетчик НИОКИРФ БАН
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: slawanecludov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Обзор видов и характеристик бумаги, применяемой в переплетных работах. Рассмотрены полиграфические, декоративные, дизайнерские, ручного изготовления и другие виды бумаг, а также области применения, технологии изготовления и производственные процессы. Были отмечены достоинства и недостатки современной бумаги, возможности решения задач оформления переплета путем комбинации различных бумаг. Отдельное внимание уделено мраморной бумаге ручного и машинного изготовления, использованию ее в переплетных работах, предложены рекомендации по улучшению механических свойств такой бумаги с точки зрения переплетчика.

Ключевые слова: бумага, переплет, реставрация.

В последнее десятилетие на рынке появилось большое количество различных бумаг, которые в разной степени соответствуют требованиям, предъявляемым к реставрационным материалам.

Большой объем работ по реставрации, которые ведет Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации фондов Библиотеки Российской академии наук в Санкт-Петербурге, позволяет проанализировать требования к бумаге, применяемой при реставрации и реконструкции переплета книг.

Что такое бумага в принципе? Это сформированная в лист (рулон) бумажная масса толщиной до 0,5 мм и весом не более 250 г/м². То, что толще или плотнее, уже можно отнести к картону.

Технология изготовления бумаги известна уже много веков и на сегодняшний день в целом осталась прежней [1]. Механизация процессов мало повлияла на суть, но дала возможность удешевить и ускорить процесс изготовления бумаги.

Современным сырьем для изготовления бумаги [2, с. 171–179], как и прежде, является древесная целлюлоза, реже — хлопковые волокна или волокна других растений. Лучшие сорта бумаги изготавливаются из первично переработанного сырья — из-за более длинных волокон в бумажной массе. Бумага же из вторичного сырья после повторной обработки по качеству выходит значительно хуже.

Древесное или иное сырье размалывают в мельницах с водой до однообразной массы. Это и есть основа будущей бумаги [3, с. 9–20].

В этот момент массу можно отбелить или окрасить в однородный цвет. Надо сказать, что безусловным достижением современного технологического процесса являются различные добавки, улучшающие пластические свойства бумаги, ее сопротивляемость горению, выцветанию,

пожелтению, а также устойчивость к поражению бактериями, плесенью и проч. Эти свойства бумаги очень важны, если речь идет о применении ее в реставрационных процессах.

Гомогенное жидкое состояние бумажной массы является наилучшим моментом для добавления клея, удерживающего волокна бумажной массы в заданном положении при высыхании.

Дальше из массы, которая позднее станет бумагой, удаляется излишек воды, она равномерно распределяется по поверхности валов, прокатывается, сушится. Влажная бумага подвергается процессу каландрирования — ее пропускают между валами, нанося фактуру или делая совершенно гладкой.

В процессе проката листов формируется направление волокон бумаги, так называемая долевая сторона. По долевой стороне бумагу удобно гнуть и фальцевать. Против долевого направления бумага сопротивляется и даже, бывает, ломается.

Бумажно-беловую продукцию интересующей нас категории [3, с. 9–20] условно можно разделить на четыре основных группы:

1. Бумага для полиграфии, печати книг — формирования блока книги;
2. Бумага для отделки переплета, как покрывной материал для крышек (футляров) и для форзацев;
3. Бумаги дизайнерские;
4. Бумага ручного литья;
5. Бумаги для укрепления графики и восполнения утрат листов.

Бумага для печати книг значительно тоньше прочих, имеет разную степень белизны, бывает мелованной или матовой, с разной степенью прозрачности, проклейки, рыхлости. Плотность ее обычно составляет от 65 до 130 г/м². Ее форматы и прочие характеристики жестко увязаны с форматом печатных машин — листовых или рулонных.

Часть бумаги для печати, например, для печати газет, выпускается в рулонах большого диаметра для ролевых печатных машин.

Для качественной цветной печати детских книг нельзя брать бумагу, по характеристикам годную только для печати газет или дешевых книг. Нужно учитывать, что дешевые сорта бумаги, особенно из вторично переработанного сырья, не предназначены для длительного хранения. Срок жизни их короче, бумага подвержена окислению, пожелтению, часто со временем становится хрупкой и ломкой. Дальнейшая реставрация таких изданий становится весьма проблематичной. Для изданий, которые рассчитаны на длительный срок использования, бумага ставится более высокого качества. При реставрации книжных блоков желательно подобрать бумагу, максимально совпадающую с объектом реставрации по толщине, плотности, фактуре и белизне, с близкими механическими свойствами — длиной волокон, а также сопротивляемостью разрыву, изгибу и излому.

Дизайнерские бумаги. Само название таких бумаг говорит, что область применения их в книгоиздании и, соответственно, в реставрации, очень узкая. Как правило, они используются в малотиражных художественных изданиях, но постепенно занимают свое место в так называемой «книге художника», когда книга изначально задумывается и создается

как произведение искусства. Примерами таких книг могут служить книги издательств «Редкая книга из Санкт-Петербурга», «Ручная Печать, СПб», «Нова-вита» и других.

Производство бумаги ручного литья имеют продолжительную, восходящую к средневековью, историю. Технология значительно отличается от изготовления бумаги массового, машинного производства, прежде всего — в части формирования бумажной массы в лист. После размельчения, массу выливают на сетку, давая стечь всей воде, подсушивают и в таком виде прессуют. Получается один лист. Для следующего листа операцию повторяют сначала.

У бумаги ручного литья обычно отсутствует (или слабо выражена) долевая сторона: из-за отсутствия проката нет упорядоченного направления волокон бумаги, все волокна находятся в хаотичном состоянии.

И раньше, и теперь для бумаги ручного литья используют высококачественное хлопковое сырье. Или экзотическое сырье — кожу плода банана, волокна тростника, кору деревьев.

Бумага ручного литья — один из самых дорогих видов бумаги, прежде всего из-за трудоемкости процесса изготовления и относительно малого тиража.

Отличительной особенностью ручной бумаги является красивый, мягкий, край листа. В этом есть своя эстетика. По возможности край всегда стараются сохранить и печатник, и переплетчики, и реставраторы.

Бумага ручного литья в до-промышленный период была повсеместно распространена. Всем известные «верже», на которых напечатаны все книги XVI–XIX веков, были изготовлены подобным образом. Мастера бумаги научились делать на листах водяные знаки — филигранные с инициалами мастера или монограммой фабрики изготовителя бумаги, иногда с годом, по которому часто можно установить дату печати памятника. Вся эта бумага, как правило, превосходно сохраняется и не теряет своих достоинств со временем. С такой бумагой реставраторам работать обычно легко и приятно.

Отдельно стоит группа бумаги для восполнения утрат листов и укрепления страниц. Эти бумаги созданы исключительно под потребности реставраторов, они должны хорошо принимать клей и воду, иметь длинные волокна.

Сорта тонкой бумаги для укрепления листов, например, японская, должны иметь не только прочность, но и максимальную прозрачность, чтобы при заклеивке не пострадали оригинальные элементы страниц. Плотность такой бумаги минимальна — от 4 до 12 г/м².

Бумага для отделки переплета [5]. Эту бумагу можно разделить на два вида: бумага для покрытия крышек и бумага для форзацев. Нужно помнить, что обложка и форзац имеют общее назначение — защита блока от воздействия внешних факторов: грязи, сырости, повреждений. При этом и обложка, и форзац имеют эстетическое значение и призваны украсить издание.

В соответствии с этими критериями бумага для отделки переплета должна быть достаточно тонкой (причем для блока, меньшего по формату, бумага тоньше). Она должна быть эластичной и устойчивой к изло-

мам, разрывам, истиранию, загрязнениям. Цвет, фактура, узор на бумаге подбирается при реконструкции переплета в соответствии с тематикой издания, периодом издания, а при реставрации — максимально соответствующей оригиналу.

Для реконструкции утраченных элементов очень хорошо зарекомендовала себя мраморная бумага — как материал и для крышек, и для форзацев, и для футляров. Бумага бывает двух видов — ручной и машинной выделки. У каждого вида свои достоинства.

Бумага машинной выделки представляет собой офсетную или трафаретную (шелкография) печать. Количество красок при этом обычно не более 4–5, многообразие оттенков достигается оптическим смешением растрируемых изображений. Бумага очень устойчива к истиранию, к выцветанию. Основным ее достоинством является возможность приобрести большое количество одинаковых листов, что бывает необходимо для работы над большим тиражом книг или собранием сочинений. Стоимость мраморной машинной бумаги за лист значительно ниже, чем ручной.

Ручная бумага, лишенная этих качеств, имеет, тем не менее, бесконечно более значительные преимущества. Каждый паттерн, выходящий из рук мастера, обладает уникальным рисунком. Часто и реставратор может участвовать в создании произведения, из нескольких листов выбирая лучший. Но при реконструкции переплета также очень важно, что, работая по старинным технологиям и имея образец оригинальной бумаги, мастер может приблизиться к точному воспроизведению оригинала. Такая совместная работа неоднократно давала отличные результаты.

В заключении хочется отметить, что реставрация книг в библиотеке несколько отличается от музейной реставрации — большую часть фондов хранения читатель может получить на руки для изучения. В музее же книги, как правило, доступны только узкому кругу исследователей. В связи с этим и подход к реставрации книг, и задачи отличаются. Поэтому правильный подбор и использование материалов, в частности бумаги, является одним из условий результатов реставрации и реконструкции переплетов книг, ее дальнейшей долгой жизни.

Список источников

1. Байер Б., Гельхофф Б., Бириштайн У. История человечества / пер.: Н. Врублевская, Т.Ф. Датченко, Е. Китайцева. Москва : АСТ, 2002. 640 с.
2. Малкин И.Т. История бумаги. Москва : Из-во АН СССР, 1940. 192 с.
3. Мао Цзо-бэнь. Это изобретено в Китае / пер. с кит. и примеч. А. Клышко. Москва : Молодая гвардия, 1959. 160 с.
4. Бумага писчая // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т. (82 т. и 4 доп.). Санкт-Петербург, 1890–1907. Т. 8 (IVa). С. 918–922.
5. Шишкина Г.Б. Бумага как эстетический феномен японской культуры // Научные сообщения Государственного музея Востока. Москва, 2006. Вып. 26. С. 287–297.

NEKLYUDOV V. Paper in the reconstruction and restoration of book binding

Neklyudov Vyacheslav — bookbinder NIOKIRF RASL

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: slwanecludov@mail.ru

ABSTRACT

An overview of the types and characteristics of paper used in bookbinding. Printing, decorative, design, hand-made and other types of papers, as well as areas of application, manufacturing technologies and production processes are considered. The advantages and disadvantages of modern paper, the possibility of solving the problems of binding design by combining different papers were noted. Special attention was paid to hand and machine-made marbled paper, its use in bookbinding, recommendations were made to improve the mechanical properties of such paper from the binder's point of view.

Key words: paper, binding, restoration.

УДК 025.343.2
ББК 78.365.531

Н.В. Бекжанова

**К ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОТДЕЛА
СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК В 1950-е гг.
(1944–1952 гг.)**

Бекжанова Наиля Вилевна — кандидат педагогических наук, заведующий отделом, отдел научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bektan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

На основе архивных документов дан обзор истории создания и первых лет деятельности отдела систематизации литературы Библиотеки Академии наук. Описывается формирование основных принципов, направлений работы, правил и традиций, служащих успешному функционированию отдела и в настоящее время. В Приложении представлены сотрудники, трудившиеся над систематическим каталогом БАН с 1944 по 1952 г.

Ключевые слова: отдел систематизации литературы, систематический каталог, Библиотечно-библиографическая классификация (ББК), Библиотека Академии наук, 1944–1952 гг.

Первым отделом БАН, созданным специально для построения реальных каталогов, стал систематизационный отдел II (Иностранного) Отделения, который был выделен в самостоятельное структурное подразделение в 1924 г. В последующие годы подобные отделы носили разные названия, существовали в качестве самостоятельных подразделений или же были частью других отделов. Их история напрямую связана с историей Центрального систематического каталога (ЦСК) БАН, а также с историей разработки библиотечно-библиографических классификаций.

В первые годы по окончании Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. основная задача БАН заключалась в проведении восстановительных работ, в основном хозяйственных. С начала 1950-х гг. в библиотеке все больше внимания стали уделять развитию различных сторон библиотечной деятельности.

Систематический каталог, который с первых лет существования библиотеки был главным инструментом обслуживания читателей, в силу разных причин (смена классификаций, многократная перестройка каталога по новым схемам, неоднократные идеологические «чистки» каталога, кадровая нестабильность) к этому времени практически утратил свое значение. В период Великой Отечественной войны работа над ним не велась вовсе, и лишь в конце 1940-х гг. наметилось некоторое оживление в этом направлении.

В 1948 г. был разработан и утвержден план восстановления систематического каталога. В январе 1949 г. была сформирована группа систематизации из трех человек, а к 1 мая организационно оформился отдел

систематизации и информации (ОСИ) со штатом в 16 сотрудников [1, л. 78]. Из них в работе над каталогом участвовало только пять специалистов: по физике, химии, математике, геологии, праву (подробнее см. Приложение). Остальные занимались подготовкой и выпуском информационных бюллетеней о новостях иностранной науки и техники. Возглавляла отдел З.Ф. Чукмасова.

На специальном заседании ученого совета БАН 17 октября 1949 г. был заслушан доклад главного библиотекаря В.В. Успенского «Основные цели, задачи, принципы и план построения систематического каталога Библиотеки Академии наук СССР». В довоенный период Всеволод Васильевич возглавлял аналогичный отдел БАН до своего ареста в 1938 г. После войны по состоянию здоровья он работал на неполную ставку.

В своем докладе В.В. Успенский изложил положение дел с систематическим каталогом, а также представил программу, направленную не просто на его восстановление, а на создание полноценного ЦСК [2, с. 11–20]. В частности, он вновь, как и в 1934 г. на 1-й Всесоюзной конференции по систематическому каталогу, убедительно доказывал, что формировать кадры систематизаторов следует из специалистов-предметников, владеющих соответствующими знаниями. По результатам обсуждения было принято «постановление о создании генерального систематического каталога имеющейся в БАН научной книги, с разделением на два дополняющих друг друга сектора: читательский и служебный, построенных на принципах общей классификации» [1, л. 78].

С октября того же года был изменен «Путь книги»: все книги из отдела обработки и каталогов (ООК) стали поступать в специально организованную группу распределения при ОСИ с тем, чтобы обеспечить систематизаторам возможность «проводить систематизацию непосредственно по книгам» [1, л. 78].

В апреле 1950 г. подготовлено и передано в дирекцию положение о систематическом каталоге [3, л. 34], которое к концу года еще не было утверждено, что отмечалось в отчете отдела.

10 мая 1950 г. Президиум АН СССР принял постановление «О работе и состоянии кадров Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР», в котором директору БАН было предложено «пересмотреть структуру библиотеки, разработать общее положение о каталогах библиотеки <...> обеспечить приведение в надлежащее состояние систематического каталога» [4, с. 133]. Последнее следовало выполнить к 15 сентября 1951 г.

На протяжении 1950 г. сотрудники ОСИ в той или иной степени вели работу над следующими разделами ЦСК: математика, физика, геолого-географические науки, химия, биология, экономика, право и др. Охватить весь круг научных дисциплин и видов научно-практической деятельности мешало отсутствие полноценного кадрового обеспечения отдела [3, л. 34].

В это же время БАН подключилась к разработке единой Библиотечно-библиографической классификации (ББК), которая велась Государственной библиотекой им. В.И. Ленина (ГБЛ) совместно с Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), а также рядом других учреждений. Попытки объединить усилия в этом направлении, сделанные еще в 1930-е гг., начали претворяться в жизнь.

19 октября 1951 г. в стенах БАН состоялось расширенное заседание ученого совета, на котором обсуждался проект ББК, разосланный в 1949 и 1951 гг. [5] специалистами ГБЛ в сотни библиотек и вузов страны для рассмотрения. В БАН к этому было привлечено «60 человек, из них — 1 доктор наук, 7 кандидатов наук, 10 чел. диссертантов и аспирантов. Весь этот состав был распределен по специальностям на секции под руководством отраслевых специалистов отдела систематизации» [6, л. 76]. Результаты проведенной в БАН в течение двух месяцев работы доложил В.В. Успенский. Развернувшаяся бурная дискуссия, в которой приняли участие ведущие сотрудники библиотеки и крупные ученые, снабдила коллег из ГБЛ в лице О.П. Тесленко, возглавившей к этому моменту работы по созданию ББК, богатым материалом. Ей же были переданы и отзывы на различные разделы классификации [2, с. 21–170].

Вопреки всем постановлениям и усилиям, предпринимаемым библиотекой, положение дел с систематическим каталогом в БАН не только не улучшалось, но даже становилось хуже. Целый ряд разделов — философия, экономика, техника, сельское хозяйство, языкознание, военное дело и др. — вовсе не были задействованы в работе. Над разделами систематического каталога работало 7 специалистов (в середине 1951 г. работа по подготовке информационных бюллетеней была передана в научно-библиографический отдел). Из-за острой нехватки кадров ОСИ был «вынужден от случая к случаю довольствоваться случайными временными договорниками» [6, л. 76].

В первом квартале 1952 г. ОСИ вошел в состав отдела обработки и каталогов (ООК) в качестве сектора, возглавила его ботаник-миколог Т.С. Матвеева. Сектор включал 5 групп: общественных наук, естественных наук, физико-математических и технических наук, культуры и искусства, организации систематического каталога [7, л. 82]. Основной задачей сектора было составление служебного и читательского систематических каталогов, обслуживание читателей справками и консультациями по различным отраслям знаний. Был расширен штат, перестроен план работы. Сотрудники, помимо разборки старых карточек, начали заниматься целенаправленным пополнением ЦСК «путем восстановления недостающих карточек на основании изучения библиографий, справочников, на базе сравнения с генеральным алфавитным каталогом БАН, на основании изучения предметных и систематических каталогов других библиотек» [8, л. 108]. Систематизация велась на основе схем, разработанных в ГБЛ, и схем, составленных в отделе.

27 марта 1953 г. Президиумом АН было принято постановление «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и сохранности библиотечных фондов в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде» [9], которое долгие годы имело решающее значение для библиотеки.

Список источников

1. Отчет Библиотеки АН СССР за 1949 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 304. 128 л.
2. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК) : к истории разработки в 1950-е годы : сб. док. / Б-ка РАН, отдел науч. систематизации литературы ; авт.-

сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д.Д. Дымская, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург : БАН, 2022. 405 с.

3. Отчет Библиотеки АН СССР за 1950 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 325. 87 л.

4. Вестник АН СССР. 1950. № 7. С. 132–133.

5. Библиотечная классификация : (сокращенный вариант) / под ред. Е.И. Шамурина ; ГБЛ, ГПБ. Москва, 1949. 155 с. ; Библиотечная классификация : (сокращенный вариант) : проект для обсуждения / ГБЛ ; ред. О.П. Тесленко. Москва, 1951. 159 с.

6. Отчеты отделов БАН СССР за 1951 год // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 348. 179 л.

7. Инструкции и положения о работе отделов БАН, разработанные в 1954 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 407. 114 л.

8. Отчет о работе отделов БАН СССР за 1952 год // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 372. 220 л.

9. Постановление Президиума АН СССР о мерах по устранению недостатков в деятельности БАН // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 380. 14 л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сотрудники, принимавшие участие в создании ЦСК в 1944–1950-е гг.

Год пост. в БАН	Год пост. в ОСИ	ФИО	Образование, специальность	Должность и виды работ, выполняемые в ОСИ в 1944–1950-е гг.
1944	1944	Успенский Всеволод Васильевич	Высшие курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств, литературовед-библиограф	– в 1944–1949 гг. заведующий ОСИ; – в 1949–1952 гг. заведующий группой систематизации ОСИ – составление подробного плана возобновления в БАН работ над классификацией и систематическим каталогом; – разработка схемы БАН (до перехода на ББК) по литературе
1944		Шагалов Александр Юдинович	Ленинградский химико-фармацевтический институт, технологический факультет; Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета; кандидат химических наук	– главный библиотекарь, старший научный сотрудник – разработка схемы БАН (до перехода на ББК) по химии
1944		Астапович (Сопрунова) Наталья Павловна	Ленинградский гос. педагогический институт им. А.И. Герцена, отделение иностранных языков	– старший библиограф, младший научный сотрудник – систематизация литературы и составление каталога по технике и строительному делу
1945	1945	Макарова (Киршевская) Мария Александровна	ЛГУ, литературовед-русист	– старший библиограф – систематизация литературы и составление ЦСК (разделы)

Продолжение Табл.

Год пост. в БАН	Год пост. в ОСИ	ФИО	Образование, специальность	Должность и виды работ, выполняемые в ОСИ в 1944–1950-е гг.
1945	1945			«Русская и советская литература», «Литература народов СССР», «Наука. Печать. Просвещение»); – разработка ББК (раздел «Литературоведение. Художественная литература»); – библиографические работы
		Соседко Александр Федорович	Московская горная академия, инженер-геолог, кандидат геолого-минералогических наук	– старший научный сотрудник – разработка схемы БАН (до перехода на ББК) по геологии
1947	1947	Злобина Татьяна Ивановна	ЛГУ, филолог-западник	– старший библиотекарь – разработка и оптимизация ББК (раздел «Филологические науки. Художественная литература»); – библиографические работы
1947		Колесников Михаил Андреевич	ЛГУ, математик	– заведующий группой физико-математических и технических наук – разработка схемы БАН (до перехода на ББК) по физико-математическим наукам; – разработка ББК; – библиографические работы
1944	1948	Максимова Татьяна Семеновна	Одесский гос. университет, юридический факультет	– старший библиотекарь сектора систематизации
1949	1949	Чукмасова Зинаида Федоровна	ЛГУ, юрист	– 1952–1954 гг. заведующий отделом систематизации и информации
		Никифоровская Надежда Алексеевна	ЛГУ, филолог-англист	– библиотекарь – составление ЦСК по разделам «История русского театра» и «Английская литература»
1950	1950	Камышко Ольга Павловна	Московский гос. университет, миколог-фитопатолог; Всесоюзный институт растениеводства, аспирантура, кандидат биологических наук	– старший редактор, младший научный сотрудник – систематизация литературы и составление ЦСК по зоологии, частной ботанике, гидробиологии; – разработка ББК; – библиографические работы
		Кац Наталья Исааковна	Северо-Кавказский гос. университет, преподаватель русского языка и литературы; кандидат исторических наук	– старший библиотекарь, младший научный сотрудник – систематизация литературы и составление ЦСК (разделы «Марксизм-ленинизм», «КПСС», «ВЛКСМ», «Коминтерн»);

Продолжение Табл.

Год пост. в БАН	Год пост. в ОСИ	ФИО	Образование, специальность	Должность и виды работ, выполняемые в ОСИ в 1944–1950-е гг.
	1950			– разработка и оптимизация ББК (раздел «История КПСС»); – автор ряда публикаций
1950		Краснов Григорий Гаврилович	Ленинградский гос. педагогический институт им. М.Н. Покровского, преподаватель истории СССР	– старший редактор, младший научный сотрудник группы истории – систематизация литературы и составление ЦСК (раздел «История СССР»); – разработка и оптимизация ББК; – автор ряда публикаций
1950		Перминов Леонид Алексеевич	Горьковский гос. университет, химический факультет; заочный институт иностранных языков	– младший научный сотрудник – систематизация литературы и составление ЦСК по гидротехнике и гидроэнергетике; – разработка схемы БАН (до перехода на ББК) по гидротехнике и гидроэнергетике
1946		Чуркина Мария Михайловна	Ленинградский гос. институт истории, философии, литературы, экскурсионно-переводческий факультет	– старший библиотекарь, младший научный сотрудник – систематизация литературы и составление ЦСК по сельскому хозяйству;
1946	1951	Богатырь Белла Мироновна	ЛГУ, филолог-русист	– старший библиограф – систематизация литературы и составление ЦСК по литературоведению
1943		Кирпичева Юлия Павловна	ЛГУ, преподаватель языка и литературы	– заведующий группой организации систематического каталога – систематизация литературы и составление общего раздела ЦСК и раздела «История КПСС»; – разработка инструктивно-методической документации отдела; – подготовка тематических выставок
1951		Чурина (Тугаринова) Тамара Дмитриевна	ЛГУ, филолог-германист	– заведующий группой литературы и языка – систематизация литературы и составление ЦСК по языкознанию, искусству и искусствоведению; – разработка и оптимизация ББК (раздел «Филологические науки»);

Продолжение Табл.

Год пост. в БАН	Год пост. в ОСИ	ФИО	Образование, специальность	Должность и виды работ, выполняемые в ОСИ в 1944–1950-е гг.
	1952			– библиографические работы; – автор ряда публикаций
1952		Колярцев Марк Владимирович	ЛГУ, зоолог	– заведующий группой биологических наук – систематизация литературы и составление ЦСК (разделы «Зоология», «Животноводство»); – разработка и оптимизация ББК (раздел «Биологические науки»); – библиографические работы; – автор ряда публикаций
1950		Матвеева Татьяна Сергеевна	ЛГУ, ботаник-миколог	– заведующий сектором систематизации ООК
1952		Молодцов Иван Васильевич	Ленинградский юридический институт, юрист	– в 1955–1962 гг. заведующий ОСИ – руководство организационно-методическим обеспечением работы отдела; – организация работы по составлению ББК; – автор предложений по основному ряду; – автор ряда публикаций; – секретарь партийной организации БАН
1952		Татарова Светлана Олеговна	ЛГУ, историк	– старший библиотекарь – систематизация литературы и составление ЦСК (раздел «Всеобщая история»)

BEKZHANOVA N. To the history of the organization of the systematization department of the Academy of Sciences Library in the 1950s (1944–1952)

Bekzhanova Nailya — Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Department of Systematic Catalog

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bekzan17@rambler.ru, onsl@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The overview of the history of initiation and the first years of activity of the systematization department of the Academy of Sciences Library is given on the basis of archival documents. The formation of the basic principles, directions of work, rules and traditions that serve the successful work of the department at the present time is described. The Appendix presents the employees who worked on the RASL systematic catalog from 1944 to 1952.

Key words: Department of Systematic Catalogue, Systematic Catalogue, Library Bibliographic Classification (LBC), Academy of Sciences Library (RASL), 1944–1952.

Н.С. Андреева

**КНИГООБМЕН БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК
С ПРИБАЛТИЙСКИМИ ГУБЕРНИЯМИ:
к истории вопроса (вторая половина XIX в.)**

Андреева Наталия Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iskjul@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию книгообмена между Библиотекой Академии наук и Прибалтийскими губерниями во второй половине XIX в. Подробно рассматриваются направления, по которым он осуществлялся, а также участие в нем Дерптского университета, прибалтийских научных обществ и образовательных учреждений.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Прибалтийские губернии, Дерптский университет, прибалтийские немцы, Карл Бэр, цензура, прибалтийские газеты, Антон Шифнер, книгообмен.

Книгообмен между Академической библиотекой и Прибалтийскими губерниями Российской империи в течение всей второй половины XIX в. развивался весьма активно. Одно из его основных направлений составлял, прежде всего, обмен научной литературой: изданиями Академии наук, с одной стороны, и трудами Дерптского университета, — с другой, «прибалтийской» стороны.

В этом отношении вполне заслуживает внимания, например, то обстоятельство, что секретарь посольства США в Санкт-Петербурге, ученый и путешественник Е. Скайлер, передавая в 1872 г. из библиотеки посольства в Академическую библиотеку 19 американских изданий, просил, в случае если среди них окажутся дублиеты, передать их в библиотеку Дерптского университета [1, с. 447]. Как представляется, эта просьба появилась отнюдь не случайно, а вследствие того, что тесные научные связи Академической библиотеки с Дерптским университетом Скайлеру, как ученому, были хорошо известны.

Помимо изданий Дерптского университета, из Прибалтийских губерний в Академическую библиотеку также поступали публикации местных научных обществ — Эстляндского ученого общества, основанного при Дерптском университете для изучения языка, культуры и литературы эстонцев, Рижского общества естествоиспытателей, Курляндского общества литературы и искусства, Общества истории и древностей Остзейских провинций в Риге и др. [1, с. 1145; 9; 10; 11].

Академическая библиотека, в свою очередь, направляла в Прибалтийские губернии литературу необходимую местным научным и образовательным учреждениям. Так, например, в 1864 г. к директору ее II-го отделения, экстраординарному академику А.А. Шифнеру обрати-

лись представители ревельского Рыцарского и Домского училища — старейшего учебного заведения эстляндского прибалтийско-немецкого дворянства, пользовавшегося правами гимназии, — с просьбой помочь составить «коллекцию сочинений» их бывшего ученика академика К.М. Бэра.

Шифнер — уроженец Ревеля (ныне Таллин) и воспитанник того же дворянского училища — охотно откликнулся на эту просьбу и внес ее 7.02.1864 г. на рассмотрение Общего собрания Академии наук [1, с. 11]. Учитывая «весьма ограниченные» денежные средства этого училища, Шифнер предложил передать ему несколько опубликованных Бэром научных трудов, в частности изданные на немецком языке в соавторстве с академиком, геологом Г.П. фон Гельмерсеном «Материалы к познанию Российской империи и пограничных стран Азии» (т. 1–22), «Каспийские исследования», которые стали результатом экспедиций Бэра на Каспийское море, а также его доклады на публичных заседаниях Академии наук 29.12.1838 г. «О распространении органической жизни», где он высказал идею о самопроизвольном зарождении жизни на Земле, и 29.12.1835 г. «Взгляд на развитие наук» [8; 5; 6, s. 145–198; 7, s. 51–128].

Выбор Шифнером именно этих трудов Бэра, знакомивших с эволюцией на Земле, с географией и природным миром Российской империи, с педагогической точки зрения представлялся весьма удачным, поскольку выбранные работы в полной мере подходили для расширения кругозора и знаний учеников гимназии по этим вопросам. Общее собрание Академии наук 7.02.1864 г. одобрило предложение Шифнера, и отобранные им издания Бэра были переданы Рыцарскому и Домскому училищу. В свою очередь, в отношении 14.03.1864 г. оно выразило благодарность Академии наук за присылку этих трудов [1, с. 12, 20–21].

Следует отметить, что экземпляр издания «Каспийские исследования» Бэра обнаружен мной в Академической библиотеке Таллинского университета (Tallinna Ülikooli Akadeemiline raamatukogu), в ее собрании «Балтика» (имеет шифр IX — 3734) (просмотрен de visu). Наличие на его титульном листе штампа черными чернилами библиотеки ревельского Рыцарского и Домского училища позволяет с полным основанием предположить, что именно этот экземпляр в 1864 г. и поступил из Академии наук в это училище.

В Академию наук 28.10.1876 г. также обратился директор Политехнического училища в Риге Г. Кизерицкий с просьбой о доставлении в библиотеку этого училища изданий Академии. Рассмотрев эту просьбу 5.11.1876 г., Общее собрание постановило передать в это училище публикации Академии наук, которые относились к политехнике [1, с. 736].

К числу получателей изданий Академии наук также относилось Рижское общество естествоиспытателей. В январе 1878 г. оно благодарило Академию за доставленные академические издания [1, с. 848]. На заседании Общего собрания Академии наук 7.03.1898 г., в частности, было принято решение о безвозмездном предоставлении Комитету Церковно — археологического музея в Риге, занимавшегося сохранением и изучением прибалтийских церковных памятников, академических изданий по археологии, причем как уже изданных, так и тех, которые предполагалось опубликовать в будущем [1, с. 1303].

Следует отметить, что на упоминавшемся выше Общем собрании 7.02.1864 г. Шифнер также обратил внимание присутствовавших на то, что в Академии наук были плохо представлены периодические издания, выходившие в Прибалтийских губерниях. В частности, из этих изданий в нее поступали лишь один журнал и две газеты: прибалтийско-немецкий журнал культурно-исторической проблематики “Baltische Monatsschrift” (издавался в Риге), выходившая там же латышская газета “Mahjas weesis”, ежедневная ревельская прибалтийско-немецкая газета “Revalsche Zeitung”. В то время как согласно Цензурному уставу, в Академию наук должно было поступать по одному экземпляру всех издававшихся в Российской империи книг и печатных изданий [1, с. 12; 3, ст. 79].

В итоге, по заявлению Шифнера, Общее собрание постановило обратиться к Прибалтийскому генерал-губернатору П.А. Шувалову с просьбой о том, чтобы в Академию наук доставлялись, помимо перечисленных выше, все публиковавшиеся в Прибалтийских губерниях газеты и журналы [1, с. 12]. Благодаря этому, фонды Академической библиотеки пополнились изданиями, выходившими в Прибалтийском крае.

На основании Цензурного устава, опубликованные в Прибалтийских губерниях издания также поступали в Академическую библиотеку из местных цензурных установлений, и в частности из Рижского цензурного комитета и от Отдельного цензора в Дерпте [1, с. 22, 105, 148, 448, 640, 655]. Однако время от времени возникали проблемы с поступлением в нее отдельных изданий из Прибалтийских губерний. Так, в 1898 г. разбирался вопрос о недоставлении в Академическую библиотеку прибалтийско-немецкой газеты “Revaler Veobachter”, выходившей в Ревеле с 1879 г.

Как отмечал непреременный секретарь Академии наук Н.Ф. Дубровин в отношении 20.01.1898 г. в Главное управление по делам печати, ее Конференция обратила внимание на то, что в Академическую библиотеку не доставлялась газета “Revaler Veobachter”, причем с самого начала издания последней [2, л. 1]. Это противоречило § 21 Устава Академии наук 1836 г., на основании которого в ее библиотеку поступали отечественные повременные издания.

В связи с этим Конференция поручила Дубровину просить Главное управление по делам печати распорядиться по линии цензурного ведомства о том, чтобы газета “Revaler Veobachter” была бы доставлена в Академическую библиотеку, начиная с ее первых номеров [2, л. 1].

Главное управление по делам печати, в свою очередь, 26.01.1898 г. обратилось к Эстляндскому губернатору Е.Н. Скалону с просьбой доставить в Библиотеку Академии наук все вышедшие номера газеты “Revaler Veobachter”. Просьба доставлять в нее номера этой газеты сразу же «по выходе их в свет» 21.01.1898 г. также была направлена Ревельскому отдельному цензору. Наряду с этим ему был задан вопрос о том, почему эта газета до сих пор не высылалась в Академическую библиотеку [2, л. 3–4].

Как объяснял Ревельский отдельный цензор Г.Г. Трусман в отношении 7.02.1898 г. в Главное управление по делам печати, «неправильность» в отправке “Revaler Veobachter” в Академическую библиотеку произошла вследствие того, что он следовал существовавшему при его предшест-

веннике порядку, когда часть экземпляров цензурируемых изданий отправлялась в библиотеки из его цензурного учреждения, другая же их часть высылалась туда непосредственно типографиями.

В результате произошла путаница — в некоторые учреждения эти издания вообще не доставлялись, в том числе в Академию наук, в Императорский Александровский университет, в то время как другие — Главное управление по делам печати, Императорская Публичная библиотека — получали их в двойном количестве экземпляров [2, л. 5].

По свидетельству Трусмана, в соответствии со сложившейся практикой он получал 8 экземпляров газеты “Revaler Beobachter”: 4 экземпляра сразу же после публикации, из которых один посылал в Главное управление по делам печати и два экземпляра — в Публичную библиотеку. Еще 4 экземпляра этой газеты Трусман получал спустя полгода в сброшюрованном виде и снова посылал их в те же учреждения. Оттуда, по его мнению, Академия наук должна была получить недоставленные в ее библиотеку экземпляры “Revaler Beobachter” [2, л. 5].

Об упоминавшейся выше другой ревельской прибалтийско-немецкой газете “Revalsche Zeitung” Трусман сообщал, что она доставлялась ему в четырех экземплярах — 2 из них он получал сразу после выхода в свет и еще 2 по истечении полугодия в сброшюрованном виде. При этом сама же редакция, по свидетельству цензора, отказалась посылать по одному экземпляру этой газеты в Публичную библиотеку и в Академию наук [2, л. 5].

Для того чтобы избежать подобных «неправильностей» с доставкой этих газет в будущем, Трусман обещал руководствоваться впредь непосредственным содержанием ст. 72 Устава о цензуре и печати [2, л. 5 об]. Эта статья предписывала цензурным установлениям требовать от издателей, среди прочего, при выходе в свет печатных изданий два их экземпляра для цензурного учреждения, по одному — для Александровского университета и Академии наук, два для Публичной библиотеки, если тираж издания был не менее 600 экземпляров, в случае меньшего тиража — один экземпляр [4, с. 16].

Как отмечал Эстляндский губернатор Е.Н. Скалон в отношении 17.02.1898 г. в Главное управление по делам печати, редакция “Revaler Beobachter” не имела возможности выслать в Академию наук недоставленные экземпляры этой газеты. Кроме того, по его свидетельству, в Главное управление по делам печати и в Публичную библиотеку высылались двойные экземпляры “Revaler Beobachter”. Следует отметить, что на полях документа отчеркнут соответствующий абзац и сделана помета: «Где же они?», которая, вероятно, принадлежала временно исполнявшему обязанности начальника этого управления М.П. Соловьеву [2, л. 6].

Вместе с тем Соловьев сообщал в отношении 1.04.1898 г. непременно секретарю Академии наук Н.Ф. Дубровину, что Главное управление по делам печати распорядилось доставлять в Библиотеку Академии наук все «имеющие выйти» номера газеты “Revaler Beobachter”. В то время как уже вышедшие ее номера, в том числе сброшюрованные за 1896 г., за первую половину 1893 г. и 1897 г., Главное управление вместе с другими изданиями передало в Публичную библиотеку [2, л. 7–7 об]. Как следовало из контекста этого отношения, Академия наук должна была

обращаться за недоставленными номерами газеты “Revaler Beobachter” непосредственно в Публичную библиотеку.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что книгообмен между Академической библиотекой и Прибалтийскими губерниями во второй половине XIX в. носил двусторонний характер, активно поддерживался и развивался как со стороны Академии наук, так и со стороны прибалтийских научных и образовательных учреждений и организаций. Деятельность Академической библиотеки по развитию этого книгообмена способствовала укреплению научных связей Академии наук с Прибалтийским краем, и интеграции его таким образом в общероссийское научное пространство.

Список источников

1. Протоколы заседаний Императорской Академии наук, 1864–1879 и 1890–1899: документы и указатели по истории БАН / науч. рук. Н.В. Колпакова; сост.: Н.С. Андреева, Н.Н. Елкина (отв. сост.); отв. ред.: Н.М. Баженова, М.П. Лепехин. Санкт-Петербург, 2020. Кн. 1. С. 1–942; Кн. 2. С. 943–1576.
2. РГИА. Ф. 776. Оп. 13. Д. 54.
3. Устав цензурный // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Санкт-Петербург, 1857.
4. Устав о цензуре и печати (Свод законов, т. XIV, изд. 1890 г. и по прод. 1902 г.), с изменениями по 1 июля 1905 г. / сост. И.Н. Лодыженский, И.В. Ратьков-Рожнов. Санкт-Петербург, 1905.
5. *Baer K.E.* Kaspische Studien. St. Petersburg, 1859.
6. *Baer K.E.* von. Über die Verbreitung des organischen Lebens // Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg tenue le 29 Décembre 1838. St. Pétersbourg, 1839. S. 145–198.
7. *Baer K.E.* Blicke auf die Entwicklung der Wissenschaft // Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des Sciences de Saint-Pétersbourg tenue le 29 Décembre 1835. St. Pétersbourg, 1836. S. 51–128.
8. *Baer K., Helmersen G. von.* Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. St. Petersburg, 1839–1861. Bd. 1–22.
9. Correspondenzblatt des Naturforschenden Vereins zu Riga. Jahrgang 14–16. Riga, 1864–1867.
10. Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus den Jahren 1850 bis 1863. Mitau, 1864.
11. Des Grafen Ludwig August Mellin bisher unbekannter Originalbericht über das angebliche Griechengrab an der livländischen Meeresküste / Mitgetheilt von G. Berkholz. Riga, 1875.

ANDREEVA N. Book exchange between Academy of Sciences Library and Baltic provinces: to the history of question (second half of the 19th c.)

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the book exchange between Academy of Sciences Library and the Baltic provinces in the second half of the 19th century. Special attention is paid to the directions of this book exchange and to the participation in its Dorpat university, Baltic scientific societies and educational institutions as well.

Keywords: Academy of Sciences Library, Baltic provinces, University of Dorpat, Baltic Germans, Karl Baer, censorship, Baltic newspapers, Anton Schiefner, book exchange.

УДК 025.343.2
ББК 78.364

Д.Д. Дымская

ИСТОРИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ В БАН

Дымская Дарья Дмитриевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела научной систематизации литературы БАН

Библиотека Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: cromwell@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется история систематизации литературы по языкознанию в Библиотеке академии наук, начиная с классификации Бэра и заканчивая используемыми в настоящее время таблицами Библиотечно-библиографической классификации (ББК) 1963 г.

Ключевые слова: Библиотека академии наук, систематизация литературы, языкознание, классификация К.М. Бэра, Библиотечно-библиографическая классификация (ББК).

До 1929 г. в БАН использовалась система Карла Бэра, разработанная в 1835–1840 гг. Подобно другим дореволюционным библиотечно-библиографическим классификациям, она относится к перечислительному типу, т.е. деления располагаются в простой последовательности иерархического ряда. Показательно, что К. Бэр ставил филологию достаточно высоко: в его классификации она занимает третье место (*Glossologia seu libri grammatici. (Linguae)*), следуя сразу после разделов, посвященных библиотековедению и общей истории литературы, а также общенаучным книгам и разного рода энциклопедиям, т.е. по сути лингвистика у него является первым *предметным* разделом. В этом ученый был не одинок: в отечественных классификациях XVIII в., составленных Николаем Николаевичем Бантыш-Каменецким (1737–1814) и Павлом Григорьевичем Демидовым (1738–1821), филология также занимала первое место, что в известном смысле служило отражением «общественных настроений культурных представителей высшего служилого дворянства» [1, с. 116, 154].

Первый подраздел лингвистики в схеме К. Бэра включает в себя общие работы по языку и сравнительному языкознанию (теория и происхождение языка, письмо, родство и различия языков, языки различных корней, а также малоизученные языки — албанский и иберийский); остальные подразделы соответствуют языковым группам, либо отдельным языкам. В частности, для греческого и латыни предусмотрен как общий подраздел «Классические языки», так и персональный для каждого. В подраздел «Романские языки» входят только испанский и португальский, а итальянский, румынский и французский имеют собственные подразделы. К подразделу «Германские языки» относятся немецкий и его диалекты, а также нидерландский и фламандский; английский же вынесен в самостоятельный подраздел; за ним следует подраздел скандинавских языков (исландский, датский, шведский). Далее идут славян-

ские языки (славянские в целом и древнеславянский, русский, польский, а также «остальные славянские»); литовские (литовский, прусский, латышский, причем сюда же включена латышская литература и литература Инфлянтов); финские языки вместе с мадьярским (финский, эстонский, лапландский, мадьярский; здесь же эстонская литература); тюркские (западный тюркский и татарские языки); семитские (еврейский, пунический, халдейский, сирийский, арабский, эфиопский и амхарский); зендский, персидский и афганский языки; армянский и грузинский; языки Индии (санскрит, пали, тамильский, хиндустани); языки верхней Азии (тибетский, монгольский, маньчжурский); языки юго-восточной Азии (китайский, японский, корейский); африканские (египетский и коптский, а также языки средней Африки); американские и, наконец, полинезийские.

Некоторые языки — греческий, латынь, итальянский, румынский, французский, немецкий, английский и русский — разработаны более подробно, и посвященные им подразделы имеют внутреннее деление на несколько категорий, среди которых чаще всего фигурируют грамматика, словари и учебники [2, с. 6–9].

Несовершенство подобной систематизации очевидно: давать подразделам названия языковых ветвей, как было сделано с германскими и романскими языками, и включать туда лишь некоторые из относящихся к ним языков, а остальные выносить в самостоятельные подразделы, словно они не являются их частью, представляется нелогичным. Вызывает сомнение и избирательное включение в отдельные подразделы не только языков, но и литературы на них, при том, что для других подразделов этого не сделано, да и сам раздел художественной литературы как таковой в классификации Бэра отсутствует (есть только история литературы отдельных народов, которая собирается в разделе I.D.c). Не вполне уместным кажется и смешение принципов классифицирования: если в случае с индоевропейскими языками деление в основном производится по принципу родства языков, то в случае с азиатскими в действие вступает территориальный принцип — иначе не понятно включение тибетского языка в подраздел языков верхней Азии, или объединение в один подраздел грузинского и армянского, либо китайского, корейского и японского.

Впрочем, думается, что перечисленные недостатки можно отчасти объяснить уровнем развития лингвистики на момент создания системы Бэра, а отчасти — объемом имеющейся и поступающей в данный раздел литературы.

С течением времени ситуация несколько изменилась. Система Бэра перестала удовлетворять требованиям своего времени. В связи с этим в 1925 г. во II Отделении прошло совещание по вопросам систематизации: было решено создать новую схему на основе бэровской, но с уточнениями и исправлениями [3, л. 11 об.]. В частности, в раздел языкознания были внесены незначительные изменения, придавшие схеме более логичный и вместе с тем более общий характер. Так, подраздел «Романские языки» был переименован в «Романские языки вообще», а испанский и португальский языки получили собственный подраздел, где к ним был добавлен каталанский; в подраздел румынского языка был

добавлен ретороманский; также в схему был включен провансальский язык, выделенный в самостоятельный подраздел. С германскими языками произошло примерно то же самое: посвященный им подраздел был переименован в «Германские языки вообще», а немецкий, голландский и фламандский языки оказались в собственном подразделе. Подраздел «Литовские языки» был переименован «Литовско-латышские языки» (что представляется более правильным), а «Тюркские языки» — в «Турецкие» (хотя первоначальный вариант был более корректным); кроме того, все внутренние деления подразделов отдельных языков были убраны [4, л. 2]. Причиной тому, вероятно, было то, что составители в первую очередь стремились создать основу, с которой можно было бы работать в новых условиях, а детали решили отложить до того момента, пока не будет принята основа (во всяком случае, все разделы в данном проекте не детализированы).

Однако реализовать проект так и не удалось, поскольку стало ясно, что даже в обновленном виде система Бэра не соответствует состоянию развития наук на данном этапе.

Поэтому с 1 января 1930 г. было решено перевести БАН на десятичную классификацию. Эта система была разработана в 1876 г. Мелвиллом Дьюи, затем на ее основе была создана Универсальная десятичная классификация. В изначальном «брюссельском» варианте 1905–1907 гг. раздел «Филология» находится под номером 4. Основными его делениями являются: 410 — Сравнительная филология, 420 — Английская, 430 — Германская, 440 — Французская, 450 — Итальянская, 460 — Испанская, 470 — Латинская, 480 — Греческая и, наконец, 490 — Меньшие языки [1, с. 180–182]. Подобное разделение едва ли можно счесть приемлемым даже для начала XX в., поскольку, как видно, оно включает в себя только индоевропейские языки, в то время как даже система Бэра охватывает (или, по крайней мере, пытается охватить) все языковое многообразие современного ему мира.

Десятичная классификация была переведена на русский язык и издавалась как в исходном, так и в переработанном виде. Однако, как заявил в 1934 г. заведующий отделом систематизации БАН Всеволод Васильевич Успенский, с точки зрения методологии для советских библиотек она не годилась [5, стб. 34], а потому надо было заняться построением собственной, советской классификации, основанной на принципах диалектического материализма. Главная задача состояла в том, чтобы «построить динамический ряд, отражающий естественный порядок развития изучаемых науками объектов» [5, стб. 36]. Исходя из этого, последовательность разделов должна была выглядеть приблизительно следующим образом: методологические дисциплины — неорганический мир — биологические науки — человек — социальное бытие [5, стб. 38]. Очевидно, филология должна была относиться к последнему разделу, что и обусловило ее место в классификациях, созданных в советскую эпоху.

Работа над созданием схем велась на протяжении 1930-х гг. Так, в проекте схемы 1934 г. «Языкознание» обозначено просто как «Язык» и помещено в подраздел «Идеологические надстройки» более крупного раздела «Г. Социально-политические надстройки» [6 с. 178], но этот вариант оказался нежизнеспособным и не получил дальнейшего развития.

Более подробная классификационная схема по языкознанию была готова уже в 1937 г. Она состояла из четырех «отделов», которые, в свою очередь, делились на несколько подразделов, а те включали в себя еще более дробные деления. В самом общем виде схема выглядит следующим образом: Отдел первый — «Методология и история языкознания» (классики марксизма-ленинизма о языке, новое учение о языке на различных этапах своего развития, предшественники буржуазного языкознания, буржуазное языкознание XIX и XX вв. и русское языкознание XVIII — начала XX вв.), отдел второй — «Языковое строительство национальных языков СССР», отдел третий — «История языка» (язык и общество, происхождение языка, развитие языка, строй языка) и отдел четвертый — «Языки мира» (общие труды, сравнительная грамматика, сравнительные словари, различные языковые системы с перечнем языков внутри систем по алфавиту). Как видно, в схеме значительное внимание уделено теоретически-методологическим вопросам, в то время как основная лингвистическая часть проработана в гораздо меньшей степени — деление по языкам отсутствует (или, по крайней мере, не представлено в материалах дела), а потому невозможно судить о качестве их классифицирования [7, л. 98–102].

К 1939–1940 гг. систематический каталог по языкознанию был завершен. Однако этот вариант не был окончательным, и впоследствии как схема, так и каталог неоднократно пересматривалась и переделывалась [8, с. 412–413]. Иван Васильевич Молодцов, возглавлявший ОСИ в 1950-е гг., сформулировал это следующим образом: «Незадолго до Великой Отечественной войны в БАН были организованы некоторые разделы систематического каталога — история, литература, языкознание, — виден явно гуманитарный уклон в подборе первоочередных разделов систематического каталога. Во время Великой Отечественной войны систематическим каталогам был нанесен большой ущерб; по сути дела, после войны в Библиотеке не было систематического каталога, что было отмечено в постановлении Президиума АН СССР от 10 мая 1950 года» [6, с. 252].

В 1945–1949 гг. в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ) был подготовлен и издан сокращенный вариант библиотечной классификации, который затем был разослан в библиотеки (в т.ч. в БАН) для ознакомления. Раздел «Языкознание» в нем обозначен как Ц2/9 и включает в себя следующие подразделы: Ц2а1 Классики марксизма-ленинизма о языке, Ц2а3 Предмет и метод языкознания, Ц2д 22/3 Языкознание в СССР, Ц21 Общие проблемы языкознания, Ц22 Сравнительное языкознание, Ц3/9 Частное языкознание (Ц3/5 Языки Евразии, Ц6 Языки других частей света, Ц8 Искусственные языки, Ц9 Преподавание и изучение языков). Для подразделения материала об отдельных языках предусмотрены специальные рубрики: -д История изучения языка, -5 Письмо, -6 Система языка, -7 Метрика, -9 Учебная литература [9, с. 123–125].

Спустя год издание было повторено с некоторыми купюрами и снова разослано по библиотекам. Языкознание в нем было перенесено в индекс Х2/9. Также появилась отсутствовавшая в версии 1949 г. рубрика «Сталинское учение о языке и языкознании» (она стала частью подраздела

«Классики марксизма-ленинизма о языке») и новая рубрика — «Языкознание в зарубежных странах». Из «Общих проблем языкознания» были изъяты «Кинетическая речь» и «Звуковая речь», а к «Лексикологии» добавлены рубрики «Проблема основного словарного фонда и словарного состава», «Проблема отдельного слова». В типовых рубриках деление «д» было заменено на единицу. В «Частном языкознании» языки Европы и Азии стали открываться не классическим языкознанием, как было в схеме 1949 г., а славянскими. Классическое языкознание оказалось вынесенным в отдельную рубрику (X39), но она, по сути, содержит лишь отсылки к рубрикам греческого языкознания (X34) и романского (X41). Иначе стали называться рубрики, посвященные языкам Евразии, которые не относятся к индоевропейской семье. В частности, языки яфетической системы (термин, предложенный Николаем Яковлевичем Марром) были переименованы в языки иберийско-кавказской семьи, а индокитайские языки — в языки китайско-тибетско-бирманской семьи. Широко использовавшийся в варианте 1949 г. термин «система» был повсеместно заменен на «семью» [10, с. 110–112].

Предложенная ГБЛ классификация была рассмотрена на расширенном заседании ученого совета БАН 19 октября 1951 г. В дискуссии приняли участие не только библиотекари, но и ученые — специалисты по различным наукам, являвшиеся членами ученого совета БАН [8, с. 7].

Известный филолог-романист, академик Владимир Федорович Шишмарев, высказал целый ряд претензий к построению раздела «Языкознание». В частности, он указал на нелогичность подрубрики «сравнительно-исторический метод» в «Сравнительном языкознании», поскольку она только одна и, следовательно, надо либо называть так саму рубрику, либо добавлять в нее и другие подрубрики. Кроме того, ученый отметил отсутствие рубрики «Сравнительная грамматика» при том, что литературы по данной теме достаточно много. Вопросы вызвало и заглавие одной из рубрик в «Частном языкознании», а именно — «Иллирийское языкознание», поскольку неясно, какие языки к нему относятся и, возможно, разумнее было бы назвать рубрику «иллиро-фракийское языкознание». В целом же, заключил В.Ф. Шишмарев, «обсуждать можно только верхний этаж, и то с некоторыми оговорками. А для того, чтобы предложить какие-то организационные формы дальнейшего обсуждения, <...> самое правильное было бы обратиться к специальным собраниям, на которых объединялись бы языковеды разных интересов разных специальностей с целью обсудить соответствующие рубрики и т.д. и т.д.» [8, с. 76–80].

Работа продолжилась. В итоге для систематизации литературы по языкознанию стала использоваться схема 1963 г., разработанная главными библиотекарями ГБЛ Мариной Семеновной Рукосуевой и Ларисой Соломоновной Якушиной при участии Владилены Павловны Мурат на основе варианта, составленного главным библиотекарем ГБЛ Эддой Ароновной Халифман [11, с. 3]. К моменту ее выхода каталог БАН по филологическим наукам был построен по «близким схемам к предлагаемой классификации», т.е. по более ранним классификационным схемам ГБЛ. С выходом же версии 1963 г. началось приведение каталога в соответствие с ней [12, л. 27]. Через семь лет работа завершилась, и

на заседании научно-методического совета 28 апреля 1970 г. каталог был сдан и принят «с хорошей положительной оценкой» [13, л. 33].

Что же представляет собой данная схема? После вступительного подраздела, включающего предмет и задачи, историю филологии, организацию научно-исследовательской работы в ней и т.п. идет подраздел Ш10 Общее языкознание, затем Ш11 Прикладное языкознание, а далее — Ш12/17 Языки мира, сгруппированные с учетом межгрупповых и межсемейных языковых связей и отношений. Языки и группы языков, связи которых не установлены, объединены по территориальному признаку (языки Африки, языки индейцев Америки, etc.). После языков мира помещен подраздел Ш18 Искусственные языки, куда входят литература о таких языках, как эсперанто, эсперинг, волапук и т.п. Для каждого языка предусмотрены типовые деления, позволяющие охватить различные его аспекты, как то: 0 — история языка, -1/-7 — система современного языка, -8 — Письмо и -9 — преподавание и методика изучения языка. Завершается раздел «Языкознание» подразделом Ш19 Стенография, присоединенным к нему условно [11, с. 7–14]. Нельзя не признать, что схема выстроена достаточно логично и в целом соответствует уровню развития языкознания своего времени.

В ходе использования таблиц при создании Центрального систематического каталога БАН и в связи с развитием лингвистики в схему были внесены изменения, необходимые для более точной индексации и отражающие актуальное состояние знания о языке. Так, были изменены индексы некоторых языков. Например, восточнославянские языки, изначально обозначенные как Ш141.2 (русский), Ш141.3 (белорусский) и Ш141.4 (украинский), теперь фигурируют под индексами Ш141.12, Ш141.13 и Ш141.14 соответственно, что позволяет подчеркнуть их принадлежность именно к данной группе, т.к. восточнославянские языки в целом следуют под индексом Ш141.1. Персидский язык был изначально представлен индексом Ш152.311, а теперь обозначается как Ш152.131.11; скифские языки располагались под индексом Ш152.13, а теперь индексируются как Ш152.113; крымско-татарский язык обозначался как Ш163.29, а теперь — как Ш163.294 etc. Кроме того, к «Общему языкознанию» были добавлены подразделы, отражающие относительно новые и активно развивающиеся направления филологии (когнитивная лингвистика, паралингвистика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, etc.). Именно в таком виде каталог БАН функционирует в настоящее время.

Подведем итоги. Формирование классификационных схем по языкознанию в первую очередь определялось уровнем развития лингвистики в тот или иной период, а также объемами поступающей и имеющейся литературы по соответствующим темам. Идеология же, несмотря на предпринятые в советское время попытки привнести ее в классификацию, оказывала гораздо меньшее влияние на систематизацию литературы по языковедческим дисциплинам, нежели по наукам, имеющим более социально заостренный характер (как, например, история или религия), и нашла отражение лишь в положении, которое филология занимает в классификационной схеме, а также во вступительных подразделах, в то время как основное «тело» схем осталось не затронутым.

Список источников

1. Шамурин Е.И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. Т. II. Москва, 1959. 562 с.
2. Conspectus indicis systematici bibliothecae academiae imperialis scientiarum Petropolitanae. Index sectionis II-ae libros linguis externis conscriptos. Continentis primum A. MDCCCXLI a С.Е. Baer confectus nunc recognitus. Petropoli, 1903. VI, 42, [87] с.
3. Протоколы заседаний заведующих Отделениями, совещания по вопросу о систематизации книг Библиотеки и по устройству Кабинета Византиноведения // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1925). Д. 6. 73 л. Машинопись.
4. Система классификации книг II Отделения Библиотеки АН — академика К.М. Бэра. Проект изменений и дополнений системы // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926). Д. 15. 15 л. Машинопись.
5. Успенский В.В. Проблема марксистско-ленинской классификации наук применительно к систематическому каталогу: из опыта Библиотеки Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1934. № 7–8. Стб. 31–42.
6. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК): к истории разработки в 1950-е годы : сборник документов / БАН; авт.-сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д.Д. Дымская, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург : БАН, 2022. 405 с.
7. Схемы систематизации каталогов и расстановки книг БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1937). Д. 78. 188 л.
8. [Кукушкина М.В.] Библиотека Академии наук СССР в 1930–1940 гг. // История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964 / АН СССР. БАН. Москва, 1964. С. 382–426.
9. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / под ред. Е.И. Шамурина; ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Москва, 1949. 155 с.
10. Библиотечная классификация (сокращенный вариант) / ред. О.П. Тесленко; ГБЛ им. В.И. Ленина. Москва, 1951. 159 с.
11. Библиотечно-библиографическая классификация: Таблицы для научных библиотек. Вып. XX: III Филологические науки. Художественная литература. Москва, 1963. 203 с.
12. Протоколы заседаний НМС Отдела систематизации литературы и материалы к ним; планы и отчеты НМС за 1964 г., 16 марта — 25 декабря 1964 г. // Архив БАН. Ф. 1 Оп. 3. Д. 813. 119 л.
13. Протоколы заседаний НМС Отдела систематизации литературы и материалы к ним, 13 февраля — 28 декабря 1970 г. // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1040. 127 л.

DYMSKAYA D.D. The history of systematization of literature on linguistics in the Russian Academy of Sciences Library

Dymskaya Daria — Candidate of Historical Sciences, Systematization Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: cromwell@inbox.ru

ABSTRACT

The paper deals with the history of systematization of literature on linguistics in the Russian Academy of Sciences Library from K. Baer classification to the presently used Library-Bibliographical Classification of 1963.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, systematization of literature, linguistics, Baer classification, Library-Bibliographical Classification.

С.Е. Хаздан

**ОТДЕЛ БРОНИРОВАННОГО ФОНДА
В СОСТАВЕ БИБЛИОТЕКИ АН СССР:
первая бригада (январь–март 1944 г.)**

Хаздан Софья Евгеньевна — ведущий библиотекарь научно-исследовательского отдела изданий Академии наук

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В 1944 году было принято решение передать Бронированный фонд из ведения магазина «Академкнига» Библиотеке АН СССР. Для работы с Фондом в январе в БАН была создана бригада. Статья посвящена уточнению биографий членов бригады.

Ключевые слова: Бронированный фонд, блокада Ленинграда, магазин «Академкнига», бригада.

Бронированный фонд академических изданий при Президиуме РАН — одно из старейших подразделений Академии наук. Бронированный фонд является приемником Книжной палаты (Книжной лавки), организованной вскоре после открытия Академической типографии, в 1728 г. [1, 2, 3]. За 300 лет существования Фонд неоднократно менял название и место расположения, фактически подчинялся разным академическим учреждениям [1, с. 65; 4; 5; 6; 7]. В 1986 году Бронированный фонд вошел в состав образованного тогда Отдела изданий Академии наук (ныне имеющего статус научно-исследовательского). Основными функциями Фонда являются: кумуляция и сохранение изданий Академии наук, участие в комплектовании новых отделов и библиотек подразделений Академии наук [8]. В разные периоды в число его функций входили также выставочная деятельность [2] и составление каталогов [9].

Отдельным аспектам истории Фонда посвящены работы А.Д. Бочагова, А.А. Зайцевой, Ю.М. Тарасовой, К.В. Лютовой, Н.М. Баженовой, Т.В. Кульматовой, А.А. Балакиной и Н.В. Бекжановой. Наше исследование затрагивает один из важных, но малоосвещенных периодов в истории Бронированного фонда — его передачу Библиотеке АН СССР в качестве самостоятельного отдела в 1944 г.

С 1938 г. Фонд находился в ведении Конторы по распространению изданий АН СССР (магазина) «Академкнига», образованной на основе Сектора распространения изданий Ленинградского отделения Издательства Академии наук СССР (АН СССР).

В 1944 г. Бронированный фонд был передан Библиотеке АН (БАН)¹. Прием книг Фонда осуществлялся бригадами. Так называемый бригадный метод в Советском Союзе применялся в разных сферах хозяйствен-

¹ Библиотека Императорской академии наук (1714–1925), Библиотека Академии наук СССР (БАН, 1925–1992), Библиотека РАН (с 1992 г.).

ной и культурной деятельности. Суть метода состояла в распределении планового объема работ на весь коллектив бригады без закрепления функций за конкретными сотрудниками. Таким образом, за выполнение плана отвечал весь коллектив. По окончании временных работ бригада расформировывалась. В данной статье мы рассматриваем работу одной, первоначальной бригады, экстренно сформированной из сотрудников разных отделов БАН. Пользуясь документами и базой данных Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) [10], неопубликованными источниками из Сектора Музейно-выставочной и архивной работы (МВАР) БАН [11, 12], а также монографиями [1] и статьями из сборников [5, 7, 13] и периодических изданий [14, 15], мы раскрываем сведения о сотрудниках и сопоставляем их биографии с событиями по передаче Бронированного фонда.

Решение о передаче Фонда, прежде входившего в состав «Академкниги», Библиотеке АН было принято через год после прорыва блокады Ленинграда, 10 января 1944 г. на партийном собрании членов и кандидатов ВКП(б) Ленинградских учреждений АН СССР. На заседании выступили с докладами Михаил Ефимович Федосеев² и заместитель директора БАН Вера Матвеевна Тамань (1907 — после 1975). Директор БАН Иннокентий Иванович Яковкин в это время находился в эвакуации³ [16].

В тот же день для работы с Бронированным фондом в Библиотеке была создана бригада из пяти сотрудников: Александры Алексеевны Петровой (бригадир), Клавдии Петровны Вороновой, Марии Петровны Горюновой, Антонины Степановны Мудровой и Марии Евгеньевны Константиновой [14, с. 125; 17]. Примечательно, что это была именно бригада, экстренно собранная из разных отделов БАН, а не специально нанятые сотрудники. Люди, задействованные в передаче Фонда, как следует из их личных дел, хранящихся на данный момент в Секторе МВАР БАН, официально оставались в прежних отделах: их деятельность с Бронированным фондом в личных делах не отражена, что существенно затрудняет исследование. Краткие биографические справки о работниках БАН приведены в «Биографическом словаре сотрудников Библиотеки РАН» [18, 19].

При обращении к этой теме мы сталкиваемся с отрывочностью биографических сведений. Для уточнения деталей биографии А.А. Петровой и выявления сведений о М.Е. Константиновой (биографическая статья о ней в словаре отсутствует) мы обратились к фондам Сектора МВАР БАН. По сведениям из «Биографического словаря», А.А. Петрова на момент назначения была библиотекарем первого разряда Отдела обслуживания БАН [19, с. 574]. В документах из Сектора МВАР БАН ее работа с Бронированным фондом не отражена [11]. Однако из них мы узнаем, что 13 января 1937 г. она пришла в Библиотеку на должность уборщицы, а 16 марта 1956 г. уже была старшим библиотекарем (с 1937 по 1956 г., название отдела отсутствует). Отдел обслуживания указан в карточке

² На тот момент Федосеев был исполняющим обязанности уполномоченного Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям АН СССР и начальником Ленинградского академического хозяйственного управления (ЛАХУ).

³ Решение о его возвращении было принято 23 марта, в связи с восстановительными работами в БАН. К обязанностям Яковкин приступил 15 апреля [16, л. 43].

учета кадров только 1 января 1968 г. [11, л. 36–36 об.], при этом в характеристике, приложенной к личному делу А.А. Петровой, значится, что еще в 1937 г. она была принята в Отдел обслуживания БАН в качестве курьера. В том же 1937-ом переведена на должность помощника библиотекаря в Главный читальный зал⁴ [11, л. 43]. А с 1 мая 1944 г. Александра Алексеевна была определена исполняющей обязанности старшего библиотекаря в Отдел хранения [11, л. 36–36 об.].

Из личного дела М.Е. Константиновой (1916–?) мы выявили, что 19 декабря 1942 г. она была принята на работу грузчиком в Административно-хозяйственный отдел БАН⁵. Правда, здесь мы наблюдаем разночтения: согласно ее автобиографии, составленной для Отдела кадров, изначально она исполняла обязанности табельщицы [12, л. 257]. За время работы Мария Евгеньевна последовательно была старшим экспедитором и агентом-экспедитором. Позднее занимала и другие должности, например, в 1960-е годы (10.11.1966 — 31.12.1967) исполняла обязанности инспектора по кадрам [12, л. 253]. Сведения о работе М.Е. Константиновой с Бронированным фондом в личном деле отсутствуют.

Информация о трех оставшихся членах первой бригады, К.П. Вороновой, М.П. Горюновой и А.С. Мудровой, есть в «Биографическом словаре». Однако, если сведения о работе К.П. Вороновой (1910–?) сохранились: в 1944 году была переведена из грузчиков на должность помощника библиотекаря в Отдел бронированного фонда [18, с. 150], то данных о работе с Фондом А.С. Мудровой (1895–1957) и М.П. Горюновой (1924–?) нет [18, с. 188, 506]. Косвенным свидетельством может быть перевод М.П. Горюновой на должность библиотекаря I разряда в августе 1944 г. [18, с. 506].

Окончательное решение по передаче Фонда БАН в качестве самостоятельного отдела вышло только 20 марта 1944 года — через три месяца после партийного собрания и формирования первой бригады [20]. Постановление хранится в СПБФ АРАН и неоднократно упоминается в публикациях — К.В. Лютовой, Ю.М. Тарасовой, А.А. Балакиной и Н.В. Бекжановой и др. [1, 2, 3, 14, 15]. Согласно документу, принимать Бронированный фонд у «Академкниги» [21, с. 352] должны были от пяти до семи человек со стороны Библиотеки. Поскольку направленных изначально людей оказалось недостаточно, было решено увеличить штат нового отдела со второй половины 1944 года до семи человек. Всего для эффективной работы Отдела бронированного фонда были выделены ставки одного главного библиотекаря, двух старших библиотекарей, двух библиотекарей второго разряда и двух технических сотрудников [20].

Передача Бронированного фонда БАН совпала с началом восстановительных работ в Библиотеке. Из-за недостатка квалифицированных сотрудников наладить рабочий процесс не получалось. Одни сотрудники не пережили блокаду, другие — были эвакуированы. В день выхода постановления, 20 марта 1944 г., Тамань обратилась к И.И. Яковкину с просьбой направить для работы с Бронированным фондом Константина Илларионовича Шафрановского [22] и двух библиотекарей. К.И. Шаф-

⁴ Согласно карточке учета кадров — после 1 июля 1939 года.

⁵ Во время работы в БАН жила по адресу Биржевая линия, дом 1, квартира 58.

рановский на тот момент по распоряжению Президиума АН СССР находился в Москве, куда был командирован еще в 1942 году «для комплектования, обработки и организации библиографической работы» [14, с. 128]. 23 марта вице-президент АН СССР, академик Александр Александрович Байков просил М.Е. Федосеева вернуть для работы в БАН и других сотрудников, отозванных в Москву в 1942 году.

Передача Бронированного фонда академических изданий Библиотеке РАН была единовременной акцией, завершившейся с приемом и оформлением имевшегося на тот момент объема книг. Экстренно организованная для этой цели бригада не числилась официально в новом отделе, и сведения о ее работе редко отражались Отделом кадров в личных делах. Выполнявшая обязанности заведующей Бронированным фондом А.А. Петрова также некоторое время оставалась лишь «бригадиром»: согласно Постановлению, руководство отделом планировалось передать главному библиотекарю, тогда как она была на ставке старшего библиотекаря. Подходящей кандидатуры в течение месяца так и не было найдено⁶, и в апреле 1944 г. А.А. Петрова официально возглавила Отдел бронированного фонда, которым руководила в общей сложности семь лет.

Мы планируем продолжить выявление работников БАН, участвовавших в процессе передачи Бронированного фонда Библиотеке. Также мы надеемся найти фамилии сотрудников, работавших с Бронированным фондом после 1944 года и установить, с какого времени они оформлялись в Отделе официально.

Список источников

1. *Лютлова К.В., Тарасова Ю.М.* Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург : БАН, 1992. 112 с.
2. *Тарасова Ю.М.* Бронированный фонд академических изданий как национальное достояние российской науки [Электронный ресурс] // Библиотечные фонды: проблемы и решения : электронный журнал-репринт. 2002. № 3. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag03/tarform.php?papka=12&id_sec=11 (дата обращения: 06.07.2022).
3. *Тарасова Ю.М., Баженова Н.М.* Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. 2005. № 3. С. 4–10.
4. *Бочагов А.Д.* Книжная палата Академии наук, 1728–1740. Санкт-Петербург, 1893. 24 с.
5. *Зайцева А.А.* Книжная лавка Академии наук в конце XVIII в. // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в.: сборник научных трудов / отв. ред. С.П. Луппов. Ленинград, 1983. С. 121–135.
6. *Зайцева А.А.* Ассортимент книжной лавки Академии наук в конце XVIII в. // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. / отв. ред. С.П. Луппов. Ленинград, 1984. С. 140–164.
7. *Кульматова Т.В.* Август Вейхардт и реорганизация книжных магазинов Академии наук // Библиотека академии наук: 300 лет служения науке: юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской академии наук, 27–28 ноября 2014 г., Санкт-Петербург: тезисы докладов / отв. сост. О.В. Скворцова. Санкт-Петербург, 2014. С. 1007–1013.
8. *Тарасова Ю.М.* Бронированный фонд Президиума АН СССР как источник комплектования академических библиотек // 275 лет Библиотеке Академии наук:

⁶ Федосеев еще 10 января предлагал на должность заведующей Отдела бронированного фонда «старейшего работника издательства» Зинаиду Ивановну Савинову (1895–?) [10]. Но эта кандидатура по неизвестным нам причинам принята не была.

сборник докладов юбилейной науч. конференции, 28 ноября — 1 декабря 1989 г. / отв. ред. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 1991. С. 77–85.

9. *Баженова Н.М.* Библиотека Академии наук и учреждения Главного штаба русской армии в первой четверти XX века // Библиотека академии наук: 300 лет служения науке: юбилейная научная конференция, посвященная 300-летию Библиотеки Российской академии наук, 27–28 ноября 2014 г., Санкт-Петербург: тезисы докладов / отв. сост. О.В. Скворцова. Санкт-Петербург, 2014. С. 948–955.

10. Савинова Зинаида Ивановна // Архив СПбФ АРАН: [сайт]. URL: <http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/31967/> (дата обращения: 11.06.22).

11. Петрова Александра Алексеевна: личное дело // Архив БАН. Ф. 158. Оп. 2 л. Д. 12.

12. Константинова Мария Евгеньевна: личное дело // Архив БАН Ф. 158. Оп. 2 л. Д. 6.

13. 275 лет Библиотеке Академии наук: сборник докладов юбилейной научной конференции, 28 ноября — 1 декабря 1989 г. / отв. ред. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 1991. 318 с.

14. *Балакина А.А., Бекжанова Н.В.* Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–апрель 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3. С. 115–133.

15. *Балакина А.А., Бекжанова Н.В.* Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, сентябрь–декабрь 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1. С. 3–21.

16. Постановления и распоряжения Академии наук, Устав БАН и положение о Библиотечной комиссии, записки и переписка о структуре, о штатах и кадрах БАН // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 — 1944. Д. 1. 64 с.

17. Приказы по личному составу // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 — 1943. Д. 6. Л. 12.

18. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 1. 568 с.

19. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 569–1143.

20. О передаче Академкнигой бронированного фонда Президиума АН СССР Библиотеке АН СССР: постановление Президиума Академии наук СССР от 20 марта 1944 года // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 — 1954. Д. 4. Л. 5.

21. *Васильев В.И.* Становление и развитие издательского комплекса РАН: к 270-летию академического книгоиздания // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 4. С. 349–358.

22. Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973): сборник трудов международной научной конференции, 25–26 ноября 2008, Санкт-Петербург / сост. Н.М. Баженова, отв. ред. О.В. Скворцова. Санкт-Петербург, 2011. 288 с.

Khazdan S. The Safekeeping department at the Academy of Sciences of USSR Library: the first brigade (from January to March 1944)

Khazdan Sofia — Leading Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

In 1944 it was decided to transfer the Safekeeping department from the book store “Academkniga” to the Academy of Sciences of USSR Library. The first brigade for working with new collection was assembled in January. This article is devoted to clarifying biographies of brigade members.

Keywords: Safekeeping department, blockade of Leningrad, book store “Academkniga”, brigade.

УДК 338.012+338.46
ББК У495(2)+Ч114(2)

Р.А. Жумаев

ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЭКОНОМИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭКОНОМИКЕ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ СИСТЕМАТИЧЕСКОМ КАТАЛОГЕ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Жумаев Роман Анверович — библиотекарь II категории отдела научной систематизации литературы

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: razhumaev@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется количественное соотношение книг, представленных в Центральном систематическом каталоге Библиотеки Российской академии наук (БАН) по различным индексам библиотечно-библиографической классификации (ББК) в сфере экономики культуры и образования России. Делается вывод о специфике систематизации литературы по экономике культуры.

Ключевые слова: экономика, культура, образование, Библиотечно-библиографическая классификация (ББК).

Знание является важным фактором не только экономики в целом, но и производства, наряду с землей, трудом и капиталом. Некоторые экономисты говорят о первенстве фактора знания. «Знание — основной фактор производства в XXI веке, а традиционные факторы (земля, труд и капитал) в современной экономике имеют второстепенное значение», — пишет Р.А. Амиров [4, с. 81]. Следовательно, и воспроизводству знаний уделяется особое внимание. С экономической точки зрения воспроизводство знаний в обществе означает финансирование фундаментальных и прикладных исследований, поддержку инноваций, создание и развитие образовательных институций (школ, ВУЗов и т.д.). Исследователи подчеркивают значимость также и культуры. М.А. Алиев в статье «Проблема взаимодействия культуры и экономики» отмечает: «С одной стороны, определяющую роль в жизни общества играет материальное производство; культура вырастает из экономической деятельности человека, надстраивается над ней, обслуживает эту деятельность. Так что имеет место влияние экономики на культуру. С другой стороны, культура играет существенную роль в обществе, обеспечивает его целостность и развитие, выступает средством аккумуляции, хранения и передачи человеческого опыта в процессе развития экономики» [2, с. 113].

Экономика культуры и экономика образования — особые направления экономической науки. Значимость этих сфер в обществе не подвергается сомнению. Как пишет Р.А. Амиров в статье «Образование в экономике и экономика в образовании»: «В современном мире возрастает роль образования в формировании конкурентоспособной экономики и высоконравственной, интеллектуально развитой личности» [3, с. 142].

Анализируя Центральный систематический каталог Библиотеки Российской Академии наук, исследователи могут, применяя методы статистики, установить соотношение выпускаемой литературы по различным областям научного знания. Несмотря на то, что по таким наукам как экономика, культурология, социология каждый год издается большое количество литературы, исследования в области экономики культуры не пользуются большой популярностью среди экономистов.

Изучение данной темы усложняется проблематичностью самого понятия культура. Современные исследователи насчитывают более пяти сотен определений культуры. Кроме того, Центральный систематический каталог БАН устроен таким образом, что литература, посвященная экономике культуры в целом, собирается в разделе Ч Культурное строительство, а не в разделе У Экономика. Одновременно с этим под индексом У26(2)155.1 (расходы на просвещение и культуру) объединяется литература, в которой рассматриваются вопросы финансирования как культуры, так и народного просвещения.

Цель данной статьи — проанализировать соотношение литературы по экономике культуры и экономике образования в систематическом каталоге БАН.

Рассмотрим разделы систематического каталога БАН.

Таблица 1. Распределение изданий по индексам Библиотечно-библиографической классификации

Индекс ББК	Количество изданий за последние 20 лет
У26(2)155 + У26(2)155.1 (расходы на социально-культурные мероприятия)	82
У052.9(2)247.48 (бухгалтерский учет (учреждения и организации культуры, просвещения, народного образования))	26
У495(2) + У495(2)а/я (экономика образования)	133
Ч114(2) + Ч114а/я (культурное строительство)	96

Как видно из приведенных данных, общие вопросы экономики культуры и образования являются наиболее популярными темами в научных исследованиях. Более узкие темы, такие как бухгалтерский учет в культуре и народном образовании, реже становятся предметом исследования авторов.

Анализ систематического каталога БАН позволяет не только установить соотношение литературы, выпускаемой по различным областям знания, но и оценить тематическое разнообразие изданий. Рассмотрим тематику книг по экономике культуры и экономике образования в БАН в контексте развития данных направлений экономической науки.

Экономика образования как предмет исследования привлекала внимание виднейших экономистов прошлого. Адам Смит видел затраты на образование как одну из разновидностей инвестиций [5, с. 42]. Люди, получившие более высокую квалификацию, по Смиту, получают более высокую заработную плату за счет вложений в собственное образование. Другой классик английской экономической мысли Уильям Петти также подчеркивал важность образования. Он разделял занятия

людей на бесполезные и те, что могут принести пользу, подчеркивая значимость образования, направленного на развитие знаний, применимых на практике. Данной теме Петти посвятил работу «Advice for the advancement of some particular parts of learning» [14]. Немецкие экономисты Карл Маркс и Фридрих Энгельс в своих трудах отмечают, что при развитии производства повышается спрос на более квалифицированных рабочих на рынке труда, одновременно с этим подчеркивают ограниченность народного образования. Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» пишет: «...если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование дает им лишь в той мере, в какой это отвечает ее интересам» [10, с. 343].

Рассмотрим литературу из систематического каталога БАН по экономике образования за последние 15 лет. В современной экономической науке исследователи изучают различные стороны экономики образования: управление, маркетинг, инновации, конкурентоспособность, налогообложение, учет и анализ, модернизации и инновации, оценка эффективности и т.д. Наиболее часто темой исследования становится менеджмент в сфере образования.

В систематическом каталоге Библиотеки в разделе У495(2) представлены работы таких исследователей, как Николай Александрович Ряписов («Механизм оценки компетенций в системе управления образованием») [15], Наталья Валерьевна Василенко («Управление образованием: институциональный подход») [6] и др.

Экономика культуры как область научных исследований появилась не так давно в исторической перспективе. Одним из первых экономистов, обративших свое внимание на культуру, был Джон Кейнс. «Хотя основная деятельность этого ученого связана с экономикой, Кейнс занимался также философией (он закончил университет, защитив диссертацию по философии), был прекрасным математиком, знатоком истории науки, коллекционером искусства, занимался вопросами культурной политики, вкладывал деньги в развитие театров и художественных музеев», — так В.П. Шестаков характеризует английского экономиста [17, с. 98].

Известный социолог Макс Вебер также обращался к культуре, полагая, что конфессиональные особенности оказывают сильное влияние на экономическое поведение (порождают «дух капитализма») [7]. Начало как таковой экономики культуры положила вышедшая в 1966 г. книга Уильяма Баумоля и Уильяма Боуэна «Исполнительские искусства: экономическая дилемма» [1]. В своей работе авторы пишут о так называемой «болезни издержек». В деятельности организаций культуры отсутствует постоянный рост производительности труда (в отличие от производственных сфер экономики), что приводит к тому, что издержки в исполнительском искусстве повышаются быстрее, чем цены на конечный продукт. Из этого следует необходимость государственной и частной поддержки культурных организаций.

Рассмотрим литературу из систематического каталога БАН по экономике культуры за последние 15 лет. Данная литература собирается под индексом Ч114(2) (культурное строительство). Необходимо отметить, что раздел Ч114(2) куда более однороден по своему составу, чем раз-

дел У495(2). Большинство книг имеют заглавие «экономика культуры», и лишь некоторые книги посвящены отдельным проблемам (управление, маркетинг). В библиотеке представлены работы таких исследователей, как Григорий Львович Тульчинский («Менеджмент в сфере культуры») [16], Елена Константиновна Пилилян («Менеджмент культуры») [13], Валерий Васильевич Медников («Экономика и управление в сфере культуры») и др. [11].

В разделе У052.9(2)247.48 бухгалтерский учет (учреждения и организации культуры, просвещения, народного образования) большинство изданий являются годовыми отчетами для учреждений культуры и искусства, в меньшей степени представлены монографии и учебные пособия.

В систематическом каталоге БАН в разделе У26(2)155 (расходы на социально-культурные мероприятия) представлены работы таких исследователей, как Музычук Валентина Юрьевна («Институциональные новации в финансировании культуры») [12] и Дзарахова Белла Юнусовна («Организация и финансирование деятельности учреждений культуры в регионе») [8]. Под соседним индексом У26(2)155.1 (расходы на просвещение и культуру) преимущественно собирается литература о финансировании образовательной деятельности.

Таким образом, анализ систематического каталога БАН позволяет исследователям оценить тенденции в экономической науке. Как показывает анализ каталога, за последние 15 лет тематическое разнообразие литературы по экономике образования выше, чем у литературы по экономике культуры.

Отсутствие индекса «экономика культуры» в таблицах ББК, вероятно, может быть объяснено недостаточной научной разработанностью данной темы в экономической науке. Несмотря на то, что в России существует множество учреждений культуры, таких как музеи, парки культуры, сады, цирки, театры, концертные залы, центры ремесел и т.д., исследователи экономики редко обращают внимание на данную тему, что открывает широкий простор для исследований таких вопросов, как управление, маркетинг, инновации, конкурентоспособность, налогообложение, учет и анализ, модернизации и инновации, оценка эффективности и т.д. учреждений культуры и искусства.

Список источников

1. Baumol W.J., Bowen W.G. Performing arts: the economic dilemma. New-York: The Twentieth Century Fund, 1966. 582 p.
2. Алиев М.А. Проблема взаимодействия культуры и экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 1. С. 112–116.
3. Амиров Р.А. Образование в экономике и экономика в образовании // Экономическое возрождение России. 2020. № 4. С. 142–159.
4. Амиров Р.А. Роль образования и науки в современном мире // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 2. С. 81–83.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Москва: Дело, 1996. 687 с.
6. Василенко Н.В. Управление образованием: институциональный подход. Санкт-Петербург: ИПКСПО, 2009. 299 с.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Москва: РОССПЭН, 2006. 648 с.

8. Дзарахова Б.Ю. Организация и финансирование деятельности учреждений культуры в регионе. Москва : ИРОФ, 2015. 116 с.
9. Козлова М.А. Роль культурного строительства СССР в современном региональном развитии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 431–434.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 2. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. 668 с.
11. Медников В.В. Экономика и управление в сфере культуры. Санкт-Петербург : СПГУВК, 2009. 152 с.
12. Музычук В.Ю. Институциональные новации в финансировании культуры. Москва : Ин-т экономики, 2016. 65 с.
13. Пилилян Е.К. Менеджмент культуры. Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2009. 80 с.
14. Плячкайтене И.М. Становление и развитие теории человеческого капитала // Молодой ученый. 2011. Т. 1, № 7. С. 102–104.
15. Ряписов Н.А. Механизм оценки компетенций в системе управления образованием. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. 127 с.
16. Тульчинский Г.Л. Менеджмент в сфере культуры. Санкт-Петербург : Лань, 2001. 382 с.
17. Шестаков В.П. Джон Мейнард Кейнс: интеллектуализм и культура // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 3. С. 98–106.

ZHUMAEV R. Reflection of literature on the economics of education and the economics of culture in the systematic catalog of the Russian Academy of Sciences Library

Zhumaev Roman — Librarian of the Department of Systematic Catalog
Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: razhumaev@gmail.com

ABSTRACT

The article analyzes the quantitative ratio of books distributed by the systematizers of the Russian Academy of Sciences Library into various indexes of Library-Bibliographical Classification in the field of economics of culture and economics of education in Russia. The conclusion about the specifics of the systematization of literature on the economics of culture is made.

Key words: economics, culture, education, Library-Bibliographical Classification.

П.И. Сидоренко

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ
ПО МАТЕМАТИЧЕСКИМ НАУКАМ**
(на основе электронного каталога БАН)

Сидоренко Павел Игоревич — студент 1-го курса магистратуры, факультет прикладной математики — процессов управления

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: sidorenko_pl@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Проведен статистический анализ поступлений публикаций по математике и смежным областям за последние пять лет на основе данных электронного каталога Библиотеки Российской академии наук (БАН) и электронных каталогов отделов БАН при научных учреждениях.

Ключевые слова: статистический анализ, математические науки, Библиотека Российской академии наук, библиография, систематизация публикаций, электронный каталог.

В современном мире с высокоскоростным развитием техники вычислительные технологии становятся все сложнее. Подготовка специалистов, способных осуществить идею модернизации и технологического развития российской экономики, началась еще в 2011 г. Правительством Российской Федерации был утвержден список направлений и специальностей обучения студентов вузов, который пересматривался в 2015 г. [1]. В 2016 и 2018 гг. были внесены изменения, актуальные на сегодняшний день.

Рассмотрим первые позиции в указанном перечне. Наибольший интерес представляют научные исследования. В некоторых из них принимают участие магистранты. В приоритете направления с шифром: 01.04.04 Прикладная математика, 09.04.01 Информатика и вычислительная техника, 09.04.02 Информационные системы и технологии и др. В список аспирантуры вошли: 01.06.01 Математика и механика, 02.06.01 Компьютерные и информационные науки и др.

Соответственно, для анализа воздействия принятых Правительством мер на повышение качества высшего образования в рассмотренных областях, возникает необходимость систематизации публикаций по математическим наукам. В полной мере сбору статистических данных удовлетворяет электронный каталог Библиотеки Российской академии наук (БАН).

Предоставление в БАН обязательных экземпляров из каждого напечатанного в России тиража обеспечивает точность расчетов. Есть ссылки на электронные каталоги отделов БАН при научных учреждениях. Организация книжных фондов БАН должна соответствовать отечественной библиотечно-библиографической классификации (ББК), но существует и собственная расстановка книг в фондах [2, 3]. Большой массив литературы распределен под рубрикой «математическое моделирование».

Систематизация публикаций, согласно ББК, делится на общую и частную. Литература по элементарной и высшей математике распределяется под индексом 22.1. Подразделы высшей математики объединяют следующие дисциплины: 22.16 — математический анализ (22.161), функциональный анализ (22.162); 22.17 — теория вероятностей (22.171), математическая статистика (22.172); 22.18 — математическая кибернетика и дискретная математика; 22.19 — вычислительная математика и др.

«Математический анализ» состоит из теории пределов, неравенств, операционного исчисления и др. Издания делятся по кодам: 22.161.1 дифференциальное и интегральное исчисление; 22.161.5 теория функций; 22.161.6 дифференциальные, интегральные и интегро-дифференциальные уравнения, исчисление конечных разностей; 22.161.8 вариационное исчисление.

«Функциональный анализ» — 22.162.2 линейные пространства, снабженные топологией, нормой, порядком и другими структурами; 22.162.3 линейные операторы и операторные уравнения, линейные функционалы; 22.162.4 спектральная теория линейных операторов; 22.162.5 топологические кольца и алгебры, теория бесконечномерных представлений; 22.162.7 нелинейный функциональный анализ [2].

«Теория вероятностей» содержит литературу по: ее основаниям (22.171.1), элементарной и абстрактной теории вероятностей (22.171.2), распределению вероятностей и ее плотности, характеристическим функциям (22.171.3), предельным теоремам (22.171.4), случайным (стохастическим процессам) и случайным функциям (22.171.5), таким как марковские процессы и др.

«Математическая статистика» — коды для работы с фондами: 22.172.1 описательная статистика, выборочный метод, статистические эксперименты; 22.172.2 распределение выборочных характеристик; 22.172.3 статистическое оценивание, проверка статистических гипотез; 22.172.4 теория статистических решений; 22.172.6 многомерный статистический анализ (дисперсионный, регрессионный, кластерный и др.); 22.172.7 непараметрические методы в математической статистике; 22.172.8 статистика случайных процессов.

В подразделе «математическая кибернетика и дискретная математика» собраны издания по исследованию операций (22.185), таких как: теория игр, полезность, принятие решений, массовое обслуживание, управление запасами, математическое программирование, марковские процессы принятия решений, языки программирования. Дискретный анализ включает дискретную и конечную математику: комбинаторный анализ, теория графов — 22.181. Математическая теория управляющих систем проходит под кодом 22.182. Математическая теория информации и теория кодирования — 22.184

«Вычислительная математика» включает публикации по элементарным и приближенным вычислениям, экстраполяции и интерполяции, быстрому счету, теории ошибок. Она подразделяется на: численные методы решения уравнений 22.193 и математические таблицы 22.194. Уравнения могут быть алгебраические, интегральные, дифференциальные, интегрально-дифференциальные, трансцендентные, разностные и др.

Поиск данных для статистического исследования осуществлялся в электронном каталоге БАН по ключевому слову «математ». Отдельно по каждому году издания рассматривались публикации в рубрике «математическое моделирование». Согласно определению основателя советской кибернетики и программирования Алексея Андреевича Ляпунова (1911–1973) под математическим моделированием понимают построение математических моделей для изучения на их основе самого объекта [4].

В 2022 г. в центральную библиотеку БАН поступило 292 издания, распределенные в разные отделы по рубрикам: математическая теория, математическое моделирование, математические методы и др. Изданий для школьников не обнаружено. Опубликовано 237 авторефератов на соискание ученой степени кандидата наук, 43 — доктора наук.

Два издания были найдены в электронном каталоге отдела БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН (ФТИ) под рубрикой «математика». Одно издание — в отделе БАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН (БИН) под рубрикой «математические методы». Итого, вышло 295 изданий, из которых на русском языке — 294.

За 2021 г. выявлено 951 публикация в центральной библиотеке, из них только 12 изданий в рубрике — математика для школьников. Пять — на иностранных языках в рубриках: математическое моделирование, математические сборники, математические персоналии. Издано 757 автореферата отечественных диссертаций на соискание ученой степени кандидата и 151 — доктора физико-математических наук, технических наук, педагогических наук, экономических наук.

Два издания поступило в сектор БАН при Институте проблем региональной экономики РАН (ИПРЭ), в электронном каталоге они находятся в рубрике математическое моделирование. Два — в отдел БАН при Санкт-Петербургском отделении Математического института им. В.А. Стеклова РАН (ПОМИ), расположены в рубрике история математики — биографии. В отдел БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН (ФТИ) поступило издание, освещающее математические вопросы квантовой физики.

Итого — в сумме 956 изданий. Всего по «математическому моделированию» зарегистрировано 185 публикаций, из них только одна входит в подраздел компьютеры персональные — прикладные программы. Авторефераты диссертаций по приоритетным направлениям обучения — 01.06.01 Математика и механика, 02.06.01 Компьютерные и информационные науки — имеют коды ББК, представленные выше.

В ответ на запрос 2020 г. издания, найдено 1112 документов, из них для школьников — 250 публикаций. Авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук — 564, в том числе физико-математических наук, технических наук, педагогических наук и др. Из 95 авторефератов докторских диссертаций, 77 — на соискание ученой степени доктора физико-математических наук, восемь — технических наук, семь — экономических наук и др. Все работы написаны на базе университетов и институтов разных областей Российской Федерации. В рубрике «математическое моделирование» найдено 199 изданий.

В электронных каталогах: отдела БАН при Санкт-Петербургском отделении Математического института им. В.А. Стеклова РАН (ПОМИ)

по результатам поиска найдено шесть изданий, отдела БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН (ФТИ) — два. Столько же размещено в электронном каталоге отдела БАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН (БИН). По одной — в электронных каталогах: сектора БАН при Институте эволюционной физиологии и биохимии им. И.М. Сеченова РАН (ИЭФБ) и отдела БАН при Институте истории материальной культуры РАН (ИИМК). Всего в 2020 г. вышло 1124 публикации по математике, шесть — на иностранном языке.

Изданных на заданную тематику в 2019 г. выявлено 1932 книги, в т.ч. детских, для младшего и среднего школьного возраста, старших классов — 304 издания. Авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидатов наук найдено 848, из них физико-математических наук — 710, технических наук — 86, экономических наук — 27, биологических наук — 15, педагогических наук — 8, географических наук, исторических — по одному. 155 авторефератов докторских диссертаций подразделяются на: 139 — доктора физико-математических наук, восемь — технических наук, четыре — медицинских наук, по одному — географических, педагогических, геолого-минералогических, химических наук.

В электронном каталоге отдела БАН при Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН (ГАО) также найден автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук. Электронный каталог отдела БАН при Санкт-Петербургском отделении Математического института им. В.А. Стеклова РАН (ПОМИ) содержит три издания по математике. При Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН (ФТИ) — пять работ с применением математических методов, при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН (БИН) — семь, при Зоологическом институте РАН (ЗИН) — три, при Институте озероведения РАН (ИНОЗ) — одна.

Всего в 2019 г. опубликовано 1952 книги по математике, из них 380 — по математическому моделированию. Частично и полностью на иностранном языке вышло 11 изданий. В их число вошли материалы международных конференций, сборники статей, монографии. Среди авторефератов есть литература с индексом ББК 22.16 (математический анализ), 22.17 (теория вероятностей и математическая статистика), 22.18 (математическая кибернетика и дискретная математика), 22.19 (вычислительная математика).

В 2018 г. в электронном каталоге центральной библиотеки БАН найдено 3038 карточек с библиографическими записями по заданной тематике, для учащихся школ — 305, для дошкольников — 5. Опубликовано 926 авторефератов на соискание ученой степени кандидата наук, 170 — доктора наук, в т.ч. с индексами ББК 22.176.

В электронном каталоге отдела БАН при Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН (ГАО) по поиску доступно пять изданий, при Санкт-Петербургском отделении Математического института им. В.А. Стеклова РАН (ПОМИ) — 16, в т.ч. девять на иностранном языке. Электронный каталог отдела БАН при Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе РАН (ФТИ) содержит 15 книг, при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН (БИН) — восемь, при Зоологическом институте РАН (ЗИН) — две. Сектор БАН при Санкт-Петербургском

филиале архива РАН (СПб ФА РАН) располагает одним изданием, при Институте проблем региональной экономики РАН (ИПРЭ) — тремя.

Каталог отдела БАН при Институте высокомолекулярных соединений РАН (ИВС) включает семь публикаций, в т.ч. четыре на иностранном языке. Всего выпущено 3095 изданий, среди них 30 — на иностранном языке. 846 изданий в каталоге центральной библиотеки разнесено под рубрикой «математическое моделирование», 10 — в каталоги отделов и секторов БАН. Итого: 856 изданий по этой тематике.

Таблица 1. Публикации по математическим наукам

Публикации с запросом «математ»	Год издания				
	2018	2019	2020	2021	2022
Детская/школьная литература	310	304	250	12	–
Авторефераты кандидатов наук	926	848	564	757	237
Авторефераты докторов наук	170	155	95	151	43
Рубрика «математическое моделирование»	856	380	199	185	67
На иностранном языке	30	11	6	5	1
В центральной библиотеке	3038	1932	1112	951	292
В отделах и секторах при институтах	57	20	12	5	3
Итого:	3095	1952	1124	956	295

Источник: собственная разработка

Исходя из данных таблицы 1 сравним показатели публикаций по математическим наукам в центральной библиотеке БАН и в отделах и секторах БАН при институтах [5, с. 44].

$$i_d = X_1 / X_0, \quad (1)$$

где i_d — индекс динамики,

X_1 — число публикаций за 2022 год,

X_0 — число публикаций за 2018 год.

Произведем вычисления:

$$292/3038 = 0,096;$$

$$3/57 = 0,053.$$

$$i_c = X_A / X_B, \quad (2)$$

где i_c — индекс сравнения,

X_A — число публикаций в центральной библиотеке БАН,

X_B — число публикаций в отделах и секторах БАН при институтах.

Произведем вычисления:

$$3038/57 = 53,3;$$

$$292/3 = 97,3.$$

Индекс динамики (темпа роста) публикаций по математическим наукам в центральной библиотеке БАН в 2022 г. по сравнению с 2018 г. — 0.096, в отделах и секторах БАН при институтах — 0.053, исходя из расчетов по формуле 1. Его показатель < 1 , т.е. число публикаций уменьшилось. Индекс сравнения показал, что в электронном каталоге центральной библиотеки БАН в 2018 г. изданий было больше в 53,3 раза, чем в ката-

логах отделов и секторов БАН при институтах, в 2022 г. — в 97,3 раза больше согласно расчетам по формуле 2. Статистические данные взяты с базы данных сайта Библиотеки Российской академии наук [6].

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 06.01.2015 г. № 7-р «О Перечне специальностей и направлений подготовки высшего образования, соответствующих приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 4, ст. 672.
2. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК): рабочие таблицы для массовых библиотек / сост.: Г.П. Ванская (отв. сост.), Н.Н. Асеева и др. Москва : Либерея, 1999. 688 с.
3. Библиотечно-библиографическая классификация (ББК): к истории разработки в 1950-е годы : сборник документов / БАН; авт.-сост.: Н.В. Бекжанова (отв. сост.), Д.Д. Дымская, С.В. Перекрест. Санкт-Петербург : БАН, 2022. 405 с.
4. Новик И.Б. О философских вопросах кибернетического моделирования. Москва : Знание, 1964. 40 с. (Новое в жизни, науке, технике. 2-я серия. Философия; 13).
5. Статистика : учебник для вузов / И.И. Елисеева и [др.], отв. ред. Елисеева. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2022. 619 с. (Высшее образование).
6. Электронный каталог Библиотеки Российской академии наук // Библиотека Российской академии наук : [официальный сайт]. URL: <http://ecatalog.rasl.ru:8080/> (дата обращения: 06.11.2022).

SIDORENKO P. Statistical analysis of publications on mathematical sciences (based on the RASL electronic catalog)

Sidorenko Pavel — 1st year Master's student, Faculty of Applied Mathematics — Management Processes

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sidorenko_pl@inbox.ru

ABSTRACT

A statistical analysis of the receipts of publications in mathematics and related fields over the past five years has been carried out on the basis of data from the electronic catalog of the Russian Academy of Sciences Library (RASL) and electronic catalogues of the departments of the RASL at scientific institutions.

Key words: statistical analysis, mathematical sciences, Russian Academy of Sciences Library, bibliography, systematization of publications, electronic catalog.

И.А. Иванов

ПРАВИЛА ОЦЕНКИ КНИЖНЫХ ФОНДОВ

Иванов Иван Александрович — ведущий редактор, редакционно-издательский отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ooogarda@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Собрания книг в библиотеках, архивах и музеях имеют похожие по форме, но разные по материалам и износу книги. Поэтому в самом начале попытки оценки фонда или его части, необходимо понять, какая оценка нужна: количественная или технико-технологическая (индивидуальная). Статья описывает разницу в оценке фондов и особенности такой работы.

Ключевые слова: книги, консервация, реставрация, фонды, музеи, библиотеки, архивы.

Введение

В области консервации-реставрации наиболее полная оценка предмета производится в двух областях: реставрации зданий (экстерьеры и интерьеры) и реставрация произведений живописи [1, с. 5].

В области экспертизы и оценки состояния фондов книг нет отдельного ГОСТа, а существующая практика сложилась в результате различных инструкций в государственных музеях, библиотеках и архивах. Однако, государственные инструкции никак не регулируют работу музейных, библиотечных и архивных учреждений при размещении государственного заказа на площадке <https://zakupki.gov.ru/>.

Таким образом, если государственное учреждение хочет получить услуги по консервации-реставрации фондов, оно должно сформировать необходимую документацию (описание книг и техническое задание) и указать максимальную сумму контракта. По государственным нормам консервации-реставрации техническое задание должно быть сформировано уже после проведения предреставрационных исследований и составления плана работ с указанием методик и материалов. Однако, если в государственном учреждении нет научно-исследовательского отдела, который мог бы провести предварительные исследования книг, то и составление технического задания для тендера с планом работ и указанием методик и материалов становится тоже невозможным. В этом случае государственное учреждение оформляет Техническое задание как список потребностей учреждения относительно издания. Обычно это список работ, иногда с указанием общих методик и часто употребляемых материалов. Такое техническое задание не позволяет реставрационным мастерским точно определить объем работ, особенности реставрации каждой книги и необходимость применения конкретных материалов. В результате на государственный тендер либо никто не подает заявку, либо есть вероятность, что при общем техническом задании тендер выиграет случайная фир-

ма, которая не сможет в полной мере и качественно выполнить необходимый объем работ.

Один из способов избегания составления общего Технического задания и привлечение к тендеру художников-реставраторов высокой квалификации — проведение *технико-технологической оценки книг фонда* [4, с. 6]. Правильно составленная оценка, служащая основой для Технического задания, отсеивает на этапе подачи заявок неспециалистов в области консервации-реставрации и дает возможность специалистам в области реставрации оценить свои возможности участия в государственном тендере.

Таким образом, технико-технологическая оценка фондов помогает решать оперативную задачу — проведение государственного тендера с привлечением к консервации-реставрации специалистов из области реставрации, а не ремонта или переплетных услуг. А это, в свою очередь, приводит к повышению качества работ при том же бюджете государственного тендера.

Справедлива и обратная ситуация. Известны случаи, когда при обобщенном Техническом задании государственный тендер выигрывала фирма, которая затем не могла выполнить работы в необходимом качестве и в срок, так как неверно оценивала объем и качество работ. Это происходит потому, что обобщенное Техническое задание выглядит по объему и качеству работ проще, чем в действительности, ведь в нем не учтены скрытые дефекты и степень износа материалов, которые обнаруживают-ся только при технологической оценке книг.

Проведение общей оценки фондов — это необходимость при тактических и стратегических задачах, планирование работ по консервации-реставрации на несколько лет вперед. Так как финансирование и заключение договора на оценку фонда редко происходит в начале года, то оценка происходит во втором или третьем квартале года. Это означает, что даже при возможности финансирования конкретных консервационно-реставрационных работ, таковые будут произведены уже в следующем финансовом году, так как на консервационно-реставрационные работы требуется минимум 6–9 месяцев. Поэтому проведение оценки книг фонда лучше проводить в первой половине года, чтобы во второй половине года запланировать техническую оценку определенных книг и составление необходимого Технического задания для проведения государственного тендера в следующем году.

Таким образом, каждое учреждение культуры нуждается как в общей оценке фондов, так и в технико-технологической. В зависимости от поставленных на этот год задач.

1. Общая (количественная) оценка фонда

1.1. Предмет, объект, цель и задачи

Общая оценка фонда рассматривает конструктивную целостность книги. Каждая книга рассматривается на соответствие одному из видов сохранности:

1) Отличное — состояние блока и переплета в идеальном состоянии, как новые. Допускаются небольшие потертости переплета.

2) Хорошее — состояние переплета с небольшими потертостями, возможны пятна и легкие загрязнения (пыль) на переплетных крышках,

состояние блока не требует перешивки и реставрации, листы целые, допускаются небольшие загрязнения на бумаге и фуксинги.

3) Удовлетворительное — переплет крепкий, целый, возможны пятна и загрязнения, сильные потертости покрывного материала. Состояние блока: не требует перешивки, возможны пятна и загрязнения на бумаге, все листы целые, возможны небольшие разрывы бумаги на листах.

4) Неудовлетворительное — переплет отсутствует или деформирован, с утратами, разрывом материала, загрязнения от краски или масел, коробление листов блока, блок разваливается на несколько частей, выпадение тетрадей, отдельные листы с сильными загрязнениями, следами плесени, утратами [2; 3, с. 13].

После определения состояния сохранности каждой книги делают вывод о сохранности книг в фонде. Сохранность книг в фонде — наибольшее количество книг одного из видов сохранности.

Предмет оценки — книги фонда целиком или его части.

Объект оценки — каждая книга по отдельности.

Цель оценки — выявить из состава фонда три группы книг:

- 1) нуждающиеся в срочном вмешательстве в области консервации-реставрации,
- 2) нуждающиеся в несрочном вмешательстве в области консервации-реставрации,
- 3) не нуждающиеся в консервации-реставрации или же нуждающиеся в виде профилактической меры.

Задачи оценки (полный список):

1. фотофиксация состояние блока (сложенный, развернутый вид) и переплета (крышки, корешок) с фрагментами повреждений при необходимости,

2. замеры размеров блока (ширина, высота, толщина) и переплета (ширина, высота, толщина),

3. описание деформаций блока (общее или в отдельных листах) и переплета (крышки и корешок),

4. оценка кислотности бумаги в блоке и необходимость восстановительных работ по возвращению нейтральной pH бумаги,

5. определение необходимости проведения лабораторных работ при наличии грибка, следов насекомых, загрязнений бумаги,

6. определение необходимости ремонта или реставрации блока (перешивка блока, проклейка корешка, замена или реставрация капталов и т.д.),

7. определение необходимости ремонта, реставрации переплета или создание нового переплета,

8. определение методик для реставрации листов блока,

9. определение методик ремонта или реставрации блока,

10. определение методик ремонта, реставрации или создания нового переплета,

11. указание материалов, необходимых для реставрации бумаги,

12. указание материалов, необходимых для ремонта или реставрации блока,

13. указание материалов, необходимых для ремонта, реставрации или создания нового переплета,

14. определение порядка консервационных или реставрационных работ для работ с бумагой блока, блоком и переплетом,

15. составление рекомендаций по обслуживанию книг фонда и их профилактики в дальнейшем.

На основе проведенной оценки фонда составляется отчет (краткое научное исследование фонда) и акты сохранности фондов (сведенные данные по фонду в таблицу) [2, 3].

1.2. Методика

Общая оценка фонда предполагает просмотр каждой книги, фотофиксацию ее состояния, определение общего износа блока и переплета, а также определение ph бумаги.

Фотофиксация производится по стандартам музейной фотосъемки в прямом и боковом свете на зеркальный цифровой фотоаппарат с применением цветовой шкалы.

Определение ph бумаги происходит методом хроматографии. Для этого используются бумажные тесты-индикаторы с диапазоном ph 4.5–9.0.

Дополнительно возможно проведение фотосъемки в ультрафиолетовом освещении с длиной излучения 365 нм. Такая фотосъемка необходима, если есть подозрения на биоповреждения книги. Тогда съемка в спектре УФ подтвердит это предположение (от биологических следов микроорганизмов будет исходить свечение) либо опровергнет.

Для общей оценки фондов необходим заранее подготовленный список книг. В процессе оценки книги в список вносятся данные о том нужна ли:

1) консервация, реставрация переплета или изготовление нового (если переплет утрачен),

2) перешивка блока и количество тетрадей для перешивки,

3) консервация или реставрация листов блока.

Зафиксировав информацию о состоянии книги, данные сводят в таблицы. Формируется отчет по состоянию фонда [2; 3, с. 2–12].

1.3. Результаты общей (количественной) оценки фондов

Научно-исследовательский отчет и акты о состоянии фондов служат базовой документацией для:

1) составления планов работ по консервации-реставрации книг фондов,

2) проведения структурной оценки фондов — индивидуальной оценки отдельных книг.

2. Техничко-технологическая (индивидуальная) оценка книг фонда

2.1. Предмет, объект, цель и задачи

Техничко-технологическая оценка книг рассматривает книгу как набор материалов, изучив которые возможно будет составить план консервационно-реставрационных мероприятий с указанием методик и необходимых материалов. После этого можно будет определить общие методики и материалы для данных книг, а также определить индивидуальные потребности каждой книги, характерные только для нее.

Предмет оценки — мероприятия по консервации-реставрации для выбранных заказчиком книг из фонда.

Объект оценки — выбранные заказчиком книги из фонда.

Цель оценки — определить объем работ по консервации-реставрации над каждой книгой, а также методики и материалы.

Задачи оценки:

- 1) определить материалы, используемые в переплете и блоке книги,
- 2) определить объем работы по консервации-реставрации переплета и блока,
- 3) определить методику по консервации-реставрации материалов переплета и блока,
- 4) определить состав и количество реставрационных материалов для проведения мероприятий по консервации-реставрации,
- 5) фотосъемка книг по правилам музейной фотофиксации с цветовой плашкой в прямом и боковом освещении,
- 6) ведение реставрационных записей (текстовых, аудио или видео) при необходимости.

На основе проведенной оценки фонда составляется отчет (краткое научное исследование книг из фонда) и реставрационные паспорта по образцу аттестационных паспортов Министерства культуры на каждый экземпляр.

2.2. Методика

Технико-технологическая оценка книг фонда предполагает просмотр каждой книги, фотофиксацию ее состояния, определение всех мест износа блока и переплета. Также, по согласованию, возможно определение ph бумаги.

Фотофиксация производится по стандартам музейной фотосъемки в прямом и боковом свете на зеркальный цифровой фотоаппарат с применением цветовой шкалы.

Определение ph бумаги происходит методом хроматографии. Для этого используются бумажные тесты-индикаторы с диапазоном ph 4.5–9.0.

Дополнительно возможно проведение фотосъемки в ультрафиолетовом освещении с длиной излучения 365 нм, когда это необходимо для предреставрационного исследования для точного определения наличия микроорганизмов, если книга не покидает фонд. Если вывоз книги из фонда возможен, то исследования на наличие микроорганизмов в бумаге проводятся в лабораторных условиях.

Для книг с деревянными крышками возможно использование рентгенографии для определения скрытых под покрывным материалом трещин в древесине.

В технико-технологическом анализе на первом этапе книги разделяются на две группы:

- 1) Книги с типовыми разрушениями блока и переплета, к которым применимы уже хорошо известные методики и материалы.
- 2) Книги со сложными конструкциями или труднореставрируемыми материалами, для которых необходимо проведение ряда исследований для формирования индивидуальных методик и тестирование материалов на образцах.

На втором этапе проводятся технико-технологические исследования, необходимые для подбора реставрационных материалов и формирования методик для второй группы книг фонда.

Третий этап — формирование отчета и реставрационных паспортов с результатами исследований.

2.3. Результаты технико-технологической оценки книг

Научно-исследовательский отчет и реставрационные паспорта служат необходимой документацией для:

- 1) формирования технического задания для консервации-реставрации книг,
- 2) получения коммерческих предложений для оценки работ для определения суммы для государственного тендера.

Выводы и заключение

Из всего вышенаписанного можно сделать несколько выводов:

1) Без общей оценки фондов невозможно сказать, какие книги нуждаются в консервации-реставрации в первую очередь, во вторую или не нуждаются вовсе. Суждение по внешнему виду книги не всегда является верным, так как блок и переплет скрывают скрытые дефекты, без изучения которых неверно будет судить и о степени сохранности книги.

2) Без технико-технологической оценки книг невозможно сформировать план консервационно-реставрационных работ, подобрать методики и материалы, а значит, невозможно сформировать Техническое задание для проведения государственного тендера. Существующая практика проведения тендеров обходится без проведения технико-технологической экспертизы, но это приводит к формированию достаточно обобщенного Технического задания, отказу специалистов в области консервации-реставрации от участия в тендере и появлению среди участников тендера фирм с недостаточной квалификацией. Что приводит в отдельно взятых тендерах к срывам сроков работ, снижению качества работ или невыполнению всего объема тендера.

3) Проведение общей или технико-технологической оценки книг требует отдельного государственного тендера, но как правило стоимость оценки не приводит к росту бюджета на консервацию-реставрацию книг, а наоборот — хорошо представляя себе объем работ, методики и материалы, участники тендера идут на большее снижение цены, чем при обобщенном Техническом задании.

Безусловно, проведение оценки фондов является не только необходимой мерой для формирования плана консервационно-реставрационных работ и Технического задания, но и помогает лучше планировать объем работ и распределение финансов как для государственного учреждения, так и для реставрационной мастерской.

Список источников

1. ГОСТ Р 57424-2017. «Экспертиза произведений искусства. Живопись и графика. Общие требования». Москва : Стандартинформ, 2017. 14 с.

2. *Иванов И.А.* Отчет по состоянию фондов метрических книг в 4 архивах Московской области. Научно-исследовательская работа. Санкт-Петербург : Ваш архив, 2021. 71 с.

3. *Иванов И.А.* Отчет по состоянию фондов метрических книг в 4 архивах Московской области. Научно-исследовательская работа. Санкт-Петербург : ИП С.Ю. Летягин, 2021. 70 с.

4. *Лисицын П.Г.* Научно-исследовательская работа. Методические рекомендации по прохождению производственной практики. Санкт-Петербург : СПбГИК, 2018. 31 с.

IVANOV I.A. Rules for the evaluation of book funds

Ivanov Ivan — Managing Editor, Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg, Russia, e-mail: oogarda@yandex.ru

ABSTRACT

Collections of books in libraries, archives and museums have similar forms, but different materials and wear books. Therefore, at the very beginning of the attempt to evaluate the fund or its part, it is necessary to understand which assessment is needed: quantitative or technical and technological (individual). The article describes the difference in the evaluation of funds and the features of such work.

Key words: books, conservation, restoration, funds, museums, libraries, archives.

УДК 001.83(069.44)
ББК 73:85.12в6

Т.В. Кульматова, О.Н. Курова

2-й НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «ДЕКОРАТИВНЫЕ БУМАГИ: история, современность, проблемы изучения и описания»

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующего ОИАН БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulmatova@gmail.com

Курова Ольга Николаевна — младший научный сотрудник ОЛСАА БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Обзор докладов и мероприятий семинара. Открытие выставки «Искусство мраморной бумаги: подражая природе» (более 100 работ современных мастеров). Мастер-класс Елены Белозёровой по изготовлению мраморной бумаги «испанская волна», «испанский муар» и их современных модификаций.

Ключевые слова: декоративные бумаги, книжный переплет, суминагаси, мраморная бумага, эбру, Библиотека Академии наук.

2 июня 2022 г. в Библиотеке Российской академии наук прошел 2-й научно-практический семинар «Декоративные бумаги: история, современность, проблемы изучения и описания». Семинар был организован Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук (ОИАН) совместно с Научно-исследовательским отделом литературы стран Азии и Африки (ОЛСАА). К семинару была открыта выставка мастеров эбру и мраморной бумаги: Е.В. Белозёровой, А.С. Лоц, Н.Н. Ванюшкиной, Е.Ю. Савельевой-Хьюрюнен «Искусство мраморной бумаги: подражая природе», на которой было представлено свыше ста работ. С приветственным словом выступила директор БАН О.В. Скворцова. Ольга Владимировна особенно отметила декоративную, эстетическую функцию, которую исполняет мраморная бумага в книжном переплете. Название выставки выбрано не случайно: калейдоскоп красок и разнообразные причудливые узоры мраморной бумаги отсылают к природным мотивам и напоминают узоры самоцветов, морские волны, птичьи перья, цветы. О своем творчестве рассказали присутствовавшие на открытии выставки мастера мраморной бумаги: Н.Н. Ванюшкина, освоившая помимо классического турецкого искусства эбру основы переплетного дела, и Е.В. Белозёрова, уделяющая значительное внимание работе с реставраторами и мастерами переплета, изготавливающая реплики старинной мраморной бумаги.

Семинар открыла и вела зам. директора по научной работе, к.п.н. Н.В. Колпакова. Было заслушано шесть докладов. Заведующая ОЛСАА, к.и.н. *Татьяна Игоревна Виноградова* представила доклад «Ранние китайские источники о декоративной бумаге». Китайцы считаются изоб-

ретателями бумаги: еще в 105 г. чиновник по имени Цай Лунь подал трону доклад о новом, удобном и дешевом, материале для письма, но при археологических раскопках были обнаружены и более ранние образцы бумаги. Сорты китайской бумаги для разных целей многообразны: для рисования, рукописей, каллиграфии и книгопечатания применяли бумагу с особыми характеристиками. С декоративной бумагой сложнее. Японские авторы признают, что китайцы были открывателями бумаги наподобие турецкого эбру. Техника была заимствована японцами в XII в., персами и османами примерно в то же время через Великий шелковый путь. Однако никаких образцов бумаги, выполненных в такой технике, в Китае обнаружено не было. Существует два китайских памятника по живописи и каллиграфии, датированных IX и X веками, в которых есть тексты о некой нетипичной технологии окрашивания бумаги. Некоторые исследователи полагают, что речь идет именно о «прото-эбру», но описания столь туманны, что, при отсутствии образцов, с которыми их можно было бы соотнести, делают невозможным доказательную их атрибуцию.

Н.с. ОЛСАА, к.и.н. *Варвара Сергеевна Фирсова* выступила с докладом «Японская книжная декоративная бумага». Самые ранние образцы декоративной бумаги относятся к эпохе Нара (710–794 гг.): до наших дней сохранились тексты сутр, нанесенные на бумагу разных цветов, большинство из которых хранится в императорской сокровищнице Сёсоин. Окрашивание бумаги не только должно было выполнять эстетическую функцию, но также и способствовать сохранности рукописи, так как считалось, что краситель защищал бумагу от насекомых-вредителей. Расцвет декоративной бумаги пришелся на эпоху Хэйан (794–1185 гг.). Одной из красивейших и известных рукописей, выполненных на декоративной бумаге, является «Антология 36 бессмертных поэтов» (ок. 1110 г.), принадлежащая храму Нисихонгандзи. Страницы рукописи оформлены с помощью техники окрашивания бумаги суминагаси (создание узоров с помощью красок и воды), цугигами (техника создания страниц путем склеивания нескольких кусков бумаги), караками (отпечатка узора), а также небольших вкраплений кусочков золотой и серебряной фольги.

В докладе м.н.с. ОЛСАА *Ольги Николаевны Куровой* «Турецкое искусство эбру в европейских источниках» были рассмотрены первые упоминания и заметки западных писателей, путешественников и мыслителей, содержащие сведения о турецкой мраморной бумаге, самые ранние из которых относятся к XVI–XVII вв. В этих работах можно встретить описания турецкого искусства эбру, технику его изготовления, а также оригинальные образцы турецкой мраморной бумаги. В европейском обществе возрастал интерес к странам Востока в целом и к турецкому искусству эбру в частности. Вслед за знакомством с эбру, на Западе началось и его изготовление, ставшее в первой половине XVII в. очень популярным у европейских мастеров. Для доклада автором с турецкого языка были выполнены переводы из сборника статей «Искусство эбру турок» [1].

И.о. зав. ОИАИ, с.н.с., к.п.н. *Татьяна Васильевна Кульматова* сделала доклад «Мраморная бумага в русском переплете эпохи модерна (по стра-

ницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам из Академического собрания БАН»). В докладе были изложены результаты исследования эрмитажного альбома образцов переплетных материалов [2], около 120 листов которого представляют мраморные бумаги. На основе наличия в его составе 4-х образцов с авторским дизайном П. Керстена «Jugend-Marmor», разработанным в 1899 г. [3], уточнено время создания альбома – ок. 1900 г., рассмотрен его состав. Альбом дает представление об ассортименте и разнообразии мраморной бумаги рубежа XIX–XX вв. Проведено сопоставление образцов с мраморными бумагами в переплетах из Академического собрания БАН, выявлены основные особенности мраморных бумаг 1890–1917 гг. Отмечено влияние большого стиля модерн на декоративно-прикладное искусство изготовления мраморной бумаги.

Художник-переплетчик НИОКИРФ Вячеслав Владимирович Неклюдов рассказал о «Бумагах, используемых в переплетном деле». В докладе был дан обзор видов и характеристик различной бумаги, применяемой в переплетных работах. Рассмотрены полиграфические, декоративные, дизайнерские, ручного изготовления и иные виды бумаг, а также области применения, технологии изготовления и производственные процессы. Были отмечены достоинства и недостатки современной бумаги, возможности решения задач оформления переплета путем комбинации различных бумаг. Отдельное внимание было уделено мраморной бумаге ручного и машинного изготовления, использованию ее в переплетных работах, предложены рекомендации по улучшению механических свойств такой бумаги с точки зрения переплетчика.

Участники семинара заслушали видеодоклад мастера эбру, экс-куратора Русско-Турецкого культурного центра *Натальи Николаевны Ваниюшкиной* «Мраморная бумага “тигровый глаз”: особенности техники изготовления». Мраморная бумага «тигровый глаз» является редкой и менее используемой, хотя имеет достаточно эффектный узор, который напоминает глаз. Впервые данный вид бумаги появился в Германии в середине XIX века. Редкость этого вида бумаги объясняется тем, что ее сложно изготовить. Мастер-изготовитель должен обладать большим опытом работы с «настройкой» густых красок для мраморирования, приготовлением водного раствора из каррагинана, а также техникой равномерного распределения краски по поверхности раствора. В видеодокладе мастер поэтапно раскрывает особенности подготовки материалов и приготовления краски для «тигрового глаза» на основе опыта, полученного у турецких мастеров.

В заключении мастер эбру и мраморной бумаги Елена Викторовна Белозёрова провела мастер-класс по изготовлению мраморной бумаги «испанская волна», «испанский муар» и их современных вариаций. После чего всем желающим была предоставлена возможность самостоятельно изготовить мраморную бумагу. Семинар посетило более 50 человек — коллеги из СПФ АРАН, СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, СПбХУ им. Н.К. Рериха, Президентской библиотеки, СПбГЭУ, ЗИН, ГМЗ «Петергоф», ФТИ им. Иоффе, СПбГУ и др.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Türklerin ebru sanatı / ed. Hikmet Barutçugil. Ankara : Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2007. 359 s.
2. Кудрявцев С. Альбом образцов декоративной бумаги и переплетных материалов // Эрмитажная библиотека: страницы истории Новейшего времени, 1918–2018. Санкт-Петербург, 2018. С. 188, № 140.
3. Marks P.J.M. An anthology of decorated papers: a sourcebook for designers / British library. London : Thames & Hudson, 2015. P. 22.

KULMATOVA T., KUROVA O. 2nd scientific and practical seminar “Decorative papers: history, modernity, researching and description problems”

Kulmatova Tatyana — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Acting Head of the Research Department of Russian Academy of Sciences editions

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kulmatova@gmail.com

Kurova Olga — Junior Researcher of the Research Department of Oriental Languages Publications

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olga_kurova@rambler.ru

ABSTRACT

Review of reports and seminar events. Opening of the exhibition “The Art of marble paper: imitating nature” (more than 100 works of modern marblers). Masterclass “Spanish wave”, “Spanish moire” and their modern modifications by Moscow marbler Elena Belozerova.

Keywords: decorative papers, book binding, suminagashi, marble paper, ebru, Russian Academy of Sciences Library.

УДК 02-051 Моисеева А.А.
ББК 78.347.41. (2Рос)-8 Моисеева А.А.

Т.Б. Маркова, Л.О. Самара, Н.В. Пономарева

**СЛУЖЕНИЕ БИБЛИОТЕКЕ:
к 100-летию со дня рождения Ариадны Александровны Моисеевой
(1922–1975)**

Маркова Татьяна Борисовна — доктор философских наук, зав. сектором библиотековедения научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Самара Людмила Орестовна — главный библиотекарь сектора библиотековедения научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sonysamlu@gmail.com

Пономарева Нина Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора библиотековедения научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Ариадна Александровна Моисеева (1922–1975) прошла в БАН путь от библиотекаря до заместителя директора Библиотеки, оставив в ней яркий и заметный след. Ее начинания и разработки определяли лицо Библиотеки в 1960–1970-е годы и до сих пор сохранили свое значение в важнейших направлениях деятельности Библиотеки Академии наук.

Ключевые слова: Ариадна Александровна Моисеева, Библиотека Академии наук, история книги, обслуживание читателей, библиографическая деятельность, информатизация.

17 сентября 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Ариадны Александровны Моисеевой, советского библиотековеда, библиотечно-го деятеля, заслуженного работника культуры РСФСР. Ее деятельность оказала значительное влияние на жизнь Библиотеки в 1960–1970-е годы, поэтому нам бы хотелось взглянуть на ее вклад в развитие Библиотеки Академии наук (БАН) с позиции современности.

Жизнь и творчество Ариадны Александровны достаточно подробно описаны в статье А.Я. Кривенко «Деятельность А.А. Моисеевой в Библиотеке АН СССР» [1].

Напомним, что Ариадна Александровна родилась в Вологде. С 1923 г. жила в Ленинграде. Здесь она закончила среднюю школу. В 1941 г. добровольно вступила в ряды действующей Советской Армии, прошла обучение на курсах санинструкторов и была направлена на Ленинградский фронт. Она — участница ряда операций по обороне Ленинграда, ветеран Невской Дубровки. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу на Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В 1950 г. Ариадна Александровна поступила в Ленинградский библиотечный институт, который с отличием закончила в 1954 году и, отка-

завшись от аспирантуры, начала практическую деятельность в одной из массовых библиотек. В 1956 г. она пришла работать в БАН. Увлеченность профессией, творческий подход к работе, интерес ко всему новому способствовали тому, что она прошла путь от библиотекаря до заместителя директора Библиотеки АН СССР. В 1960 г. А.А. Моисеева была назначена на должность заместителя директора, а в 1968–1970 гг. исполняла обязанности директора БАН СССР [2, с. 499].

На этом ответственном посту в Ариадне Александровне раскрылись черты подлинного руководителя — инициатора прогрессивных форм и методов библиотечно-библиографической работы в ситуации, когда директорами библиотеки были представители не библиотечных сфер деятельности.

Годы, когда Ариадна Александровна руководила библиотечно-библиографической и научной работой Библиотеки, были годами подъема в истории Библиотеки Академии наук СССР. Именно в этот период Библиотека стала Всесоюзным методическим центром в области международного книгообмена, иногороднего МБА в области иностранной литературы по физико-математическим и естественным наукам; центром координации справочно- и научно-библиографической работы библиотек СССР [1, с. 313].

Ее начинания получили развитие в деятельности БАН в последующие годы.

Под руководством А.А. Моисеевой в 1960–1970-е годы начинается работа над созданием автоматизированной системы информационного обеспечения разработок (АСИОР), которая предназначалась для информационного обслуживания научных работников. С этой целью в Библиотеке была организована группа АСИОР. Работа получила поддержку Государственного комитета по науке и технике в форме создания Автоматизированной системы БАН (АС-БАН). Опыт этой работы стал основой для дальнейших исследований в области автоматизации библиотечно-библиографических процессов.

А.А. Моисеева была признанным консультантом по вопросам библиотекведения и информации. Ариадне Александровне принадлежала идея использования пишущих автоматов в библиотечной работе. Были составлены технические отчеты и разработаны методические рекомендации по применению пишущих автоматов в ряде библиотечно-библиографических процессов. Этот опыт Библиотеки был интересен для коллег других библиотек.

Тесная связь БАН СССР с академическими институтами и библиотечными советами дала возможность А.А. Моисеевой развернуть научно-библиографическую работу в библиотеках сети и обеспечить высокое

Ариадна Александровна Моисеева
(1922–1975)

качество подготавливаемых библиографических указателей (1), повлиявших на активизацию научной деятельности в научно-исследовательских институтах Академии наук. Ею был разработан подробный план работ по подготовке библиографических пособий в области текущей и ретроспективной библиографии (отраслевые и тематические указатели), в области раскрытия фондов библиотеки (печатные каталоги и библиография изданий АН СССР и академий наук союзных республик) [3, с. 13]. Эта работа продолжается и по сей день (2).

При А.А. Моисеевой в Библиотеке сложилась практика регулярных научных конференций. Это конференции по истории книги, по вопросам отраслевой и тематической библиографии, юбилейные конференции. В настоящее время они получили развитие в научных конференциях БАН (3), научных семинарах и чтениях (4), сборниках научных работ БАН (5).

Большим достижением стала организация в БАН научно-исследовательского отдела истории книги, инициатором создания которого была А.А. Моисеева. Исследования в области истории книги стали одним из перспективных направлений деятельности Библиотеки Академии наук СССР. Ариадна Александровна поддерживала работу отдела рукописной и редкой книги по научному описанию рукописей, публикации рукописных материалов, подготовке тематических сборников. Благодаря этому в настоящее время в БАН существуют два крупных научно-исследовательских отдела — отдел рукописей и отдел редкой книги, которые ведут разнообразную палеографическую и научно-исследовательскую работу.

А.А. Моисеева поддерживала научные контакты БАН с зарубежными библиотеками (Чехословакия, Польша, Финляндия) и библиотеками АН союзных республик (Эстония, Латвия, Белоруссия, Литва, Армения). Эти контакты продолжаются в рамках международного книгообмена.

Круг ее научных интересов был неизменно связан с Библиотекой. А.А. Моисеева — автор более 25 опубликованных работ. Одним из последних документов, разработанных ею, стали «Основные направления Библиотеки Академии наук СССР на перспективу до 1980 года». Это взгляд в будущее. И как сказано в статье А.Я. Кривенко: «Деятельность Ариадны Александровны является как бы экраном, на который проецируется деятельность всех руководителей позднего времени. Так уж сложилось исторически. И это ответственно. Здесь состоят для наших нынешних руководителей дополнительные трудности, но здесь заключен и прекрасный жизненный пример» [1, с. 316]. Ее деятельность не ушла в прошлое, а живет в ее начинаниях, которые сохраняют свое значение в настоящем и будущем Библиотеки.

Примечания

1. См., например, История русской литературы XIX века: библиогр. указ. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); под ред. К.Д. Муратовой. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. 970 с.; История русской литературы XIX — начала XX века: библиогр. указ.: общий раздел / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом); под ред. К.Д. Муратовой. Ленинград: Наука, 1993. 496 с.

2. С 1956 года Библиотека Академии наук осуществляет выпуск ежегодника «Библиография изданий академии наук». В 1957 году вышел первый выпуск. Всего за 1957–1993 годы было издано 38 выпусков. 39 и 40 тома были подготовлены к печати. В 2006 году БАН приступила к реализации издательского проекта, который предполагал публикацию ранее не печатавшихся библиографических указателей академических изданий. Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945: ежегодник / рук. проекта Н.В. Колпакова, отв. исп. Т.В. Кульматова. Санкт-Петербург: БАН, 2010–2015. Вып. 1–5. (Мемориальный проект); Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004 /редкол.: Н.М. Баженова и др. Санкт-Петербург: БАН, 2006–. (Мемориальный проект). Вып. 1: 1994. 696 с.; Вып. 2: 1995. 696 с.

Среди других библиографических указателей, выпускаемых в настоящее время можно назвать: Газета «Санкт-Петербургские ведомости, XVIII в.»: указ. к содержанию (1761–1765): в 2 ч. / редкол.: Е.В. Анисимов (отв. ред.) Н.С. Трофимова, К.В. Хрипун и др. СПб.: БАН, 2002. 896 с.; История костюма в России с древнейших времен до наших дней: библиогр. указ. книг и статей на рус. языке, 1710–2007 / Б-ка Российской академии наук; сост. А.Э. Жабрева. СПб.: БАН, 2008. 478 с.; Отечественные деятели науки и техники на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников: аннот. библиогр. указ. (1956–2000 гг.): в 2 ч. / БАН; сост.: Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева, Н.А. Сидоренко (отв. ред.); науч. рук. В.П. Леонов. СПб.: БАН, 2014. Ч. 1. 984 с.; Ч. 2. 985–1993 с.; Участники Великой Отечественной войны на страницах биографических и биобиблиографических словарей и справочников (1956–2000 гг.): аннот. библиогр. указ.: в 2 ч. / БАН; науч. рук. В.П. Леонов; сост.: Н.В. Бекжанова, А.Э. Жабрева, Н.А. Сидоренко (отв. ред.). СПб., 2012; Библиотека Российской академии наук: указ. работ сотр. (2000–2009). СПб.: БАН, 2015. 235 с.

3. См., например, Библиотеке академии наук 290 лет (25–26 нояб. 2004 г.); Библиотека академии наук: 300 лет служения науке: юбил. науч. конф., посвящ. 300-летию Библиотеки Российской академии наук (27–28 нояб. 2014 г.); Современные проблемы археографии, 25–27 мая 2010 г.; Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев (2003, 2008) г.; науч.-практ. конф. молодых ученых «Библиотекосведение, библиографосведение и книговедение: глобальные перспективы и локальные возможности», посвящ. 305-летию Библиотеки Российской академии наук и 295-летию Российской академии наук (29–30 нояб. 2019 г.)

4. Научные чтения «Реальные и формальные каталоги БАН: история, современное состояние, перспективы», посвящ. 115-летию со дня рождения А.А. Панова (1907–1981) (2022); науч. семинар «Книги и библиотеки», посвящ. памяти Е.А. Савельевой (2022); науч.-практ. семинар «Декоративные бумаги: история, современность, проблемы изучения» (2022); науч. семинар «Книжная культура России конца XVII — первой четверти XVIII вв.» (2022); «Библиотека Российской академии наук в социальных сетях: опыт и перспективы развития» (2021); Лупповские чтения (2010, 2015, 2020); Чтения памяти К.И. Шафрановского (2008, 2011).

5. См., например, Книга в России: к истории академической библиотеки: сб. науч. тр. / отв. ред. И.М. Беляева, отв. сост. А.А. Романова. СПб.: БАН, 2014. 194 с.; Книга в России XI–XX вв. Вып. 21: сб. науч. тр. / отв. ред. В.П. Леонов; отв. сост. Е.А. Савельева. СПб.: БАН, 2004. 363 с.; Сборник научных трудов: (по материалам науч. конф. БАН) / отв. ред. В.П. Леонов. СПб.: БАН, 2010. 290 с.; Наука и библиотека: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2020. — Вып. 1. — (Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

Список источников

1. Кривенко А.Я. Деятельность А.А. Моисеевой в Библиотеке АН СССР // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбилейной науч. конф., Санкт-Петербург 28 нояб. — 1 дек. 1989 г. / редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Л.М. Равич, М.А. Шапарнева. Санкт-Петербург: БАН, 1991. С. 306–316.

2. Моисеева Ариадна Александровна // Великая Россия. Т. 13. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. В 2 кн. Кн. 1 / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. С. 499.

3. О дальнейшем развитии библиографической работы в библиотеках Академии наук СССР [доклад на пленуме Библиотечного совета при Президиуме АН СССР 16 апр. 1964 г.] // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Москва, 1964. № 51. С. 1–20.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список работ Ариадны Александровны Моисеевой (1922–1975)

1961

Моисеева А.А., Смолин Г.Я. Некоторые итоги выполнения постановления ЦК КПСС в библиотеке Академии СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1961. — № 32. — С. 1–20.

1963

Моисеева А.А. К вопросу о роли библиотек в системе научно-технической информации // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1963. — № 46. — С. 9–24.

Ред.: Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. Т. 7 / редкол.: В.П. Алексеева, Е.В. Бажанова, О.А. Барыкина, В.Н. Воронов, А.А. Моисеева, М.С. Филиппов (отв. ред.), В.Я. Хватов. — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. — 238 с.

1964

Моисеева А.А. О дальнейшем развитии библиографической работы в библиотеках Академии наук СССР [доклад на пленуме Библиотечного совета при Президиуме АН СССР 16 апр. 1964 г.] // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1964. — № 51. — С. 1–20.

Моисеева А.А. 250 лет на службе науке / Моисеева А.А., Филиппов М.С. // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1964. — № 53. — С. 4–26.

Моисеева А.А. На службе отечественной науки: [к 250-летию Библиотеки АН СССР] // Библиотекарь. — 1964. — № 11. — С. 10–14.

Моисеева А.А. 250 лет служения науке. Юбилей библиотеки Академии наук СССР // Природа. — 1964. — № 10. — С. 113–115.

1965

Моисеева А.А. Библиотека Академии наук СССР как центр сети академических библиотек // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР: сб. докл. юбил. науч. конф., 25–26 нояб. 1964 г. / редкол.: А.И. Копанев, А.Я. Кривенко, С.П. Луппов и др. — Москва; Ленинград, 1965. — С. 64–77.

Ред.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению: (к 400-летию русского книгопечатания) / редкол.: А.И. Манкевич, А.А. Моисеева (отв. ред.), А.Н. Степанов. — Ленинград, 1965. — 338 с.

1966

Моисеева А.А. Изучение библиотекой Академии наук СССР профессиональных библиотечно-библиографических запросов специалистов: (предварительное сообщение) / Т.Н. Ковальчук, А.А. Моисеева // Сборник материалов в помощь разработке проблемы «Библиотека и научная информация». — Л., 1966. — Вып. 3. — С. 18–30.

1967

Моисеева А.А. Научная и научно-методическая работа Библиотеки Академии наук СССР за годы Советской власти (1917–1967) / Моисеева А.А., Кривенко А.Я. // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1967. — № 4 (66). — С. 7–58.

Сост.: Библиотека Академии наук СССР в 1962–1964 гг. / сост.: А.Я. Кривенко и А.А. Моисеева; отв. ред. М.С. Филиппов. — Ленинград: Изд. отдел Библиотеки АН СССР, 1967. — 189 с.

1968

Моисеева А.А. [Выступление на семинаре по разработке проблемы «Механизация библиотечно-библиографических процессов» (Ленинград, 9–11 янв. 1968 г.)] // Науч.-техн. информация. Серия 1. — 1968. — № 6. — С. 22.

1969

Моисеева А.А. Научный сотрудник и научная библиотека // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: тезисы докл. к симпозиуму по социол. и психол. проблемам науковедения, Ленинград, 28–29 янв. / Ин-т истории естествознания и техники АН СССР, Ленигр. отд-ние. — Ленинград, 1969. — С. 63–68.

Моисеева А.А. Выступление на X совещании директоров библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1969. — № 2 (72). — С. 34–36.

Ред.: Сводный каталог библиографических работ, выполненных в Советском Союзе. Естественные и физико-математические науки. Вып. 7. 1967 / сост.: Н.К. Давиденкова и В.В. Петроченков; под ред. Н.К. Давиденковой и А.А. Моисеевой (отв. ред.). — Ленинград: Изд. отдел Библиотеки АН СССР, 1969. — 220 с.

Сост.: Описание произведение печати для библиографических и информационных изданий. ГОСТ 7.1-69 / сост.: А.А. Моисеева, С.П. Луппов, Н.А. Никифоровская. — Изд. официальное. — Москва: Стандартиздат, 1969. — 25 с.

1970

Моисеева А.А. Итоги работы Библиотеки Академии наук СССР за 1969 год и перспективы на 1970 год // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1970. — № 2 (76). — С. 35–53.

Моисеева А.А. Роль научной библиотеки в информационном обслуживании ученых // Науч. и техн. библиотеки СССР. — 1970. — Вып. 3/4. — С. 41–45.

То же // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов: материалы для обсуждения на симпозиуме по проблемам науковедения, Ленинград, 20–21 янв. 1970 г. / Ин-т истории естествознания и техники АН СССР, Ленигр. отд-ние. — Ленинград, 1970. — Вып. 3. — С. 73–79.

Моисеева А.А. Библиотеки академических учреждений и некоторые проблемы информационно-библиографического обслуживания // Материалы X научной конференции Библиотеки Академии наук СССР, Ленинград, 18–20 окт. 1967 г. / редкол.: А.И. Копанев, А.Я. Кривенко, М.В. Кукушкина, А.А. Моисеева (отв. ред.), И.С. Смирнов. — Ленинград, 1970. — С. 156–167.

Моисеева А.А. Эффективность сети академических библиотек как составной части сети библиотек СССР // XI совещание директоров библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик: тез. докл. (Ленинград, 15–21 сент. 1970 г.). — Ленинград, 1970. — С. 13–17.

Моисеева А.А. Эффективность сети академических библиотек как составной части единой планомерной сети библиотек СССР // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. — Москва, 1970. — № 3 (77). — С. 71–96.

Моисеева А.А. Система естественнонаучных и технических журналов Академии наук СССР // Материалы по науковедению: III киевский симпозиум по науковедению

нию и науч.-техн. прогнозированию : тезисы докл. / редкол.: Г.М. Добров (отв. ред.), В.Н. Клименюк, И.Н. Манкула и др. — Киев, 1970. — Вып. 5. — С. 106–108.

Ред.: Материалы X научной конференции Библиотеки Академии наук СССР, Ленинград, 18–20 окт. 1967 г. / редкол.: А.И. Копанев, А.Я. Кривенко, М.В. Кукушкина, А.А. Моисеева (отв. ред.), И.С. Смирнов. — Ленинград : Изд. отдел Библиотеки АН СССР, 1970. — 217 с.

Ред.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Вып. 2 / редкол.: А.И. Копанев, А.А. Моисеева (отв. ред.), А.Н. Степанов. — Ленинград : Изд. отдел Библиотеки АН СССР, 1970. — 339 с.

Ред.: Сводный каталог библиографических работ, выполненных в Советском Союзе. Естественные и физико-математические науки. Вып. 8. 1968 / сост.: Н.К. Давиденкова, П.И. Егоров, К.В. Степанов, А.А. Стрельникова ; под ред. П.И. Егорова и А.А. Моисеевой (отв. ред.). — Ленинград : БАН, 1970. — 290 с.

1971

Моисеева А.А. Роль государственных универсальных библиотек различного типа / Т.Н. Ковальчук, А.А. Моисеева // Специалист-библиотека-библиография: опыт исследования профессиональных потребностей в информации / сост.: В.Н. Акимова, К.П. Алексеева, В.А. Артисевич и др. — Москва, 1971. — С. 332–345.

Моисеева А.А. [Академические библиотеки и их роль в удовлетворении запросов специалистов] / Т.Н. Ковальчук, А.А. Моисеева // Специалист-библиотека-библиография: опыт исследования профессиональных потребностей в информации / сост.: В.Н. Акимова, К.П. Алексеева, В.А. Артисевич и др. — Москва, 1971. — С. 366–369.

1972

Моисеева А.А. Оптимальные формы организации системы академических библиотек и ее место в общегосударственной системе научно-технической информации : [доклад на XII совещании директоров библиотек АН СССР и академий наук союзных республик] / Л.Г. Ефимова, А.А. Моисеева, И.А. Скороход. — Ленинград, 1972. — 10 с.

Ред.: Сводный каталог библиографических работ, выполненных в Советском Союзе. Естественные и физико-математические науки. Вып. 9. 1970 / сост.: Н.К. Бойко, К.В. Степанов, Л.А. Томас ; под ред. П.И. Егорова и А.А. Моисеевой (отв. ред.). — Ленинград, 1972. — 341 с.

Ред.: Сводный каталог библиографических работ, выполненных в Советском Союзе. Естественные и физико-математические науки. Вып. 11. 1971 / сост.: Н.К. Бойко, К.В. Степанов, Л.А. Томас ; под ред. Л.А. Томас и А.А. Моисеевой (отв. ред.). — Ленинград, 1972. — 214 с.

1973

Ред.: Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук СССР по книговедению. Вып. 3 / редкол.: А.И. Копанев, А.А. Моисеева (отв. ред.), А.Н. Степанов. — Ленинград : Изд. отдел Библиотеки АН СССР, 1973. — 495 с.

1974

Моисеева А.А. Современное состояние традиционных ИПС в библиотеках // Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. тр. XI науч. конф. Библиотеки АН СССР (30 мая — 2 июня 1972 г.) / редкол.: Э.П. Горшкова, А.Я. Кривенко, А.А. Моисеева (отв. ред.) и др. — Ленинград, 1974. — С. 5–14.

Моисеева А.А. Повышение профессиональной квалификации кадров в Библиотеке Академии наук СССР / Моисеева А.А., Ефимова Л.Г. // Совет. библиотековедение. — 1974. — № 2. — С. 84–93.

Моисеева А.А. Старейшая академическая: [О БАН СССР] // Библиотекарь. — 1974. — № 5. — С. 30–33.

Ред.: Проблемы оптимизации традиционных информационно-поисковых систем в библиотеках : сб. тр. XI науч. конф. Библиотеки АН СССР (30 мая — 2 июня

1972 г.) / редкол.: Э.П. Горшкова, А.Я. Кривенко, А.А. Моисеева (отв. ред.), А.А. Панов (зам. отв. ред.), И.А. Скорород. — Ленинград, 1974. — 311 с.

1976

Ред.: Вопросы библиографии: сб. ст. и материалов / редкол.: О.П. Белявская, А.А. Моисеева (отв. ред.), М.В. Петровская, Л.А. Томас. — Ленинград, 1976. — 235 с.

Ред.: Рукописные и редкие печатные книги в фондах библиотеки АН СССР: сб. науч. тр. / редкол.: А.И. Копанов, А.Я. Кривенко, М.В. Кукушкина и др.; предисл. С.П. Лупшова; под ред. С.П. Лупшова и А.А. Моисеевой. — Ленинград: БАН, 1976. — 158 с.

1977

Моисеева А.А. Централизованная автоматизированная система обработки / А.А. Моисеева, Т.Н. Данченко // Библиотекарь. — 1977. — № 3. — С. 71–75.

Публикации, посвященные А.А. Моисеевой

Памяти Ариадны Александровны Моисеевой // Вопросы библиографии: сб. ст. и материалов / редкол.: О.П. Белявская, А.А. Моисеева (отв. ред.), М.В. Петровская, Л.А. Томас. — Ленинград, 1976. — С. 231–233.

Кривенко А.Я. Деятельность А.А. Моисеевой в Библиотеке АН СССР // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докл. юбил. науч. конф., Санкт-Петербург, 28 нояб. — 1 дек. 1989 г. / редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.), Л.М. Равич, М.А. Шапарева. — Санкт-Петербург, 1991. — С. 306–316.

MARKOVA T., SAMARA L., PONOMAREVA N. Serving the Library: to the 100th anniversary of the birth of Ariadna Aleksandrovna Moiseeva

Markova Tatyana — doctor of Philosophical Sciences, Head of Sector of the Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: tatjana.marko2016@yandex.ru

Samara Ludmila — Chief librarian of Sector of the Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sonysamlu@gmail.com

Ponomareva Nina — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the librarian Ariadna Alexandrovna Moiseeva (1922–1975). Her initiatives and developments, which were developed in the activities of the Academy of Sciences Library in subsequent years, are analyzed.

Keywords: Ariadna Alexandrovna Moiseeva, Academy of Sciences Library, book history, reader service, guide.

УДК 025.175+025.341.2
ББК 78.350.4+78.365.52

Н.А. Сидоренко

КОЛЛЕКЦИЯ БИОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ А.И. ЛЯЩЕНКО И ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТОТЕКА К НЕЙ

Сидоренко Наиле Афрасьябовна — заведующий отделом, справочно-библиографический отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Приведены краткие сведения о коллекции биографических материалов, собранной А.И. Лященко и подаренной им Библиотеке Академии наук СССР (1927). Описана работа Л.Г. Гринберг по организации коллекции, библиотечной обработке, созданию справочно-поискового аппарата в виде топографической картотеки (1955–1956). Охарактеризована картотека, обеспечивающая доступ к разным типам документов коллекции (отдельным изданиям, журнальным статьям, объединенным в конволюты, газетным статьям, наклеенным в альбомы).

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, личные коллекции, биографические материалы, картотеки, Лященко Аркадий Иоакимович (1871–1931), Гринберг Любовь Григорьевна (1903–1988).

«Кто бывал в библиотеке Академии наук, тот не мог не заметить целого ряда шкафов, стоящих в нижнем коридоре библиотеки. Содержание этих шкафов отражает почти сорокалетнюю собирательскую деятельность А.И. Лященко, выдающегося литературоведа и неутомимого собирателя биографических материалов, относящихся к русской и украинской литературе и названных им “Personalia”» [1].

Добавим к этой цитате, что в 1927 г. А.И. Лященко (1871–1931) — литературовед, историограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР (1928), заведующий Славянским фондом Библиотеки Академии наук СССР (1921–1931) (далее БАН) — принес в дар учреждению свою коллекцию биографических и историко-литературных материалов. В годовом отчете БАН за 1927 г. отмечалось, что коллекция насчитывала свыше 15 тыс. книг, брошюр, оттисков, журнальных и газетных вырезок и предназначалась для пополнения справочной библиотеки Рукописного Отделения БАН [2].

В течение следующей почти четверти века коллекция продолжала находиться в тех же шкафах, по всей видимости — без должного внимания и без заботы о ее целостности. В начале 50-х годов решением администрации БАН коллекция была присоединена к фонду справочно-библиографического сектора Отдела обслуживания и основных фондов (далее с.-б. сектор ОО и ОФ). В настоящее время она является частью фонда Справочно-библиографического отдела БАН (СБО БАН).

Хронологические рамки коллекции — с начала XIX в. по 1931 г. Героями публикаций являются, главным образом, отечественные деятели (с древнейших времен по первую треть XX в.), проявившие себя на раз-

ных поприщах (очевиден, однако, интерес коллекционера к русской литературе и ее исследованиям).

А.И. Лященко отбирал в свою коллекцию биобиблиографические и биографические публикации, юбилейные статьи, некрологи, мемуары, заметки частного фактографического характера, полемические статьи, рецензии и др., в основном на русском языке. В составе коллекции имеются также иконография, некоторый листовый материал (афиши, объявления, приглашения), отдельные рукописные документы (письма, открытки).

Коллекция была организована собирателем в алфавитном порядке персон: один ряд для книг, брошюр, отрывков и статей из журналов и сборников, второй — для газетных вырезок. Журнальные публикации А.И. Лященко оформлял следующим образом: в верхней части страницы указывал имя персоны; в нижней — источник, из которого была изъята статья (название журнала, год, том, номер или месяц). В газетных вырезках, если не было ясно из заглавия, имя героя подчеркивалось в тексте простым или синим карандашом, на полях указывался источник публикации.

Мы предполагаем, что сам собиратель позаботился о том, чтобы документы коллекции были проштемпелеваны печатью «Из собрания А. Лященко» (доподлинно, однако, это не известно).

Итак, примерно в 1953–1954 гг. ОО и ОФ получил указание о присоединении коллекции А.И. Лященко к фонду с.-б. сектора, перед которым ставилась задача в кратчайшие сроки организовать коллекцию, осуществить ее полный библиотечный учет, сделать к ней поисковый аппарат. Эта акция проходила в рамках масштабных мероприятий по реализации постановления Президиума Академии наук СССР от 27 марта 1953 г. «О мерах по устранению недостатков в деле хранения, учета и обеспечения сохранности библиотечных фондов в Библиотеке АН СССР в г. Ленинграде» [3].

Для выполнения поставленной задачи в секторе была организована группа, в состав которой кроме руководителя вошли инвентаризаторы и сотрудник из Отдела гигиены. Скорее всего, это были 3–4 временных сотрудника без библиотечной квалификации, из числа принятых в БАН на период полной инвентаризации и проверки фондов. Руководителем группы (бригады) была назначена младший научный сотрудник с.-б. сектора ОО и ОФ Любовь Григорьевна Гринберг.

Л.Г. Гринберг работала в БАН с августа 1934 по начало 1958 г. Большую часть службы она была связана с библиотекой Института литературы АН СССР (ныне Институт русской литературы РАН, ИРЛИ), где занималась организацией и каталогизацией фонда, справочно-библиографическим обслуживанием. В 1942 г. вместе с институтом была эвакуирована в Ташкент, где обеспечивала библиографическое обслуживание сотрудников и работу МБА. В мае 1944 г. Л.Г. Гринберг возвратилась в Ленинград и в должности заведующего библиотекой института возглавила восстановительные работы. Позднее она также была привлечена к научно-библиографической работе, принимала участие в подготовке библиографических пособий пушкиноведческой тематики. С апреля 1952 по февраль 1953 г. Л.Г. Гринберг в должности старшего библиогра-

фа занималась описанием и каталогизацией славянских фондов в Отделе запасных фондов БАН. В 1953 г. перешла в с.-б. сектор Отдела обслуживания на должность старшего редактора (позднее — младший научный сотрудник). Здесь ей было поручено проведение инвентаризации фонда сектора, также она внесла свой вклад в справочно-библиографическое обслуживание читателей [4]. К работе над коллекцией А.И. Лященко Любовь Григорьевна приступила в начале 1955 г.

В архиве БАН сохранились записи Л.Г. Гринберг о работе с коллекцией, поэтому мы имеем представление о том, как именно она осуществлялась [5].

Рабочая бригада была поставлена в сложные условия: жесткие сроки, бытовые неудобства (коридор, плохое освещение, пыль и теснота в шкафах, недостаток раскладочного пространства). Экономия средств и установка на удешевление работ повлияли даже на полноту составляемого библиографического описания: при каталогизации книг и брошюр — описание должно было включать только основные сведения; при описании журнальных статей — фиксировались только автор и заглавие (без выходных данных), использовалось для этого не более двух строк линованной каталожной карточки.

Вот как эмоционально вспоминала Л.Г. Гринберг этот этап работы: «Были ли трудности? Конечно, и очень много. Во-первых, с самого начала все было неправильно спланировано. Безумная спешка с внесением в инвентарь (т.к. вся подготовительная, предварительная работа хоть и оплачивалась, не ставилась ни во что; не внесено в инвентарь, значит не сделано), привела к тому, что к одной и той же букве обращались несколько раз, поскольку вырезки находились только в воображаемом порядке. Из-за многочисленных переносов материал был наполовину спутан, и буква А или Б были в нескольких местах. Приходилось многожды подборки проверять, подкладывать, менять нумерацию аллигатов и т.п. Часть материала уходила в переплет, а тем временем комплектовался конволют, в который попадали дублиеты» [6]. Тем не менее, через два года результат, о котором скажем ниже, был достигнут.

Ознакомившись с коллекцией, Л.Г. Гринберг решила сохранить принцип расстановки — алфавит персон, т.к. это был кратчайший путь к цели.

Наличие в коллекции трех видов публикаций: 1) отдельные издания и оформленные оттиски, 2) журнальные статьи, 3) газетные вырезки — обусловило и троякий подход Любовь Григорьевны к библиотечному оформлению этих единиц. Для коллекции был назначен однотипный шифр — в числителе Л 011 п, в знаменателе — фамилия и инициалы персоны с порядковым номером. Был также изготовлен специальный ярлык.

Сначала книги, брошюры и оттиски были отобраны из массива, расставлены в алфавитном порядке, снабжены ярлыками и шифрами. На книги и брошюры были составлены от руки каталожные карточки с краткими библиографическими описаниями (автор, название, место и год издания). Оттиски были описаны более подробно, с указанием источника публикации (правда, только на начальном этапе, и только, как мы думаем, благодаря усилиям Л.Г. Гринберг). Каждая единица была за-

инвентаризирована. Карточки составили основу топографической картотеки.

Журнальные статьи формировались в конволюты в алфавите персон (но, по разным причинам, могли быть и отклонения от этого правила). Конволют переплетался, шифр ему присваивался по фамилии первой персоны. Конволют вносился в инвентарную книгу, с примечанием о количестве в нем аллигатов. На основной каталожной карточке значился первый аллигат, затем на этой и следующих карточках под своими порядковыми номерами следовали усеченные названия остальных аллигатов данного конволюта. Очевидно, что такие записи могли ничего или почти ничего не сообщать о лице, которому была посвящена статья. Поэтому на имя каждой персоны составлялась специальная ссылочная (адресная) карточка с указанием шифра и номера аллигата. Как писала Л.Г. Гринберг, «описание конволютов весьма своеобразно, но все-таки дает полную возможность установить, имеется ли в собрании то или иное разыскиваемое лицо» [7].

Основные и ссылочные карточки вливались в общую картотеку, а конволюты занимали на полке свои места рядом с книгами, строго по шифрам.

Газетные вырезки также были подобраны по алфавиту персон, наклеены на листы бумаги (30x40 см), позднее переплетены в 4 альбома, примерно по 300 листов в каждом. Л.Г. Гринберг успела обработать только вырезки на буквы А и Б (681 персона). В конце каждого альбома она от руки вписала алфавитный указатель лиц с отсылкой к соответствующим страницам. На каждую персону были составлены ссылочные карточки (с указанием номера альбома и страницы/страниц), которые также были влиты в общую топографическую картотеку.

Оставшийся материал был окончательно разобран и отражен в рабочей картотеке уже в наши дни ведущим библиотекарем СБО Л.И. Сороколетовой. В настоящее время этот массив (объемом свыше 39 тыс. документов) доступен для использования.

Близко ознакомившись с коллекцией, Л.Г. Гринберг оставила на страницах рабочих блокнотов ряд важных замечаний о ней. Так, она делится своими наблюдениями о «чистоте» лященковской коллекции. Как библиотекарь-библиограф с большим опытом, Любовь Григорьевна пришла к выводу, что — после 1928 г. «в его [Лященко] собрание подставлялась аналогичная литература из других источников. Попадают книги со штампом Рукописного отдела, комиссии по истории знания, из книг Лаппо-Данилевского, из книг Витберга (об этом же упоминает в своей статье Н.В. Бекжанова [8] — Н.С.), из фондов ЛОКА, из дублетов ИРЛИ и др. Никак не удалось мне выяснить, кто же, когда подставлял эти книги. Даже К.И. Шафрановский, который знает про БАН все и еще что-то, не знает этого. Одно ясно, что кто-то за этим собранием следил, имел его в поле зрения и едва ли не до самого предвоенного времени. Сужу об этом по книгам из ИРЛИ, которые, как дублиеты, переданы были [в БАН] года за два до войны» [9].

Л.Г. Гринберг также подчеркивала, что главный интерес коллекционера составлял именно аналитический материал (журнальные и газетные статьи), а не отдельные издания. Со знанием дела она замечает: «Наиме-

нее интересную часть составляют книги. И не только потому, что книга — вещь и более находимая, и более повторяемая. Но еще и потому, что в отношении каждого объекта, будь то Толстой или Пушкин подбор книг случаен, неполон даже для своего времени, хоть и интересен» [10].

Л.Г. Гринберг обратила внимание на особенности рубрикации документов самим А.И. Лященко. Если сопутствующая информация казалась собирателю важнее основной, стержневой (которой была посвящена статья), это отражалось в выборе персоны при рубрикации документа. Любовь Григорьевна резюмирует: «Вот почему коллекция Лященко неповторима. Может быть, многие статьи и найдутся в других собраниях, но не всегда совпадет лицо, к которому вырезка отнесена» [11].

Л.Г. Гринберг также отмечает: А.И. Лященко был уверен, что вырезками будут пользоваться, и в помощь будущим читателям он, например, дописывал отсутствующее начало или конец публикации (или сообщал, в каких номерах журнала печаталось начало/конец статьи), дополнял библиографические списки, уточнял авторство статей, оставлял полезные рекомендации для дополнительного чтения. На документах коллекции встречаются особые пометы, например: «Данная повесть содержит много автобиографических данных», «Более строгую рецензию см. там-то», «Последняя статья такого-то», «Статья в Р.М. (“Русской мысли”) не появилась» и др. [12].

Сегодня мы с благодарностью произносим имя Любовь Григорьевны Гринберг, которая оценила исключительность коллекции, проявила, в условиях, в общем-то, авральной работы, уважение и внимание и к материалу в целом, как явлению культуры, и к каждому ее документу в отдельности.

Итак, в 1955–1956 гг. в с.-б. секторе ОО и ОФ была выполнен комплекс работ по обработке и каталогизации коллекции биографических материалов А.И. Лященко (объемом около 30 тыс. документов). Тем самым был положен конец бесхозному состоянию коллекции, узаконен ее статус. А к процессу справочно-библиографического обслуживания читателей был привлечен дотоле неиспользуемый значительный массив ценной и редкой оригинальной биографической литературы.

Созданная топографическая картотека, безусловно, является ключом к коллекции А.И. Лященко, т.к. она базируется на двух ведущих поисковых признаках — имени деятеля и шифре. Подчеркнем еще раз, что картотека открывает доступ к значительному массиву аналитического материала, в несколько раз превышающего книжный. На тот период времени и в тех сложных условиях Л.Г. Гринберг удалось создать минимальный и достаточный справочный инструмент для управления коллекцией и для ее использования.

Но сегодня очевидно, что топографическая картотека имеет серьезные ограничения в применении. Другие существенные поисковые параметры — соавторы и другие участники подготовки публикаций, учреждения, подзаголовочные данные, сведения о сериях, издательствах, количественные характеристики, особенности экземпляров, область деятельности героев, тематика публикаций, наконец, другие персоны, о которых также может быть информация в документе — остались за рамками созданного справочного аппарата.

В настоящее время в СБО БАН ведутся предварительные работы по созданию базы данных «Коллекция биографических материалов А.И. Лященко», в которой полные библиографические данные о документе и биографические сведения о персоне будут проиллюстрированы и подкреплены копией сканированного документа.

Список источников

1. Николаевы-Бергины Н.М. и М.П. Газетные и журнальные вырезки, как научный источник: опыт собирания и систематизации биографических материалов политических, литературных и художественных деятелей за 1926–1935 гг. // Сов. библиография. 1936. № 2. С. 91.
2. Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1927 год. Ленинград, 1928. С. 59.
3. История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. Москва ; Ленинград, 1964. С. 498–500.
4. Подробнее о ней см.: Гринберг Любовь Григорьевна (Абрамовна) // История библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016 / Н.С. Беляев. Санкт-Петербург, 2019. С. 516–520.
5. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725 [Гринберг Л.Г. Материалы о собрании А.И. Лященко].
6. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 10.
7. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 20 об.
8. Бекжанова Н.В. Материалы об Александре II в коллекции А.И. Лященко Библиотеки РАН // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст. и сообщ. / СПбГУ. Ист. фак. Санкт-Петербург, 2001. С. 243–245.
9. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 8–9.
10. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 2.
11. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 3–4.
12. Архив БАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 725. Л. 25.

SIDORENKO N. Collection of biographical materials of A.I. Lyashchenko and topographic card index to it

Sidorenko Naile — Head of Department, Reference Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

ABSTRACT

Brief information about the collection of biographical materials collected by A.I. Lyashchenko and donated by him to the Academy of Sciences Library (1927) is given. The work of L.G. Grinberg on the organization of the collection, library processing, creation of a reference and search apparatus in the form of a topographic card file is described (1955–1956). The card file is characterized, providing access to different types of documents in the collection (individual publications, magazine articles combined into convolutes, newspaper articles pasted into albums).

Key words: Russian Academy of Sciences Library, personal collections, biographical materials, topographic card files, Lyashchenko Arkady Ioakimovich (1871–1931), Greenberg Lyubov Grigoryevna (1903–1988).

УДК 02(092)

ББК 78(33)

Н.Н. Елкина

ЮБИЛЕИ К.М. БЭРА

Елкина Надежда Николаевна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник, научно-исследовательский отдел информатики и автоматизации

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: oia@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье дается краткий обзор библиотечной деятельности и памятных юбилеев, посвященных директору 2-го (Иностранного) отделения К.М. Бэру, в которых Библиотека Академии наук принимала участие. Сообщение было приурочено к семинару и выставке, проходившим в Библиотеке Академии наук в связи с 230-летием со дня рождения Карла Максимовича Бэра.

Ключевые слова: Карл Бэр, библиотечная деятельность, юбилейные мероприятия.

17 мая 2022 г. в Библиотеке Академии наук открылась юбилейная выставка и прошел семинар «Книжные коллекции, библиотеки и собрания в библиотечных фондах», посвященные 230-летию со дня рождения Карла Эрнста фон Бэра, всемирно известного своими заслугами в области естествознания. Библиотека Академии наук особо почитает академика как талантливого книговеда и библиотекаря. К.Э. фон Бэр в 1835 г. добровольно принял на себя обязанности Библиотекаря (директора) II Иностранного фонда Библиотеки Академии наук и в течение своей 27-летней деятельности в должности произвел немало благотворных преобразований. Для такой работы, безусловно, требовались специальные знания и навыки в области библиографии, книговедения, библиотекведения, не говоря уже об особой любви к книге и понимании ее роли в научной работе.

Некоторые факты биографии помогают нам понять истоки особенно библиотечного таланта Карла Максимовича, как стали называть его в России: в сообщении на материалах автобиографии К.М. Бэра [1], в биографическом исследовании жизни К.М. Бэра первого биографа Бэра Людвига Штида [2], в переведенной на русский язык в 1950 г. «Автобиографии» [3], в работах Б.Е. Райкова [4] и др. Особенны ценны и интересны автобиографические материалы, раскрывающие нам страницы жизни Бэра «из первых уст». В них академиком с живой непосредственностью описаны ранние и более поздние библиофильские увлечения. Приехав в Россию, академик остро почувствовал необходимость организации хорошей библиотеки, имеющей в своих фондах как издания прошлых веков по всем отраслям знания, так и новые труды отечественных и зарубежных ученых. Таким образом, Бэр начал осуществлять свое стремление сделать в России хорошо организованную научную библиотеку.

Немаловажную роль для последующего участия Бэра в деятельности академической библиотеки сыграло долговременное отсутствие лич-

ной библиотеки в Санкт-Петербурге. Бэр составил «Plan für Ordnen der Bibliothek der Akademie der Wissenschaften», главными мероприятиями которого были создание нового систематического каталога и реорганизация всего фонда. Он обратил свое внимание на то, что в ту пору сведения о книгах были рассеяны в нескольких десятках разных каталогов. С 1855 по 1840 г. Бэр разработал схему нового систематического каталога с включением в него прежних и вновь поступающих изданий. Выходом в 1841 г. печатной схемы систематической классификации Иностранного фонда завершился цикл библиотечных работ, которые назывались «приведением библиотеки в известность», т.е. было организовано соответствие книжного фонда с библиотечным каталогом. Особо следует сказать о том, что завершающим отделом бэровской классификации является составленная им «Опись всем каталогам Академической библиотеки». В этом факте библиотекари, безусловно, увидят уважительное отношение К.М. Бэра к трудам предшествующих поколений библиографов, т.к. по этой описи книги находили, систематизировали и переносили уже в новый каталог. Более 90 лет книги иностранного фонда БАН расставлялись по «бэровской» системе, закрепленной в 45-ти томном рукописном и карточном каталогах. Свою библиотечную деятельность Бэр закончил одновременно с выходом в отставку.

Фонд Бэра в Библиотеке Академии наук — это не личная библиотека ученого, а старейшая книжная коллекция поступивших в Библиотеку изданий с начала ее существования до 1930 г., включающая литературу на иностранных и русском языках. Крупнейшим мероприятием по улучшению организации книжных фондов и каталогов БАН явилось, как говорилось выше, создание новой научной библиотечной классификации, благодаря которой библиотечные фонды стали формироваться и расставляться в соответствии с уровнем развития точных, естественных и гуманитарных наук. Эта часть иностранного фонда БАН не реорганизовывалась и продолжает существовать в том виде, в каком была создана К.М. Бэром и сменившими его директорами-академиками: А.А. Шифнером, А.А. Штраухом, К.Г. Залеманом и М.А. Дьяконовым.

Краткий обзор юбилейных мероприятий в честь академика включил мероприятия с 1864 г. (дата выхода в отставку) до наших дней. Первым из них был 50-летний докторский юбилей Карла Эрнста фон Бэра. Как отмечали газеты того времени: «Это был праздник науки в Петербурге. 3 апреля 1864 г. Академия наук получила благодарственное письмо из ревельской Ritter-und Domchule за присланные из Академии сочинения — их “бывшего питомца сказанного училища, почетного члена Академии К.М. Бэра”» [5, с. 21].

В 1892 году 100-летний юбилей со дня рождения отмечался в Санкт-Петербургской академии наук. Общее Собрание предложило почтить «занятия Бэра» в области развития ученых учреждений «присуждением почетной золотой медали имени Бэра за большие и важные в научном отношении пожертвования в пользу музеев и библиотек Академии» [6, с. 1023]. В Прибалтике сразу в двух газетах — «Таллинском наблюдателе» и «Рижском наблюдателе» — появилось необычное поздравление в форме притчи о рождении Бэра.

В 1927 г., к 100-летию со дня выборов в члены-корреспонденты и 50-летию со дня смерти, Комиссия по истории знаний АН СССР подготовила выставку, посвященную К.М. фон Бэру, был издан «Первый сборник памяти Бэра» [7].

200-летний юбилей в 1992 г. отмечался престижной международной конференцией в Тарту, а в Петербург в Библиотеку Академии наук пришло 22 потомка академика из разных стран мира. В 2012 г. в Библиотеке РАН прошел семинар, посвященный 220-летию со дня рождения Карла Эрнста фон Бэра.

В 2017 г. в Библиотеке Академии наук и Зоологическом музее РАН в Санкт-Петербурге состоялись торжественные мероприятия по случаю 225-летия со дня рождения выдающегося ученого, академика Карла Эрнста фон Бэра.

Семинар 2022 г., приуроченный к 230-летию со дня рождения Карла Максимовича Бэра, завершился прослушиванием авторского перевода притчи о рождении Бэра, напечатанной к столетию со дня его рождения в таллинской газете «Revaler Beobachter» («Ревельский наблюдатель»).

Незатухающий интерес к личности К.М. Бэра, о котором свидетельствуют многочисленные тематические и юбилейные конференции, объединяющие ученых разных дисциплин, вполне объясним мультидисциплинарным характером научной и практической деятельности академика. Современные исследователи продолжают изучать сделанные им открытия, вдохновляясь на новые исследования. Для сотрудников Библиотеки академии наук К.М. Бэр остается примером библиотекаря и библиографа, взявшего на себя кропотливый, многолетний труд по реорганизации и систематизации книжного фонда Библиотеки Академии наук. Поэтому неудивительно, что современное поколение библиотекарей продолжает изучать его наследие в области библиотечной деятельности. Богатство научной литературы бэровского фонда академической библиотеки в последние десятилетия раскрывается в докладах на конференциях, посвященных К.М. Бэру.

Список источников

1. Nachrichten über Leben und Schriften von K.E. v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst. (Selbstbiographie von Dr. Karl Ernst von Baer). St.-Petersburg, 1866.
2. Stieda Ludwig. Prof. Dr. Karl Ernst v. Baer. Eine biographische Skizze. Braunschweig, 1878 ; 2-е изд. 1886. (Обстоятельная биография и список работ Бэра).
3. Автобиография / К.М. Бэр; ред. Е.Н. Павловского; пер. и коммент. Б.Е. Райкова. Ленинград : АН СССР, 1950. 542 с.
4. Райков Б.Е. Карл Бэр, его жизнь и труды / отв. ред. Ю.И. Полянский; ИИЕТ АН СССР. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1961. 524 с.
5. Протоколы заседаний Императорской Академии наук, 1864–1899: документы и указатели по истории БАН. В 2-х кн. / науч. рук. Н.В. Колпакова; отв. ред.: Н.М. Баженова, М.П. Лепехин; сост.: Н.С. Андреева, Н.Н. Елкина (отв. сост.). Санкт-Петербург : БАН, 2020. Кн. 1. С. 1–942.
6. Протоколы заседаний Императорской Академии наук, 1864–1899: документы и указатели по истории БАН. В 2-х кн. / науч. рук. Н.В. Колпакова; отв. ред.: Н.М. Баженова, М.П. Лепехин; сост.: Н.С. Андреева, Н.Н. Елкина (отв. сост.). Санкт-Петербург : БАН, 2020. Кн. 2. С. 943–1576.
7. Первый сборник памяти К.М. фон Бэра. Ленинград, 1927. 71 с.

ELKINA N.N. Anniversaries of K.M. Baer

Elkina Nadezhda — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher, Research Department of Informatics and Automation

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: oia@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article provides a brief overview of library activities and memorable anniversaries dedicated to the director of the 2nd (Foreign) Department K.M. Baer, in which the Academy of Sciences Library took part. The report was timed to coincide with seminar and exhibition held in the Academy of Sciences Library in connection with the 230th anniversary of the birth of Karl Maksimovich Baer.

Key words: Karl Baer, library activities, anniversary events.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ (цветная вклейка)

Иллюстрации к статье

Кульматова Т.В. Мраморная бумага в русском переплете эпохи модерна (по страницам альбома образцов из НБ Эрмитажа и материалам Академического собрания БАН)

1. Мраморная бумага Пауля Керстена «Jugend-Marmor». Фото: Dirk Lange.

2. Мраморная бумага Пауля Керстена «Jugend-Marmor». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 201–204. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

3. Мраморная бумага Пауля Керстена. Вертикальное направление рисунка. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2, 4/1, 4/2, 5. СПб., 1887–1912. Академическое собрание ОИАН БАН.

4. Мраморная бумага Пауля Керстена. Горизонтальное направление рисунка. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1, 6. Академическое собрание ОИАН БАН.

5. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок с использованием длинного гребня. Торговое название «Марокко». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 175. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

6. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «шеvron» (слева). Мраморная бумага «пропущенный зуб» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 129–130. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

7. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «зигзаги» (предлагаемое название). Византийский временник. СПб., 1907. Т. 13, вып. 3/4; *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 1. СПб., 1908. Академическое собрание ОИАН БАН.

8. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «камень». *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. Академическое собрание ОИАН БАН.

9. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 176. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

10. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «камень». *Мацокин П.Г.* Метисы Забайкалья: антропологический этюд врача П.Г. Мацокина. СПб., 1904. Академическое собрание ОИАН БАН.

11. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». *Межов В.И.* Русская историческая

библиография, 1855–1864: [в 10 т.]. СПб., 1874–1884; *Межов В.И.* Русская историческая библиография за 1865–1876 включительно: [в 8 т.]. СПб., 1882–1890. Академическое собрание ОИАН БАН.

12. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 104. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

13. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 110. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

14. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». Сочинения Пушкина. Т. 1. СПб., 1900. Академическое собрание ОИАН БАН.

15. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». Сочинения Пушкина. Т. 1. СПб., 1900. Академическое собрание ОИАН БАН.

16. Мраморная бумага «французский завиток» с использованием гребня, базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 177. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

17. Мраморная бумага «французский завиток» на основе «волнистой бумаги» (базовый рисунок с использованием длинного гребня). Памятная книжка Императорской Академии наук на 1898 г. (СПб., 1898). Поступление из библиотеки Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

18. Мраморная бумага «французский завиток» на «волнистой бумаге» (базовый рисунок с использованием длинного гребня). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 112–113. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

19. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «нонпарель». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 111. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

20. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок с использованием длинного гребня. Альбом образцов переплетных материалов. Л. 168. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

21. Мраморная бумага «листья», базовый рисунок с использованием длинного гребня. Альбом образцов переплетных материалов. Л. 147–150. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

22. Мраморная бумага «листья», базовый рисунок с использованием длинного гребня. *Котляревский А.А.* Сочинения: [в 4 т.]. СПб., 1889–1895. Академическое собрание ОИАН БАН.

23. Мраморная бумага «листья», базовый рисунок с использованием длинного гребня. *Котляревский А.А.* Сочинения: [в 4 т.]. СПб., 1889–1895. Академическое собрание ОИАН БАН.

24. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «камень». *Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. Академическое собрание ОИАН БАН.

25. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «камень» (слева). Мраморная бумага «пропущенный зуб» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 126–127. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

26. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок с использованием длинного гребня (слева). Мраморная бумага «павлин» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 155–156. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

27. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «зигзаги» (слева). Мраморная бумага «пропущенный зуб» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 128–129. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

28. Мраморная бумага «французский завиток», базовый рисунок «зигзаги». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 109. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

29. Мраморная бумага «камень» с литографированными «золотыми венами». Основа — зеленая бумага. *Срезневский И.И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского. [СПб., 1868]. Академическое собрание ОИАН БАН.

30. Мраморная бумага «камень» с литографированными «золотыми венами». Основа — зеленая бумага. Альбом образцов переплетных материалов. Л. 68–69. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

31. Мраморная бумага «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 178–179. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

32. Мраморная бумага «тигровый глаз», базовый рисунок «камень» (слева). Мраморная бумага «тигровый глаз», базовый рисунок «зигзаги» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 92–93. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

33. Мраморная бумага «тигровый глаз», базовый рисунок «камень». Основа — зеленая бумага (слева), синяя (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 94–95. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

34. Мраморная бумага «букет». Памятная книжка Императорской Академии наук 1895 г. (СПб., 1895). Поступление из библиотеки Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

35. Мраморная бумага «павлин». *Пушкин А.С.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1905. Академическое собрание ОИАН БАН.

36. Мраморная бумага «павлин». *Пушкин А.С.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1905. Академическое собрание ОИАН БАН.

37. Мраморная бумага «букет». «Памятная книжка Императорской Академии наук на 1894 г.» (СПб., 1894). Поступление из библиотеки Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

38. Мраморная бумага «павлин». «Памятная книжка Императорской Академии наук на 1896 г.» (СПб., 1896). Поступление из собрания Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

39. Мраморная бумага «испанский муар» с литографированными «золотыми венами», базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 62. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

40. Мраморная бумага «испанский муар» с литографированными «золотыми венами», базовый рисунок «камень». «Памятная книжка Императорской Академии наук на 1897 г.» (СПб., 1897). Поступление из собрания Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

41. Мраморная бумага «испанский муар», базовый рисунок «камень». *Bibliotheca Buddhica*. СПб., 1905. Вып. 6. Академическое собрание ОИАН БАН.

42. Мраморная бумага «испанский муар», базовый рисунок «камень». *Bibliotheca Buddhica*. СПб., 1905. Вып. 6; Памятная книжка Императорской Академии наук на 1911 г. (в центре); Древне-славянский апостол. СПб., 1906. Вып. 2. Академическое собрание ОИАН БАН.

43. Мраморная бумага «французский завиток» на «волнистой бумаге» с литографированными «золотыми венами», базовый рисунок с использованием шила и длинного гребня. Альбом образцов переплетных материалов. Л. 81. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

44. Мраморная бумага «французский завиток» с литографированными «золотыми венами», базовый рисунок с использованием длинного гребня. Альбом образцов переплетных материалов. Л. 82. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

45. Мраморная бумага «пропущенный зуб». Книга бытия моего: дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Ч. 5. СПб., 1899. Академическое собрание ОИАН БАН.

46. Мраморная бумага «пропущенный зуб». *Кондаков Н.П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. Академическое собрание ОИАН БАН.

47. Мраморная бумага «пламя» (условное название). «Памятная книжка Императорской Академии наук на 1897 г.» (СПб., 1897). Поступление из библиотеки Мраморного дворца. Академическое собрание ОИАН БАН.

48. Мраморная бумага «пламя» (условное название). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 133. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

49. Мраморная бумага «двойной гребень» (слева). Мраморная бумага «флёр-де-лис» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 134–135. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

50. Мраморная бумага «шеvron». *Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. Академическое собрание ОИАН БАН.

51. Мраморная бумага «шеvron» со сбоем рисунка (нахзац). *Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. Академическое собрание ОИАН БАН.

52. Мраморная бумага «шеvron». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 192. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

53. Мраморная бумага «серпентин», базовый рисунок «камень». Альбом образцов переплетных материалов. Л. 205. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

54. Мраморная бумага «двойной гребень» (слева). Мраморная бумага «зебра» (справа). Альбом образцов переплетных материалов. Л. 139, 142. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Иллюстрации к статье

Ванюшкина Н.Н. Эбру: традиции и новаторство в поколениях турецких мастеров

55. Страница из альбома «Гуй-и Чевган», 1539 г.

56. Работа Хатиба Мехмеда Эфенди. Библиотека манускриптов Сулеймание в Стамбуле.

57. Работа «Баттал эбру» Эдхема Эфенди.

58. Портрет Неджметина Окъяй.

59. Декорированные цветочными мотивами Неджметтином Окъяй коранические «стихи», написанные каллиграфом Исмаилом Зюхди.

60. Мастер Мустафа Дюзгюнман в процессе создания эбру узоров.

61. «Баттал Дюзгюнмана».

62. «Баттал эбру» мастера Альпарслана Бабаоглу.

63. Мастер Хикмет Барутчугил.

64. Тюльпан в технике эбру мастера Фирдевс Чалканоглу.

65. Снимок анимационного сюжета, нарисованного красками для эбру мастером Гарипом Ай.

Иллюстрации к статье

Курова О.Н. Турецкое искусство эбру в европейских источниках

66. Образец эбру из *album amicorum* австрийского барона Штефана Хаймб фон Райхенштайна, пребывавшего в 1575–1576 годах в Константинополе.

67. Образцы эбру из *liber amicorum* (1587–1612) Иоганна Иоахима Прака фон Аша.

68. Ателье мраморной бумаги и инструменты для ее изготовления. Гравюры из «Энциклопедии» Дидро, 1767 г.

69. Две страницы мраморной бумаги из романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», 1770 г.

Иллюстрации к статье

Фирсова В.С. Японская книжная декоративная бумага (VIII–XIII вв.)

70. «Сутра золотого блеска» (「金光明最勝王經」). Период Нара.

71. Лоскутная бумага. Виды склейки. Источник: составлено на основе <http://jpc.classic.art.coocan.jp/menu022.html>.

72. «Антология 36 бессмертных поэтов». Страница из сборника стихов Оонакатами Ёсинобу (921–991). Размер 16 × 25 см.

73. «Антология 36 бессмертных поэтов». Страница из сборника стихов Ямабэ Акахито (нач. VIII в.). Размер 16 × 25 см.

74. «Антология 36 бессмертных поэтов». Страница из сборника стихов поэта Осикоти-но Мицунэ (859–925). Размер 16 × 25 см.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 5

Редактор *М.Д. Савченко*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 28.11.2022
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 14,4 (456,1 тыс. зн.). Заказ № 119
Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)